
ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Закат на Амуре.

Фото В. Носкова.

На первой странице обложки: Полевые цветы.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Янгали Вахитов исполняет народную мелодию на старинном башкирском инструменте — курае. Еще недавно Вахитов был лесорубом в дальнем Бурзянском районе. Участник многих районных и республиканских смотров художественной самодеятельности, ныне Я. Вахитов стал артистом Башкирской государственной филармонии.

Фото В. Крупина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 25 (1566)

16 ИЮНЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Н. А. БУЛГАНИН И Н. С. ХРУЩЕВ В ФИНЛЯНДИИ

А. НОВИКОВ
Специальный корреспондент «Огонька»



Тысячи жителей Хельсинки сердечно приветствуют на улицах и площадях финляндской столицы посланцев дружественного советского народа Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

Визит Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева в Финляндскую Республику явился подлинной миссией мира и дружбы и встретил горячее одобрение советского и финского народов. Эта поездка, протекавшая в обстановке сердечности и теплого гостеприимства, проявленного к советским государственным деятелям правительством и населением Финляндии, послужила дальнейшему упрочению добрососедских отношений между обеими странами и тем самым — делу мира и безопасности на севере Европы и во всем мире.

Во время пребывания в Финляндии товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев продолжили полезные личные контакты с Президентом Финляндии У. К. Кекконеном, Премьер-Министром В. И. Сукселайненом, Председателем Финляндского парламента К.-А. Фагерхольмом и другими государственными и общественными деятелями дружественной соседней страны, познакомились с трудолюбивым народом Финляндии, с ее промышленностью, сельским хозяйством и культурой. Всюду, где бывали Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев, их горячо приветствовали рабочие, крестьяне, представители интеллигенции, всюду в честь советских гостей раздавались приветственные возгласы и добрые пожелания.

Визит Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева и подписанное Советско-Финляндское Коммюнике еще раз подчеркнули, что связи между СССР и Финляндией строятся на основе полного равноправия, взаимного уважения суверенитета и независимости и совместного стремления обоих народов к миру и плодотворному мирному сотрудничеству.

В здании Государственного совета Финляндии состоялась беседа Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева с Премьер-Министром В. И. Сукселайненом.

Фото В. Егорова (ТАСС).



Н. А. БУЛГАНИН и Н. С. ХРУЩЕВ В ФИНЛЯНДИИ



Н. А. Булганин выступает с речью в Финляндском парламенте.



Зал Мессухалли, украшенный флагами Советского Союза и Финляндии, эмблемами общества «Финляндия — Советский Союз», заполнили 7 тысяч человек. На встрече финской общественности с советскими гостями присутствовали Президент Финляндии Урхо Кекконен, Председатель парламента Фагерхольм, Премьер-Министр Сукселайнен, члены правительства, видные общественные деятели. Тепло встреченный присутствующими, на собрании выступил с речью Н. С. Хрущев.



Во время приема в Финляндском парламенте Н. А. Булганин беседует с Председателем парламента К.-А. Фагерхольмом (справа).

Фото В. Егорова (ТАСС).



Торжественная тишина царила на кладбище Хиетаниеми. Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев возложили венок на могилу покойного Президента Финляндии Ю. К. Паасикиви, много сделавшего для укрепления дружеских отношений его родины с Советским Союзом.

Посещение Президента Финляндии У. К. Кекконена.

Фото В. Егорова (ТАСС).





На городской площади Лахти, одного из молодых растущих городов Финляндии, — тысячные толпы народа. Город Лахти дружит с советским городом Запорожье. Встреча его жителей с советскими гостями носила исключительно сердечный характер.

На завтраке в одном из живописнейших районов Хельсинки—Мунккиниеми. Товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев беседуют с Премьер-Министром Финляндии В. И. Сукселайненом.



В доме фермера Туомаса Пеура Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева встретили радушно, угостили квасом и молоком. В непринужденной беседе шла речь о сельском хозяйстве, потом гости расписались в почетной семейной книге и сфотографировались с крестьянами.



ИЗ ЖИЗНИ ОТВАЖНОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

18 июня исполняется 75 лет со дня рождения великого сына болгарского народа, выдающегося деятеля болгарского и международного рабочего движения Георгия Михайловича Димитрова, всю свою жизнь, всю энергию пламенного борца-революционера отдавшего делу рабочего класса, делу коммунизма.

Жена Георгия Михайловича — Роза Юльевна Димитрова — рассказала нам несколько эпизодов из жизни отважного революционера, относящихся к двадцатым годам.

12 детей часовщика

После фашистского переворота в Болгарии и подавления сентябрьского вооруженного восстания 1923 года Димитров вынужден был покинуть родину и за границей, в частности, в Австрии, вести жизнь профессионального революционера.

Паспорта Димитрову приходилось менять довольно часто. Всем было ясно, что австрийские власти, если им удастся его арестовать, немедленно выдадут его болгарским фашистам, чей суд уже дважды (в 1923 и 1926 годах) заочно приговаривал Георгия Михайловича к смертной казни.

Но как-то, когда Димитров уезжал в одну из западных стран, случилось так, что найти подходящий паспорт не удалось. Пришлось довольствоваться дубликатом паспорта швейцарского часовщика Бауэра. Димитров сфотографировался в очках, и эту фотокарточку вклеили в паспорт.

На предпоследней перед границей станции в вагон вошел полицейский чиновник и предложил Димитрову и другим пассажирам следовать за ним. Предстояла проверка документов.

— Вам придется выполнить небольшую формальность, — сказал чиновник, когда Димитров передал ему паспорт. — Напишите на этом бланке все сведения о своих родственниках.

Все было бы хорошо, если бы часовщик не был обременен огромной семьей. Вместе с ним, нестарым еще человеком, жили 12 детей, много братьев, сестер, дядюшек, тетушек. Георгию Михайловичу пришлось серьезно потрудиться, прежде чем удалось запомнить все их имена и даты рождения. Но Димитров, опытный конспиратор, не пожалел на это времени и тщательно изучил всю родословную Бауэра. Он спокойно сел за стол и через несколько минут протянул чиновнику исписанный лист.

Пока Димитров писал, чиновник что-то уж слишком внимательно рассматривал его паспорт.

— Благодарю вас, но вам придется задержаться еще на несколько минут, — сказал он. — Пройдите в соседнюю комнату.

Димитров был немало удивлен, когда там ему дали точно такой же бланк и предложили снова заполнить его.

Сверив оба заполненных бланка, чиновник не смог обнаружить в них ни одной ошибки. Он с сожалением вздохнул:

— Можете идти, господин... э-э-э... Бауэр.

Поезд шел из Вены...

Громыхая на стыках, поезд медленно выбирался из путаницы подъездных путей венского вокзала. Во втором вагоне, склонившись над шахматной доской, сидели двое — мужчина и женщина.

Поезд приближался к очередной станции. В это время в вагон вошел какой-то хорошо одетый господин. Окинув играющих равнодушным, скучающим взглядом, он проследовал дальше. И никто не заметил, как из его руки выпал и покатился по шахматной доске бумажный шарик. Димитров сделал очередной ход, и записка очутилась у него в руке.

Шепнув спутнице, что в вагоне шпик, Георгий Михайлович продолжал спокойно играть, но, прежде чем поезд остановился, поднялся с места и не спеша направился к выходу. Открыв дверь туалетной комнаты так, что она загородила вход в тамбур, он скрылся за нею. Тотчас же с кресла вскочил еще один пассажир и, подбежав к открытой двери, заглянул за нее. Но ни в тамбуре, ни в туалете никого не оказалось...

Роза Юльевна отлично знала человека, предупредившего их о шпике. Это был австрийский коммунист, старый друг Димитрова. Она решила доехать до места, чтобы сообщить о случившемся участникам нелегального партийного совещания, на которое спешил Георгий Михайлович.

У завода, где должно было происходить собрание, патрулировали усиленные полицейские наряды. Все же под видом работницы Розе Юльевне удалось пробраться на заводской двор. В одном из цехов она нашла нужного человека и рассказала о происшествии в поезде. Тот промолчал, только как-то странно усмехнулся.

— Пройдите вот сюда, вниз. — Он три раза по-особому стукнул в дверь. Послышался звук отодвигаемого засова. Дверь отворилась, и они вошли в темный коридор. Откуда-то звучал знакомый голос. Там, за стеной, был Димитров.

В перерыве все выяснилось.

...Открыв дверь туалета, Димитров проскользнул в тамбур и, быстро соскочив с противоположной вокзалу стороны вагона, нырнул под состав, стоявший на соседнем пути, затем перебрался еще через несколько товарных эшелонов. Вскоре он уже спокойно шел к ближайшей стоянке такси. В квартире одного из рабочих Георгий Михайлович переоделся в женское платье и без приключений пробрался на завод.

...Из заводских ворот выливался поток рабочих: кончилась смена. Полицейские и шпики, всматривавшиеся в лица мужчин, не обращали никакого внимания на двух скромно одетых работниц, затерявшихся в толпе...



Георгий Димитров произносит свою знаменитую заключительную речь на Лейпцигском процессе (1933 год).

Обычный случай

Друзья обменялись рукопожатием, и Димитров направился к двери. В этот момент раздался телефонный звонок. Георгий Михайлович подошел к аппарату и снял трубку. Молча выслушав невидимого собеседника, он обернулся к другу:

— Нужна твоя помощь.

...Через минуту из подъезда вышел статный офицер. Он мельком взглянул на топтавшегося возле дома человека в котелке, признал в нем того самого шпика, о котором предупредили по телефону, и неторопливо пошел по тротуару. Рассеянно играя перчатками, Димитров шел и думал, каким способом лучше вернуть сегодня вечером форму своему другу — майору австрийской армии, сочувствовавшему коммунистам и не раз помогавшему им. Он посмотрел на часы: до начала нелегального совещания, где ему предстояло делать доклад, времени оставалось в обрез. Димитров ускорил шаг. Вдруг раздался окрик:

— Господин майор!

Георгий Михайлович оглянулся. Позади стоял тучный генерал в пенсне.

— Почему не приветствуете старших по чину? — сердито спросил он.

— Простите, господин генерал.

— В каком полку служите?

Димитрову пришлось назвать номер части, в которой служил хозяин формы.

— Соблаговолите сегодня же явиться к своему командиру и доложить, что вы арестованы на трое суток. Это научит вас быть вежливым.

Наконец, генерал отпустил его. Димитров теперь уже зорко высматривал в толпе старших офицеров, лихо козыряя каждому из них. А его другу-майору пришлось три дня протомиться под арестом. Встретившись, оба долго весело смеялись над этой забавной историей.

М. ДОЛИНСКИЙ, С. ЧЕРТОК

1901 год. Георгий Димитров — типографский рабочий. Уже в 18 лет он был секретарем союза рабочих-печатников.



1948 год. Население Софии приветствует Г. Димитрова после подписания в Москве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Болгарией и СССР.



Стефан ГЕЙМ

На избирательном бюллетене стоят имена. Рядом с именем — профессия кандидата. Но за именем и профессией стоит ведь целая жизнь: и то, что человек сумел совершить, и то, что он упустил, его труд, любовь, счастливые часы и часы страданий, радости и огорчения, гнев и успокоение. За фамилиями в списке стоят трудные решения, принятые человеком в жизни, его отношение к окружающему миру, развитие его характера.

Обо всем этом, конечно, не расскажешь в избирательном бюллетене.

И все-таки мы хотим знать, кто эти люди, будущие наши избранники, которым придется принимать близко к сердцу наши нужды и интересы, большие и малые,— от сохранения мира до выпуска детских игрушек, от хлеба до расписания автобусов, от демократии вообще и до отпусков и путевок на курорты.

По всем городам и деревням Германской Демократической Республики прошли собрания. Люди обсуждали, спорили и решали, кого выставить кандидатом и кого нет. Кандидаты выходили на трибуну, рассказывали о себе и о том, как представляют они себе свою будущую деятельность, если будут избраны депутатами окружных, районных и местных органов власти. Кто побывал на таких собраниях, должен был почувствовать незримую связь, которая устанавливается между кандидатами и избирателями. Их обстоятельные и придирчивые расспросы — нечто вроде рентгеновского аппарата, который «просвечивает» кандидата насквозь. Это наглядная, предметная школа демократии.

На этих встречах избирательный бюллетень, который будет опущен в урну 23 июня, становится чем-то живым, он перестает быть только цветной бумажкой, испещренной именами или символами, изображающими политические партии. Мы будем избирать людей, которых знаем, настоящих людей, нужных нам.

...Эти мысли побудили меня обратиться к Национальному фронту с просьбой помочь познакомиться с несколькими кандидатами. Хотелось бы, сказал я, чтобы это были люди из разных районов демократического сектора Берлина и, если возможно, представители различных политических партий. Хорошо бы также, чтобы они имели уже опыт депутатской деятельности.

И вот мы встретились: пять кандидатов в депутаты и писатель. Вышло так, что мои собеседники не были предупреждены о цели беседы. Поэтому получилось нечто вроде импровизированного коллективного интервью. Я вначале не знал, с чего начать, потом мне пришло в голову поступить так, как поступают все мои сограждане на предвыборных собраниях: задать кандидатам вопросы и просить их ответить. Эти вопросы были следующие.

Какие события в жизни сделали вас тем, что вы есть сейчас? Что собираетесь вы сделать интересного и важного, если будете избраны депутатом?

— С четырнадцати лет мне пришлось наняться на работу...

Так начала Эльза Хельм. Она говорит медленно, рассудительно, как человек, привыкший серьезно взвешивать каждое слово. Но она умеет и загораться, и тогда прорывается наружу ее темперамент.

Отец ее, рабочий, уже перед началом первой мировой войны был социал-демократом, умер он рано. В сорок лет тяжелый труд свел в могилу мать. Юная Эльза, страстно любившая в школе историю, стала фальцовщицей в типографии; кто знает эту работу, не удивится, почему у нее такие исковерканные руки...

Замуж она вышла в 19 лет. Муж работал санитаром в больнице для бедных. У них родилось двое детей. В 1929 году Эльза надолго стала безработной — во время кризиса заработка не было даже для мужчин...

Вы скажете, обычная биография? Мой первый вопрос, на который старалась ответить фрау Эльза Хельм, и впрямь показался мне недостаточным: то, что я слушал, это было не событие, не переживание, а целая судьба — и судьба не одной Эльзы Хельм, а миллионов.

Легко понять, почему она в 1930 году стала членом коммунистической партии, почему во время нацистского режима не раз прятала в своей квартире подпольщиков, борцов Сопротивления. И столь же понятно, почему в 1945 году Эльза Хельм решила: «Теперь надо браться за дело, надо строить».

В 1945-м она снова вступила в коммунистическую партию, долгие годы находившуюся под запретом, гонимую. Работала, не щадя себя, организовала женщин Восточного Берлина и — наконец! — стала учиться, осуществляя давнюю мечту.

— Я начала изучать историю народов и те силы, которые движут историей,— говорит она застенчиво.

В 1953 году ее избрали депутатом.

— Это было очень почетно для меня,— говорит фрау Хельм,— но дело это нелегкое. Когда я недавно готовилась к отчету перед избирателями, у меня еще за три дня началось сердцебиение: смогу ли сказать обо всем, как должно?.. Я все вспоминала: достаточно ли я сделала для людей?.. Вот, например, история с этим домом в Хоэншенхаузене, вернее, с половиной дома: от второй ведь ничего не осталось после бомбежки... Но и в этой половине жили люди: они сами с трудом, кое-как починили крышу над головой. Так вот, в 1953 году эту часть дома решено было разобрать. Я много бегала, и спорила, и доказывала: разве нельзя сделать по-другому? И вот теперь дом — и вторая половина тоже — стоит целый, совсем как новый. Двенадцать новых жильцов вселилось... И когда я прихожу туда, все мне говорят: «Пришла **наша** фрау Хельм...»

— Значит, это и есть самое важное, что вы сделали как депутат?

— Конечно. Это ведь очень, очень важно! — отвечает кандидат в депутаты Эльза Хельм.

...Михаэль Габель — владелец и директор единственной в Берлине частной школы ораторского искусства. Сам он прекрасная реклама для этого учебного заведения. Его речь изысканна. Не по возрасту поседевшая голова придает этому еще нестарому человеку вид располагающего благообразия. То, что он говорит, интересно, содержательно, слегка окрашено непринужденным юмором.

Габель приехал из Западной Германии. Это было в 1950 году. Он изучал там банковское дело, педагогику, психологию и в последнее время работал учителем в Гамбурге. По убеждениям он был христианским социалистом, входил в рабочий пацифистский кружок. Однажды он принял участие в конгрессе, где обсуждали вопросы религии, социализма и мира. Конгресс проходил на территории советской зоны, будущей ГДР. Об этом узнало его начальство, и он был наказан отправкой на работу в деревню.

Как выяснилось позже, начальство допустило ошибку. Вместо деревни Габель уехал на восток: там можно было верить в бога, быть за социализм и бороться за мир, не рискуя понести за это наказание.

— А как вам пришла в голову эта идея — открыть школу ораторского искусства?

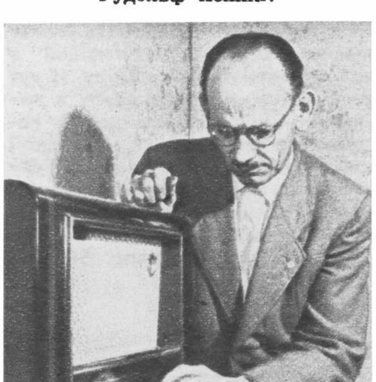
— Видите ли,— сказал он задумчиво,— когда я вместе с женой — она у меня инструктор спорта — приехал в Восточный Берлин, я сначала стал работать в вечерней народной школе. Но у меня был в Западном Берлине один школьный товарищ, и отцу его принадлежала школа ораторского искусства, причем две трети слушателей приезжали к нему


Эльза Хельм.


Михаэль Габель.


Аннелиза Буркхардт.


Лизель Влох.

Рудольф Хенниг.


из Восточного Берлина. Из этого я сделал вывод, что и здесь такая школа нужна, и я ее создал. Сейчас у меня 240 слушателей, посещающих занятия, и около 3 тысяч заочников.

— Но ведь люди и так умеют разговаривать? — спросил я.

— Большинство людей,— объяснил Михаэль Габель,— говорит очень неплохо, и обычно у них есть, что сказать. Но часто они стесняются других людей; преодолеть это можно только специальным обучением. Можно преодолеть и привычку многих выступать по написанному тексту...

Я узнал далее, что Габель ведет большую общественную работу. Но ничто не занимало у него так много времени, как обязанности депутата. Много сил отдал он восстановлению Ботанического сада на Каштановой аллее, строительству концертного зала в Фридрихсхайне. Немало хлопот доставили и такие дела, как восстановление большого кинотеатра «Колоссеум» и реконструкция других кинотеатров.

— В установленные часы я обычно провожу свой депутатский прием, число посетителей доходит иногда до шестидесяти. Часто мы вместе с пришедшими ко мне избирателями коллективно обсуждаем нужды района, это очень много дает. Но, разумеется, еще чаще приходилось долго и подробно беседовать с отдельными избирателями...

Многолюдно бывало на собраниях жильцов больших домов, которые организовывал Михаэль Габель.

— Я обычно произносил речь. Но не только о маленьких местных нуждах. Приходилось говорить и о более важном. Например, об атомной бомбе, о борьбе за мир...

...История Аннелизы Буркхардт — это, в сущности, история одного супружества, в которое то и дело вторгались бурные события нашей эпохи.

Аннелиза Буркхардт, хрупкая, скромная, была старшей из пяти сестер. Отец был чернорабочим, человеком, далеким от политики, мать — домашней прислугой. Старики считали, однако, что детям надо дать хоть какое-нибудь образование. В 1927 году семья поселилась в Веддинге, этой красной пролетарской крепости Берлина. Аннелизе было всего пятнадцать, когда она вступила в организацию социалистической рабочей молодежи и в профсоюз. В Веддинге же она встретилась с человеком, которому отдала свое сердце. Но в 1933 году любимого человека схватили, бросили в фашистский застенок. Никто ничего не советовал Аннелизе: она сама пришла к людям подполья и стала бороться против нацистов.

— Я всем сердцем была против фашистов. У меня было очень боевое настроение,— объясняет она.

Ее друга выпустили в 1935 году. Вскоре они поженились. Аннелиза пошла на завод, она и там не прекращала своей незаметной опасной работы, вселяющей в людей надежду на свободу. И тут грянула война. Мужа взяли в армию. Бомба развалила дом, в котором она жила с маленькой дочкой. Они бежали на запад Германии и кое-как приютились в маленькой деревушке в районе калийных шахт.

Без домашнего очага, без денег, без мужа... Рассказывая об этом времени, Аннелиза Буркхардт волнуется, часто переводит дыхание.

— Но я и там собрала вокруг себя группу, это были больше женщины,— говорит она.— Я вступила в социал-демократическую партию...

О муже не было никаких вестей. Кончилась война — снова ни звука. И вдруг у дверей постучал почтальон. На конверте была иностранная марка, адрес тоже был на иностранном языке. Аннелиза разорвала конверт — муж... он жив! Он пишет ей!..

Он писал, что пробился к югославским партизанам, дрался вместе с ними. Теперь он звал ее в Берлин, в Восточный Берлин, он тоже приедет туда.

— Я подумала: почему же он хочет, чтобы я поехала на восток? Разве то, что я делаю здесь, неправильно? А почему ему самому не приехать ко мне?.. В то время, видите ли, я считала, что социал-демократическая партия на западе Германии ведет рабочих к социализму... Потом пришел 1948 год, многое стало мне понятным, в том числе и о социал-демократической партии. И я поехала к мужу...

В Берлине у них родилась вторая дочка, и теперь они живут здесь, как она полагает, полезной и полнокровной жизнью.

— Я работаю председателем культурной комиссии,— рассказывает Аннелиза дальше.— Моей заветной мечтой было построить летний театр в Панкове. Он должен быть самым лучшим во всем Берлине. Только вот средств маловато...

Она медленно поднимает на меня озабоченные глаза.

— Но мы найдем и средства... Надо только всем вместе как следует взяться.

...— Мы с мужем были всегда беспартийными, о политике не думали.

Слушая эти слова фрау Лизель Влох, которыми она начала свой рассказ, я подумал: вот одна из многих, она всегда знала только работу, домашний очаг, желала только спокойной жизни. Но это ей не удавалось.

— Мы были беспартийными,— повторяет она.— Перед войной у нас в доме почти даже не читали газет. А потом пришла война, нужда, горе. Отец умер в 1944-м, мужа я потеряла годом позже. И тут я стала задумываться: отчего все так плохо? Кому нужно, чтобы люди страдали? Или так уж оно установлено раз навсегда?

У Лизель Влох доброе лицо и умные глаза с каким-то мягким, материнским сиянием.

— Когда война кончилась, я наконец решилась. Я сказала себе: жизнь не должна больше быть такой, какой была. И я вступила в коммунистическую партию. Вы знаете, как трудно было в первые годы после войны — приходилось перебиваться. Сначала я работала в деревне, мать моя умерла, я осталась совсем одна. Потом меня приняли уборщицей в лесную школу. Тогда не так-то легко было даже содержать в чистоте помещение: водопровод не работал, приходилось оттаивать снег.

В конце концов Лизель Влох вернулась в столицу. В 1952 году она встретила своего нынешнего, второго мужа; у них есть теперь ребенок, девочка. Лизель стала, как она выражается, «понемножку кое-что делать для Национального фронта».

— А насчет того, сделала ли я что-нибудь хорошее как депутат,— неуверенно говорит она,— я, право, не знаю, что ответить. ...У меня есть записная книжка, только я ее не принесла с собой... Я туда записывала, что надо сделать. Когда дело сделано, вычеркивала. Книжка заполнена вся; если выберут меня теперь депутатом, придется покупать новую...

Словно спохватившись, она добавляет:

— Только не подумайте, что это очень большие дела. Это, скорее, то, в чем люди нуждаются каждый день. Я работала в комиссии по торговле и снабжению. Нам нужно много магазинов и чтобы они лучше работали... На Оссецки-штрассе скоро откроется большой универмаг, а вот на Бланкенфельде магазинов по-прежнему мало...

Она умолкает, потом продолжает, что-то вспомнив:

— Подумайте только, на отчетном собрании были сотни людей,— у меня комок стоял в горле, когда я говорила. Потом выступали, спорили, доказывали,— я думала, что меня уж больше не предложат в кандидаты! Нет, оказывается, выдвинули!

На ее лице появляется улыбка.

— Я думаю, что люди все-таки чувствуют, если ты что-либо для них делаешь полезное.

...Рабочий Рудольф Хенниг работает слесарем-механиком на теплоэлектроцентрали в Берлин-Лихтенберге. Минуя мой первый вопрос, он сразу начинает говорить о том, как получил новую квартиру.

— Мой депутатский район — Бисдорф. Там есть еще несколько поселков, где живут люди, лишившиеся жилья во время войны,— домишки, выстроенные наскоро, из чего попало. Я и сам жил там до 1953 года, знаю по собственному опыту...

Когда я в последнее время беседовал с тамошними людьми как депутат и они рассказывали о своих нуждах, мне иногда казалось, что они опасаются, пойму ли я их теперь как следует: я ведь получил квартиру в центре, на Сталиналлее.

И я решил однажды рассказать, как досталась мне моя новая квартира. Я хотел объяснить им, что при народной власти трудящиеся получают и будут все больше получать приличные жилища.

Это произошло в конце 1953 года. Я стоял у своего станка. Вдруг кто-то подходит и говорит: «Руди, тебе надо срочно явиться в завком». Ребята стали посмеиваться: не готовила ли меня ожидает там, в завкоме, за какую-нибудь провинность?

Пошел я в завком, а председатель говорит:

— Дело вот в чем, товарищ Хенниг,— нам выделили несколько квартир на Сталиналлее. Ты у нас лучший производственник, активист, общественник и так далее, а с жильем у тебя совсем плохо. Так вот, когда тебе удобнее переселиться в центр: сегодня или через несколько дней?

Я не нашелся, что ответить, только пробормотал:

— Это мне надо обдумать.

На меня все посмотрели с удивлением. Я объяснил им:

— Мы ведь только-только укрепили наш домишко, приготовили к зиме. Дайте мне три дня сроку, я потолкую с женой.

Видите ли, я всегда обсуждаю с женой такие дела: ей я как раз и обязан тем, что снова стал настоящим человеком. Совсем еще юнцом я уже состоял в союзе коммунистической молодежи и в союзе красных фронтовиков. Но все потом пошло прахом. Пришли нацисты, это меня вначале словно оглушило. Но я все-таки нашел верную дорогу: работал нелегально, пока наша группа не была разгромлена. Ходил года четыре без работы, потом начались большие военные заказы, устроился у Сименса. А дальше обычное дело: война. Из плена я вернулся в Германию только в 1948 году: пришлось побывать и в Америке и во Франции, на угольных шахтах. На родине я никак не мог освоиться: меня пугали не только развалины, но и то, что люди стали как-то жестче. Никто ничего не хотел знать о моих переживаниях, никто не сочувствовал. Переменилась и моя жена, только к лучшему: стала както самостоятельнее. Она терпеливо все мне объясняла, и именно она и заставила меня снова вернуться в партию...

Так вот, получив в завкоме предложение о квартире, я не мог уснуть всю ночь. Жена говорила, что и в нашей плохонькой хижине она всегда будет счастлива со мной, а насчет новой квартиры должен решить я сам.

Назавтра она приходит с работы — она работает на заводе электроаппаратуры в Трептове — и говорит:

— Руди, меня тоже вызвали в завком. Сказали, что я активистка, а заводу отвели несколько квартир на Сталиналлее...

— Раз уж есть целых две квартиры, в одну из них можно, пожалуй, въехать,— так сказал я. Я пошел в завком и сообщил товарищам, что их квартира мне не понадобится.

Они опять вытаращили на меня глаза, а я говорю:

— Я вам очень благодарен. Но я въезжаю к своей жене, на ту же улицу.

* * *

Итак, пять кандидатов из двухсот девяноста тысяч, которых народ выдвинул на почетные посты своих представителей в деревнях, городских районах, городах, округах.

...Крестьянин берет в руки горсть зерна, пересыпает его на ладони, ощупывает каждое зернышко и так узнает, удался ли весь урожай. Так и эти пять человек, случайно попавшие в поле моего зрения, подобно зернам на ладони крестьянина, дают представление о народном представительстве Германской Демократической Республики.

Не исключено, что попадутся и отдельные сорняки в массе отборного зерна. Но плевелы нетрудно отличить и отбросить. К тому же и молодая наша демократия, которую мы строим, еще не обрела своей законченной формы. Одно мы знаем твердо: мы должны идти и пойдем новым путем, ибо старый все снова и снова приводил наш народ к войнам, разрушениям, страданиям и горю.

На выборах 23 июня мы будем голосовать за новый путь.

400-летие добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству

Всею тысячью сердец...

Мустай КАРИМ

Высоко над городом пролетел самолет. Малыши, игравшие во дворе, безо всяких споров вынесли единогласное определение:

— Пошел на Москву!

В народе издавна привыкли считать самой доброй, желанной и высокой дорогой ту, которая идет на Москву. Ее проложили мои отважные и мудрые предки 400 лет назад. Но тот путь тянулся не по синему безоблачному небу, он шел по тревожной земле через тревожное время. Дорогою было бездорожье. Шли они в Москву бить челом. Гнал их страх перед жестокой кабалой ногайских и сибирских ханов и вера в доброе сердце русского народа, в защиту и покровительство Руси. И надежда оправдалась. Великий акт добровольного присоединения башкирских племен к Русскому государству свершился в престольном городе Москве.

По возвращении в Башкирию послы выступали с отчетом перед племенами и родовыми группами, облекшими их полномочием. В одной из башкирских родовых хроник приводится разговор посла Тэгэса со своими сородичами:

«Тэгэс спросил:

— Теперь вы приняли подданство?

Все люди ответили:

— Если бы у каждого из нас была тысяча сердец, то русское подданство приняли бы всею тысячью сердец».

Если бы четыре века назад посадили дуб, то его, одряхлевшего, давно уже свалил бы ветер. Если бы на камнях вырезали слова песни, то их все равно смыли бы дожди. Все подвластно времени. Все, кроме истинного чувства дружбы. Это чувство пронес мой народ через бури и ливни, опасности и надежды четырех нелегких столетий, доказав его в боях и на пирах, в дни побед и горьких утрат. Однако без теплого дождя не лопаются почки, без солнечных лучей не раскрываются цветы. Если сердца друг другу не открыты, то не рождается дружба. Русский народ навсегда открыл моему народу свое большое благородное сердце.

Дружба эта — нечто конкретно ощутимое, как огонь, ветер, вода. Она живет в общей пашне, совместно орошенной горьким потом, в поле сражения против общих врагов, совместно орошенном горячей кровью. И тут начинается братство. Так всегда понимали башкиры свою дружбу с русским народом.

Поэтому уже через год после присоединения Башкирии к России башкирские конники приняли участие в походе русских войск на берега Балтийского моря — в Ливонской войне. Это было их первое сражение за свою большую Родину — за Русь. Начиная с этой поры, рядом с русскими конями где только не скакали башкирские степные иноходцы, плечом к плечу с русскими воинами куда только не шли башкирские джигиты, защищая Россию — Отчизну! Им знакомы берега Белого и Черного морей, улицы Берлина 1760 года и Парижа 1814 года, холод севера и зной юга.

Этот боевой союз с годами превратился в братство двух народов — великого русского и маленького, но достойного его брата, башкирского народа. Поэтому они совместно выступали с оружием в руках против гнета самодержавия. Русский царизм был заклятым врагом всех народов, прежде всего — самого русского. Башкиры не раз поднимали меч против самодержавия. Мятежный дух свободолюбия породнил великого крестьянского воина Емельяна Пугачева с легендарным Салаватом Юлаевым.

Вплоть до окончательной победы социалистической революции путь нашей дружбы не был гладким и прямым, как полет стрелы. Верхушка русского общества старалась воспитывать в народе презрение к «диким племенам», а мусульманское башкирское духовенство — ненависть к «неверным», место которым на том свете в аду. Если не боишься греха, значит, дружи с русским. Трудовые люди, кому не легко было и на земле, не очень-то боялись греха. Мулла в мечети читал проповедь о грехах русских, а дружба русских и башкир от этого слабее не становилась. Простых людей всегда больше занимают земные заботы, нежели небесные.

Первое понятие о дружбе с русским и тревога за нее у меня, например, как и у многих башкирских ребят, зародилась еще в раннем детстве. Почти у каждой семьи, и у нас тоже, были «знакомы» (знакомые) из русских деревень. Мой отец дружил с Тимофеем из деревни Лекаревка. Они не только хлеб-соль делили, но и помогали друг другу в страдную пору. Очень хорошо помню, как однажды отец с Тимофеем косили траву на нашем лугу, а мы с Колей, сыном Тимофея, играли в тени большой березы. У Коли были льняные волосы и удивительно голубые глаза. Я долго смотрел в эти чистые, как родник, глаза и вдруг заплакал. Он испугался, а я не умел объяснить другу причину моих слез. А причина была очень серьезная — я вдруг подумал: «Вот он, голубоглазый, хороший Коля, ни за что должен вечно гореть в аду. И нет ему спасения...» В семь лет я еще не был атеистом и поэтому глубоко верил в обреченность Коли. Я был потрясен до глубины души. Увидев, что наши отцы идут к нам, я убежал, чтобы до конца испить свое неутешное горе.

Прошло несколько лет, и я понял, что Колины предки, его отец, его братья — его народ спас меня, моих родных, мой народ от гибели, от земного ада.

Четыреста лет для вселенной — небольшой срок, но для судьбы отдельных народов, даже для всего человечества, это огромный исторический период. За это время многое произошло на земле. В иных океанах исчезли острова, реки меняли свои русла, поредели леса, на обеих частях американского континента, в Африке и Азии колонизаторами были истреблены целые племена и народности, ушли с исторической арены целые государства, появились новые. Над миром взошло солнце социализма. Благодаря могуществу русского пролетариата башкирам суждено было увидеть это солнце. Сорок из четырехсот... Одна десятая часть большого пути пройдена башкирами по солнечному простору.

Человеку, жившему в начале столетия, вероятно, легче было представить изменения в облике башкирского края за три — четыре предыдущих столетия, нежели сегодняшнему комсомольцу за сорок прошедших лет.

Если мы на мгновение обратим свой мысленный взор на три — четыре десятилетия назад, мы не увидим ничего радостного. Как убог был край, который таил в своих недрах чуть ли не все элементы из таблицы Менделеева! Скупы были усталые пашни, а ковыльная степь, пустая и необжитая, гуляла, как дикий конь...

Я много езжу по республике и привык к тому, что на верховьях нашей главной реки — Белой — растут и красуются новые города нефтяников и химиков — Салават и Ишимбай, что меня встречают леса нефтяных вышек и утопающий в огнях великолепный город Октябрьский. Даже сад в этом городе, при закладке которого несколько лет назад мне пришлось присутствовать, сказочный дворец нефтяников, изумительный больничный городок — все это порой кажется давнишним и обычным.

Рядом со старой частью столицы республики — Уфы,— ниже по Белой, выросла Новая Уфа, большой промышленный район, где мы, юные комсомольцы, участвовали на субботниках при рытье первых котлованов. Это было совсем недавно.

Проезжая по автострадам, видишь безбрежное море хлебов, работающие на полях отечественные тракторы и комбайны разных марок, навстречу вереницей идут автомашины. В каждом ауле ежегодно возникают десять, двадцать, пятьдесят новых домов. Председатель колхоза с заведующим фермой разговаривают по рации, в домах — радио и электричество, на книжных полках у башкирской семьи произведения Маркса, Ленина, Пушкина, Гафури. Пастух ездит на пастбище на мотоцикле. Старуха из Зауралья летит в Уфу к сыну в гости на самолете. По Башкирии тянутся новые железные дороги, на реке Уфе строится мощная ГЭС. Поднимаются корпуса новых заводов. Промышленность республики теперь настолько могуча, что Башкирия выделяется в самостоятельный экономический район. Ко всему этому мы привыкли. Как будто издавна было так и так должно быть. Действительно, когда светло, человек о темноте забывает.

Идя по улицам Уфы, мы порою не замечаем вывесок: «Башкирский филиал Академии наук СССР», «Башкирский театр оперы и балета», «Башкирский академический театр драмы», «Башнефть», «Союз писателей», «Союз композиторов», «Союз художников». Мы проходим мимо пяти институтов, десятков техникумов, научно-исследовательских институтов, четырех музеев, редакций пяти республиканских газет, шести журналов.

Если подумать, что несколько десятков лет назад всего этого не было даже в помине, что для башкира письменность была тайной и великим чудом, что шариат запрещал ему рисовать живое существо, то легко представить, как невелики были духовные богатства народа.

Своей борьбой и трудом народ достиг замечательных успехов в строительстве новой жизни, своего подлинного счастья. И самое главное: башкир, получивший из рук партии коммунистов свободу и государственность, радостно, хорошо, по-хозяйски, уверенно стал жить на земле в братской семье народов нашей страны. Пробуждение человеческого достоинства и гордости — особенно у ранее угнетенных народов — это одно из самых могучих целительных средств великой революции. За это исцеление башкирский народ вечно благодарен Коммунистической партии и старшему брату — русскому народу.

Летом, в один из самых длинных дней года, башкирский народ отмечает великий национальный праздник добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Он идет к этому дню с новыми трудовыми успехами и победами. Он несет сердце, полное любви и благодарности русскому народу за дружбу, за завидную судьбу свою. Как 400 лет назад башкирские племена подтвердили верность России на больших народных съездах — йыйынах, так в день праздника на большом Всебашкирском сабантуе мы обновим нашу нерушимую клятву и повторим слова предков:

— Если бы у каждого из нас была тысяча сердец, то всею тысячью сердец мы навеки с вами, русские братья!



Салават

А. ГРИГОРЬЕВ **Фото Б. КУЗЬМИНА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

— Чтобы получить представление о современной Башкирии, вам надо обязательно побывать в Салавате. Это город юности, зеркало сегодняшнего дня нашей республики,— сказал секретарь Башкирского обкома партии Габас Рахманович Шафиков.

И вот мы в Салавате. Почти двести лет прошло с тех пор, как в этих местах, на реке Белой, национальный герой Башкирии Салават Юлаев со своим отрядом присоединился к Емельяну Пугачеву, чтобы бороться за свободу русского и башкирского народов. Ныне потомки Салавата вместе с русскими братьями создали здесь прекрасный город, которым по праву гордится республика.

Салават — город юности.



...Новенький, блистающий свежей краской вокзал, сооруженный всего несколько месяцев назад. Прямые, как стрела, покрытые плотным слоем асфальта улицы, застроенные изящной архитектуры коттеджами, двух- и трехэтажными домами. Широкие бульвары выстроились фронтом на юг, наперерез ветрам, преграждая путь в город столь частым здесь знойным степным суховеям.

Когда идешь по улицам Салавата, то с трудом верится, что в июне город будет отмечать свое трехлетие, что недавно здесь были бескрайняя степь и непроходимые болота.

Фотограф-любитель, свидетель рождения нового города, показал нам несколько старых фотографий. Дата съемки — 1949—1950 годы. Среди голой степи наспех сколоченные бараки. Идет закладка первых домов. Теперь тут одна из красивейших магистралей Салавата, названная в честь ее создателей улицей Строителей. Затем возникли улицы Пушкина, Гафури, бульвар Матросова, десятки других. В Салавате сейчас более шестидесяти тысяч жителей. Познакомимся с некоторыми из них.

На одной из строек мы встретились с башкиром Сафуаном Зарифулиновичем Буляккуловым и уроженцем Смоленщины Иваном Евгеньевичем Цырулевым. Оба несколько лет назад были рядовыми каменщиками, а теперь — бригадиры. Они соревнуются, и каждый ревниво следит за успехами соседа. Обычно, подводя итоги за день, Буляккулов и Цырулев подолгу спорят, придирчиво проверяют цифры, качество работы друг у друга. Но сегодня у них нет настроения спорить, оба улыбаются, оба довольны.

— Так с кем поздравить, Иван Евгеньевич?

— Дочка, понимаешь, дочка! — восклицает Цырулев, и лицо его радостно сияет.— В мае родилась, Майей и назвали.

Буляккулов крепко жмет руку товарища.

Салават растет одновременно с его промышленными предприятиями. В городе построена самая мощная в Башкирии теплоэлектроцентраль. Здесь создается новый крупный центр нефтехимии. Высоко в небо устремились нефтеперерабатывающие установки, цехи гиганта нефтяной промышленности — Ново-Ишимбаевского завода, катализаторной фабрики. Все это входит в состав салаватского комбината, откуда ежедневно в различные уголки страны отправляются эшелоны с ценнейшими нефтепродуктами.

Мы в цехе установок каталитических крекингов. Начальник цеха, смуглый человек в легком спортивном костюме и с редкой в нашей стране фамилией, инженер Адольф Григорьевич Гонсалес,— испанец, сын горняка из Астурии. Восьмилетним мальчиком он приехал в СССР, закончил здесь среднюю школу, а затем химический факультет МГУ. Начальники установок — инженер Ангам Шамсуаров, сын башкирского колхозника, воспитанник Уфимского нефтяного института, и техник Роберт Кречет, сибиряк, несколько лет назад закончивший техникум в городе Ленинск-Кузнецкий.

— В нашем цехе — представители десяти национальностей. Работаем дружно. Вот уже полгода, как держим два переходящих красных знамени,— говорит Адольф Григорьевич и, раскрыв блокнот, приводит любопытные данные.

В прошлом году в цехе было триста пятьдесят рабочих, а сейчас их двести шестьдесят. Рабочих меньше на 90 человек, а светлых нефтепродуктов цех стал давать в три с половиной раза больше.

Мы осматривали обширное и сложное хозяйство цеха, беседовали с его людьми.

Для того, чтобы повидать электросварщика Бария Кутлугузина, пришлось воспользоваться лифтом, подняться на одиннадцатый этаж, в реакторный блок установки.

Прервав работу, Кутлугузин неожиданно засыпал нас вопросами о... спорте:

— Вы были вчера на футбо-



— Дочка родилась!



Уфа — столица Башкирской АССР.
У памятника В. И. Ленину.
Фото Б. Кузьмина.



Передовые производственники Ново-Уфимского нефтеперерабатывающего завода: машинист насосной установки Гикрома Давлетшин и старший оператор Владимир Дойниченко.



Дом-музей В. И. Ленина в Уфе. Здесь в 1900 году жил Владимир Ильич.

Уфа. Площадь Орджоникидзе.

ле? Играла наша команда. Здорово, а? Каких пять мячей отбил наш вратарь Александр Соломков! Это же второй Яшин!

Кутлугузин не только хороший электросварщик. Он организатор всей массово-физкультурной работы в цехе.

Двух Хасановых — Файзрахмана и Фагина — в обеденный перерыв мы застали в импровизированной мастерской цехового художника. Он только что закончил для заводской аллеи почета портрет лучшего слесаря Фагина Хасанова и готовился рисовать его товарища.

— Ну как, похож?

— Похож-то похож, но уж чересчур серьезен...

Немало интересного можно подсмотреть в молодом башкирском городе. Мы побывали на швейной фабрике (она славится изготовлением столь популярных сейчас цветных курток из легкой водоотталкивающей ткани) в разгар очередной «спортивной пятиминутки». Здесь ежедневно по сигналу во всех цехах дружно занимаются гимнастикой.

На городском рынке нередко можно увидеть очереди за саженцами. Молодые деревья привозят из близлежащих колхозов, и бойкая торговля идет прямо с машин. Почти каждый второй житель Салавата увлекается садоводством. Здесь любят зелень.

Даже в прохладные утренние часы, когда город только просыпается, на салаватских бульварах уже заняты почти все скамейки. Но почему на каждой из них только один человек? Мы подошли к крайней скамье, где сидел юноша, углубившийся в книгу. Его зовут Рафкатом Файзулиным. Ему двадцать лет. Окончил десятилетку, а затем салаватское техническое училище № 3 и вот уже два года работает слесарем на ремонтно-механическом заводе. Осенью прошлого года Рафкат поступил на заочное отделение Московского нефтяного института имени Губкина и сейчас готовится к очередному экзамену.

Рабочих-студентов в Салавате немало, и это не удивительно. Семьдесят три процента рабочих имеют законченное семилетнее или десятилетнее образование.

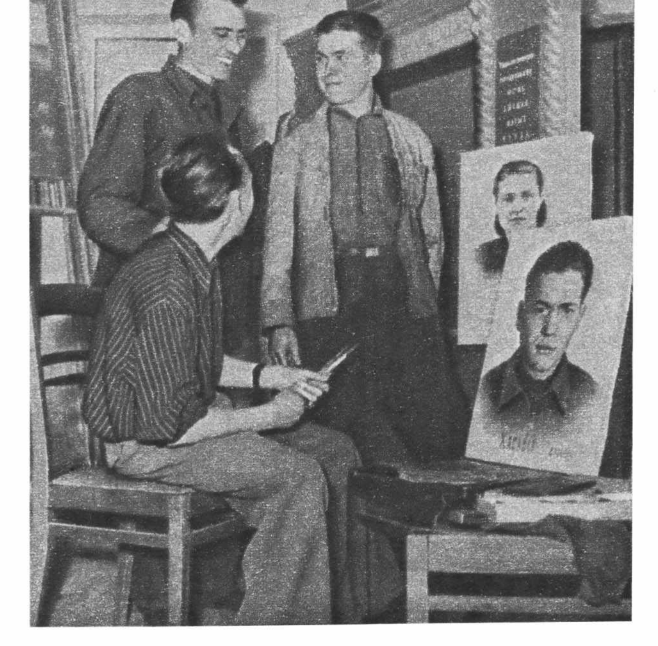
Салават — город молодежи. Пожилых людей здесь встречаешь не часто. И, пожалуй, нет тут улицы, где бы в воскресные дни не игрались свадьбы.

Мы заглянули в книги салаватского загса. За четыре последних месяца здесь зарегистрировано 336 браков и 780 рождений. И молодые матери справедливо сетуют: «Нас не устраивают разработанные учеными нормы строительства детских садов и яслей». Таких учреждений в городе не хватает.

Может быть, в данном случае проектировщикам стоит отойти от «средних норм»?!

Растут люди, растет город, хорошеют и благоустраиваются его улицы. Воздвигаются Дом культуры, гостиница. Во многих квартирах салаватцев начали устанавливать газовые плиты. Закончено сооружение трамвайной линии, для которой рижане недавно прислали первые десять вагонов. Полным ходом идет строительство телевизионного центра...

Таков Салават — новый город Советской Башкирии, который еще не успели нанести на карту.



— Ну как, похож?



— Каких пять мячей отбил наш вратарь!

— Пока готовим на электроплитке, но скоро будет газ,— говорит Мукарама Ахматгалиевна Буляккулова.



Поэты Советской Башкирии

Я—ГРАЖДАНИН РОССИИ

Гайнан АМИРИ

С холмов Уфы я вижу край родной...
Река играет, радостью объята,—
То Ак-Идéли волны предо мной
Резвятся, как на воле жеребята...

Ты, Ак-Идель любимая моя,
Поешь, сверкая гордостью и силой,
И песнь твоя летит во все края,
Во весь простор родной России милой!

О Ак-Идель, о белая река!
Стоит над краем ясная погода...
Ты, Ак-Идель, чиста и широка,
Как путь вперед башкирского народа.

Теки, река, рассказывай о том,
Что в белый цвет сады мой край одели,
Что радость прибывает с каждым днем,
Как в час разлива — вóды Ак-Идели.

Перевел Е. ВИНОКУРОВ.

СОЛНЦЕ

Рафаэль САФИН

Я на рожденье дня смотрю:
Восход напомнил, расцветая,
Одну далекую зарю —
Твою любовь, моя родная.

Когда росистые луга
Ковры ромашек расстилали,
Когда душистые стога
В тумане утреннем дремали,
Мы шли, купаясь в синеве,
И птицы солнца золотые
Порхали в хвое и листве,
Врывались в заросли лесные.
Мы в первый раз вдвоем с тобой
Так подошли к восходу близко;
Казалось, я бы мог рукой
Коснуться солнечного диска.
Не знали мы с тобой тогда
Дней расставанья, дней ненастья.
Казалось, солнце навсегда
Взошло для нас приметой счастья.

Вот и сегодня я ищу
Птиц с золочеными крылами,
И удивляюсь, и грущу,
Что ты осталась за горами.

Плывет в знакомые края
Все то же солнце надо мною,
Но без тебя, любовь моя,
Его нельзя достать рукою.

Перевел А. КОВАЛЕНКОВ.

Белые березы

Муса ГАЛИ

Здесь вырастают белые березы,
Как маяки, как вехи бытия.
Я вновь вернулся в отчие края,
Взволнован я, глаза туманят слезы.

А дедами в былом говорено,
Что где растут березы, там и горе!..
Стоят березы в трепетном уборе...
А горе? Горе дедов, где оно?

Спроси о том забытые кочевья,
Тебе ответит поле в теплой мгле:
— Как могут горе принести деревья,
Что на счастливой выросли земле?

Расти вам вечно, белые березы!
Пусть жизнь сияет, пусть поля цветут!
Не ляжет тень чужая, тень угрозы,
Там, где березы белые растут.

Перевел Владимир ДЕРЖАВИН.

Чужая радость

Рассказ

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

I

В степи, вблизи разъезда, торчал мрачно-серый элеватор. Со всех сторон к нему слетались грузовики с зерном, словно к улью пчелы в пору удачного взятка. Машины, горячие, завьюженные пылью, давили шаткий настил весов и катились дальше — в разбитый колесами двор. Из широких ворот налегке выезжали порожняки, громыхали рессорами и скрывались в душной степи...

Мне нужно было ехать в Усть-Невинскую, и я направился на элеватор, надеясь найти там попутную машину.

В конторке выдавали квитанции на сданное зерно. В тени, обступив бочку с водой, навозно-рыжей от раскисших в ней окурков, шоферы и проводники устраивали перекур. Я подошел к ним и случайно встретил Василия Кондракова — своего племянника. На нем была майка грязно-кирпичного цвета. Меня удивили его худоба, усталый, болезненный вид, и я спросил:

— Вася, ты чего так высох и почернел? Или болеешь?

— Работенка, сам видишь, горячая, тут разве не почернеешь,— ответил он неохотно.— А ежели по правде сказать, то иссушила меня ненормальная моя семейная жизнь.

— Что случилось?

— Анюта от меня ушла... Разве ты не знаешь? — Худое его лицо помрачнело.— Да, верно, об этом я не писал... Не только писать, а думать стыдно... А ты к нам? В гости или в командировку?

— По заданию редакции. Как там у вас ГЭС?

— Ничего, светит... Так мы зараз помчимся. Вот только получу документы на зерно. Я езжу один, без провожатых... Правление доверяет.— На болезненном лице расцвела улыбка.— Мать моя, а твоя сестра, обрадуется. Это ты как был у меня на свадьбе, да с той поры и дорогу к нам позабыл... Три года пролетело!

Жаркое небо. Пыльный тракт. Горячий встречный ветер и зубчатая синь далекого хребта. Справа — отвесные берега, курчавый лесок. Там укрылась Кубань.

Василий вел машину молча, склонившись на опущенное стекло. Ветер рвал льняной чуб, хлестал по глазам. Мне казалось, что Василий хотел заговорить об Анюте, но не решался. Я смотрел на запудренные пылью будяки при дороге и вспоминал свадебное веселье, на котором и мне довелось побывать.

Оно было шумным и людным. Днем и ночью ни на минуту не умолкали гармонь, пьяный говор, заливистые песни, беспорядочный выстук каблуков.

К полуночи, когда и хозяева и гости выбились из сил, двор Кондраковых опустел. Последним выбрался за ворота охмелевший гармонист. Растянул меха двухрядки и, наигрывая «страдание», одиноко поплелся по улице. Пьяный казак, хватаясь за плетень, горланил истошным голосом. У порога мертвецки спал Никита Кондраков. Моя сестра Ольга, умаянная свадебной сутолокой, нагибалась к нему, говорила:

— Эй, батько! Нализался, как пчела меду! Да встань, Никита! Все уже разошлись. Или тебе другого места нету? Ну чего, скажи, валяешься тут, как та свинья!

Возле заставленного посудой и бутылками стола пригорюнилась Анисья Андреевна — мать невесты. Прикрыла платочком лицо и тихонько всхлипывала. Радоваться надо, а не плакать. У зятя золотые руки. Парень трудолюбивый, хозяйственный. Еще не женился, а землю для застройки выхлопотал. Навозил камней, с отцом уложили фундамент и поставили стены. Через три — четыре месяца у Василия будет своя хата. Живи, Анюта, и радуйся! Так чего Анисье Андреевне плакать и горевать?

Мне постелили под вишней в саду. В темноте я отыскал хрустящую сухую траву, одеяло, подушку. Метрах в двадцати — раскрытое окно. В комнату вошла Анюта. На ней белое платье. В толстых, спадающих на грудь косах цветы. Она приблизилась к окну. Стояла, как в раме. Вынула из волос розочку и, глядя в сад блестящими глазами, срывала лепестки.

Вбежала Клава — соседка Кондраковых. На руке у нее красная повязка, через плечо перекинут рушник — знаки свашки. Клава была навеселе. Пила без разбору и вино и водку и, румяная и не в меру шумливая, танцевала так, что оборчатая юбка, раздуваясь колоколом, оголяла ее упругие, красивые икры.

Клава обняла Анюту и, касаясь мокрыми губами ее щеки, сказала:

— Анюта, милая! Твою кровать мы поставили здесь еще днем. Сама, вот этими руками, напушила постель, а руки у меня счастливые.— И с притворным смехом, над ухом: — Трусишь, девонька? А чего трусишь? Нам, бабам, этой участи все одно не миновать! Я все это уже прошла, но, как на грех, не повезло мне в замужней жизни. Только было во вкус вошла...

Клава не договорила. На пороге — Василий Усталый и слегка хмельной. Зевнул, закурил и, усевшись на кровать, начал разуваться. Сапоги на нем новые, тесные, снимались трудно.

— Пособи, женка! — сказал он и протянул ногу.— А ну, тащи! И что за обувь — не снимешь!..

— Не умею... этого, Вася.

Анюта покраснела, рассмеялась.

— Чего хохочешь? Тащи!

— Сказала: не умею...

— Погоди, сосед, снимать сапоги,— заговорила Клава.— Сперва проводи до дому тещу. Все разошлись, а Анисья Андреевна, бедняжка, сидит и слезы льет... Это она тебя, Анюта, оплакивает. Ох, уж эти матери! Помню, как меня выдавали замуж. Сколько было слез!

— Пусть заночует у нас.— Василий опустил ногу.— Места хватит!

— Я сама провожу!— И Анюта выбежала из хаты.

Клава прикрыла дверь, повела бровью, доверчиво улыбнулась. Василий нагнулся, делая вид, что не заметил эту ее улыбку.

— Что ты кряхтишь, Вася? — Голос у Клавы мягкий, ласковый.— Давай помогу... Анюта не умеет, ее этому в десятилетке не обучали, а я простая, сумею... Мне это даже приятно!

— Анюту не трогай... и вообще... не мани, не ластись.

— Почему такой категоричный отказ? Разве плохо — помогу разуться?

— Обойдусь без помощницы.

— Жену, небось, с первого дня приучаешь?

— То жена...

— Не стыдно, Василий? Как ты разговаривал с Анютой?

— Тебе-то что? Как умею, так и говорю.

— Умею? Молодая жена ласки ждет, а ты, как самый бескультурный казачина, ногу ей тычешь... «А ну, тащи!» Совести у тебя нету, Василий.

— А что тут такого совестливого? — со смехом спросил Василий. — Это же давний казачий обычай.

— Неужели ты, Василий, не видишь, что ей эти твои обычаи противны. Да и Анюта не такая, как иные прочие станичные девки. Она и коров доит не хуже любой доярки и в заочном институте учится... Девушка образованная, культурная. А ты сегодня заставляешь ее сапоги стаскивать, а завтра впряжешь в строительство хаты, взвалишь на ее плечи домашность... Пропадай, Анюта, со своими мечтами!

— Мораль читаешь?

— Нет, просто по-бабьему жалко Анюту.

— Может, ты жалеешь не Анюту, а то, что не ты на ее месте? Так я, Клавдия, говорил и еще скажу: ты мне не нужна!

— Ох, не плюй, Вася, в колодец...

— Злобу затаила?

— Я не злобливая... Только скажу тебе — береги Анюту... Она полюбила тебя, а в душу



твою еще не заглянула... Эх, да и в самом деле, что мне за печаль! — И протянула к Василию ласковые, оголенные до плеч руки.— Вася, не злись! Дай я обниму и поцелую тебя на прощание... О! Чего озверился? Боишься согрешить, праведник!

Василий оттолкнул ее, крикнул:

— Ты что, пьяная? Убирайся отсюда! Слышишь!

— Чего орешь! Дурак! Сама уйду...

И ушла. Василий снял рубашку, закурил. Я видел его поникшую голову, сутулые плечи. Вскоре вошла Анюта, и в комнате погас свет. Василий бросил в сад окурок и прикрыл рамы.

Прошли час или два — не знаю... Начинало рассветать. Сквозь сон я услышал чьи-то быстрые шаги. Человек, нагибаясь под ветками, прошел к окну и постучал. Василий распахнул рамы, спросил:

— Якимюк? Наконец-то! Я тебя еще вчера выглядывал... И где пропадал?

— Где, где! Не у тещи в гостях... Склад был пустой. Пока сгрузили вагон.

— Ну и что? Шифер привез?

— Полный порядок... Ажур! Машина стоит возле твоей хаты... Надо побыстрее груз свалить.

— Молодец, Саша! Пойдем сгружать!

И Василий, не зажигая света, торопливо, точно по тревоге, натянул рубашку, надел сапоги и выпрыгнул из окна. Молча они прошли через сад на улицу.

II

Василий сбавил бег машины. Из нагрудного кармана вынул пачку «Беломорканала» и, придерживая локтем руль, зубами взял папиросу, одной рукой зажег спичку. Прикурил и сказал:

— До слез, дядя, обидно. Не получилась у меня семейная жизнь. Я старше Анюты на шесть годов и полюбил ее еще школьницей. Она десятилетку оканчивала, подрастала, а я терпеливо поджидал ее и в уме своем совместную нашу жизнь планировал... Специальность у меня прибыльная, жить можно припеваючи. Я за рулем, она на ферме, а дома всякая своя живность... И ты думаешь, для кого я земельный надел схлопотал и еще до женитьбы начал лепить свое гнездо? Для нее... Росла она в бедности, без отца, красота у нее от природы. Сколько раз, глядя на Анюту, думал: «Ничего, недолго этой красоте маяться в нужде... Моей станет — осчастливлю...» И вот все мои мечты полетели по ветру. Где тут корень зла? Не знаешь, дядя Андрей?

— Может, вашему счастью помешала Клава? — намекнул я.— Кажется, у тебя что-то с ней было?

— Эх, Клава, Клава... Да, она на Анюту не похожа.— Василий смотрел на дорогу, хмурил запыленные брови, курил.— Причиной, дядя, как я понимаю, вышло то гнездо, каковое я так старательно мостил. Сил не жалел, старался. Все лето мы строили хату. Торопились, хотели все сделать до дождей... Трудно было. Днем я за рулем, километры считаю, а Анюта на ферме. Ночью сходимся на своем дворе и роемся, как кроты. Сразу же после свадьбы поставили стропила, и хатенка наша забелела плитками шифера. Хорошо, что я их заранее раздобыл. Под крышей человеку веселее. Зашел я в дом — потолка еще не было. Поднял голову, посмотрел — неба не видно. Позвал Анюту, хотел вместе порадоваться. Показал ей кровлю, а у самого, веришь, в сердце одни песни. Звоном звенят! Анюта стоит грустная, сумная. «Анюта,— говорю ей,— ну, как? Красиво?» Она смотрит на меня, молчит, а в глазах смертная тоска... Я схватил Анюту, закружил от радости. «Не надо,— говорит,— у меня и так голова разваливается...» Я и злюсь, и удивляюсь, и смех меня берет. Нарочно постучал кулаком о дверной косяк. «Крепко стоит!» — говорю. И начал рассказывать, что и во сне вижу свою хатенку и всякий раз, когда подъезжаю к ней, не могу нарадоваться. «Анюта,—говорю,—вот что значит свое! Такой она мне кажется родной и близкой! А тебе, Анюта?» Молчит. Я спрашиваю: «Ну, когда ты думаешь о нашей хате, о своем дворе, то на сердце у тебя бывает волнение? Будто что-то грудь распирает? Бывает, Анюта?» Она усмехается с болью и говорит: «Нет, Вася, не бывает, честное слово, не бывает...» «Почему не бывает?» — спрашиваю. «Потому,— говорит,— что я об этом не думаю...» Проглотил я обиду — и все. Начал от нечего делать рассказывать, как ласточки лепят гнездо. Они тоже попарно, как и люди. И старательные. Одна принесет в клюве соломинку, а другая — крохотку мокрой земли. Раз—два, притулили, пристроили, примочили своей птичьей слюной — и готово! Держится! Анюта слушает, а в глазах слезы. «Уморилась я, Вася,— говорит.— Сил моих нет... Все тело, как побитое...»

Больно было такое слушать. Я и сам весь почернел, высох. А что поделаешь? Кому пожалуешься? Некому! Сама жизнь нас подстегивала, торопила. Нужно было обмазать стены, наложить потолок... А тут еще началась косовица. Спал я мало, ел на бегу. Зерно мы возили и ночью. Якимюку, моему напарнику, хорошо: он неженатый. Отработал смену — и на боковую. А мне надо было ночью, когда все спят, урвать час—другой и смотаться на грузовике за глиной. Мы ее рыли на Кубани, тут близко. Приходилось в полночь будить Анюту. Трудно ей, бедняжке, было оторвать голову от подушки. Сонная, молчаливая садилась ко мне в кабину. Пока мы ехали на глинище, она, как малое дитя, дремала, склонив голову на мое плечо... Ну, в глинище я быстро, задним ходом, подстраивал грузовик к удобной круче. Снимал рубашку: духота и ночью. Брал кирку и с гиком крошил глину. Анюта не поспевала выбирать. Тогда я бросал кирку и хватал лопату-подборщик. Вдвоем мы быстро нагружали машину... А по небу, как в насмешку над нашими стараниями, гуляла луна. В глинищах было светло, а вокруг нас, чуя рассвет, на все голоса заливались птицы. Плескалась Кубань на перекатах... Мы присели отдохнуть. Своей рубашкой я вытер пот у Анюты на лбу, поправил на висках влажные волосы. Для бодрости улыбнулся и сказал:

— Тяжело, Анюта.— Обнял, приласкал.— Ну, ничего. Скоро полегчает. Покончим со строительством, переберемся в свой дом и заживем на радость. Жизнь у нас будет обеспеченная. Это,— поясняю,— только в песне говорится, что «сухой бы я корочкой питалась...» В жизни не так. Батя обещал мне стельную корову.—Обнимаю Анюту и говорю: — В зиму нам надо обзавестись овечками, поросятами. Пусть растут. Ну, само собой, будет у нас и птица. Протока близко, можно завести гусей—и мясо и пух-перо. Что ты скажешь, Анюта? Давай посоветуемся».

«Погоди, Вася,— перебила Анюта.— Ты все о доме, о корове да об овечках печалишься, а ни разу не спросил, как у меня с учебой. После нашей женитьбы я и книжку в руках не держала. Запустила все. Исключат меня из института, вот чего я боюсь...»

И в слезы. Я молчу. Что сказать? Хотел было для примера пояснить, что я вот уже сколько лет книжек не читаю, а ничего—и жив и здоров. Но промолчал. Дал ей вволю наплакаться, завел мотор, и мы поехали. Всю дорогу она всхлипывала... И вот после этих ее слез все и началось. Мы пока еще не расходились и не ругались, но уже и не жили, а сказать, мучились. Потом родилась дочурка. Радоваться бы такому счастью, а мы...

Василий оборвал рассказ на полуслове. Грузовик поднялся на гору. На фоне Верблюд-Горы тонула в зелени Усть-Невинская.

III

Станица заметно разрослась, раздвинулась. Со всех сторон к ней липли, пристраивались новые дома с сарайчиками, и улицы удлинялись, растягивались. Особенно много строений выросло на южной стороне. Просторная низина от Верблюд-Горы и до канала, питавшего водой электростанцию, была застроена — домики стояли один в один. Крыши на них либо черепичные, пламенно-красные, либо шиферные, под цвет хорошо вымоченного полотна; не было ни одной крыши соломенной или камышовой. Издали свежо белели стены, выделялись изгороди — то плетни, то штакетники с воротами и калитками. Улицы — как проспекты, широкие, прямые. Тополя, вербы, посаженные вдоль дворов, садочки еще не укрывали ветками строения, но своей молодой зеленью как нельзя лучше оттеняли нарядный цвет черепицы, шифера и набеленных известью стен. Новоселы устраивались на кубанской земле не в пример старожилам Усть-Невинской, имевшим, как мы знаем, и кособокие хатенки и кривые улочки.

В новом квартале поселился и Василий Кондраков. Грузовик остановился возле плетеной изгороди, за которой стояли дом, сарай для коровы, курятник и свинушник. Окна, выходившие на улицу и во двор, были закрыты ставнями. Собака выскочила из конуры и, лая, загремела цепью по проволоке. Василий усмирил пса, заманил в сарай. Я вошел в калитку. Меня окружили куры.

— Киш! Голодное царство! — крикнул Василий, распугивая кур.— Ну и прожорливая птица, беда! Сколько ни корми, завсегда голодная!

На дверях ржавый замок. Василий достал из кармана ключ. В закуте, услышав голос хозяина, заскулил кабан. Огород, засаженный картошкой и свеклой, с чахлыми деревцами, уходил к отлогому берегу канала. На воде гулял выводок гусей.

— Твои? — спросил я, указав на гусей.

— Первый год развожу, для пробы.— Ва-



силий снял замок.— Куда выгоднее кур! Сами себе харч добывают. Утром переплывут канаву и цепочкой уйдут на жнивье. Вечером такой же цепочкой возвернутся домой. А осенью посажу на откорм, наберут они жирку — и, пожалуйста, вези на базар...

В комнате ютился полумрак. Воздух тяжелый, душный, точно пропитан застаревшей пылью. В темных глазницах окон бились о стекло и нудно звенели мухи.

— Непорядок у меня тут,— сказал Василий.— Без хозяйки и дом сирота. Мать, спасибо, помогает. Придет, корову подоит, кабана накормит, за птицей присмотрит...

Василию нужно было сдать смену и отвезти в бухгалтерию документы на зерно. Он пообещал быстро вернуться и уехал. Я остался один... Кажется, теперь еще надсаднее скулил голодный кабан и настойчивее бились о стекло мухи. Оставаться в хате не хотелось. Я взял полотенце и отправился к гусиной стае. Пока сидел на берегу, пока купался, солнце опустилось к закату. Из-за лесистых гор выплыли тучи, повеяло прохладой.

Возвращаясь в дом, я услышал знакомый голос сестры Ольги. Она шла мне навстречу.

— Ой, мать родная! — говорила она нараспев, мешая русские слова с украинскими.— Та кого ж я бачу! Братушка!.. Я зараз в огородной бригаде, работа у нас сдельная. Сидим мы, отдыхаем. А тут Вася подкатил и кажеть: мамо, чего вы тут сидите? У нас гость! Так я прихватила помидорчиков и побежала.

Она обняла меня. Руки у нее твердые, сильные. Фартук подоткнут, и в нём, как в сумке, бугрились помидоры... Раскрыла ставни, распахнула рамы. «Вот горе, вот горе,— бурчала она, вытирая стол мокрой тряпкой.— Такой домишко, и стоит день у день с закрытыми окнами, истинно как слепец». Вышла во двор, позвала кур и бросила им горсть зерна. В ведре что-то отнесла кабану.

— Как поживает Никита Савельевич? — спросил я.

— Ничего живет.— Она резала в тарелке помидоры.— Днюет и ночует на силосе. Корма в яму загружает... Садись, испробуй свеженьких помидорчиков... Никите что! А вот мне беда, хоть разорвись на два двора. Дома у меня свое хозяйство. Оно тоже моих рук требует. И на огороде надо работать. Так и толчусь — то дома, то на колхозном огороде, то у Васеньки.— Вздохнула, поправила за ухом седые волосы.— Опустело Васино гнездо. Недавно смостили, а оно уже опустело... Никудышняя попалась Василию жинка. Просто и не жинка, а одно горе. Не хозяйка и лодырка порядочная. На ферме чужих коров доит исправно, премии получает, а свою корову подоить — руки болят! Срамота! Обеспеченную жизнь бросила — разве это жена! — Ольга посмотрела на меня, ища в моих глазах сочувствия.— Скажи, какой дурень нынче убегает от своего счастья? Это вроде того, как если бы голодный убежал от сытой еды... Чего ты усмехаешься? Не может убежать, бо голод — це и не сват и не брат.

— Пример, сестра, неудачный... Ты не понимаешь того, что несчастье Анюты и Василия...

— Несчастье?! — перебила Ольга со злостью.— Свой дом имела? Имела, и какой дом — залюбуешься! Корову с телком от нас получила? Получила! Кабан в сажку сала набирает? Набирает! И к осени его можно осмалить. Разная птица двор заполонила? Заполонила! И это, братуха, ты называешь несчастьем? Да такое несчастье дай бог каждому!

— Ты так считаешь, а Анюта на жизнь смотрит...

— Смотрит, смотрит, а ничего не бачит! — перебила Ольга.— Опозорила моего сына на всю станицу. Да с Васенькой любой бабе жить бы да радоваться. Он и трудяга, каких в станице мало, и первый хозяин, и бережлив, и непьющий, и насчет чужих красоток не охотник... Ну, чего еще нужно? — Вздохнула, помолчала, вытирая заслезившиеся глаза.— Как-то я забрела до свахи. Соскучилась по внучке. Анисьи дома не было. Анюта сидела возле окна с книжкой. На меня не посмотрела. Помолчала и я, поглядела дите — оно в кроватке лежало сонное. Пора бы и уходить, а я сижу. Я мать, под сердцем у меня сосет, и я завожу разговор о Василии. Она зыркнула на меня и отвечает: «Пусть он ко мне идет, а я к нему не вернусь». Так у него,— отвечаю,— своя домашность, хозяйство, хата, куда ж ему уходить? Тогда,— говорит,— передайте своему сыну, что я в его хозяйстве рабыней быть не желаю... Так и сказала — рабыней! Вот какая нынче молодежь. Чему их только и ,учат... Помню, раньше, до колхозов, бабе такое и в голову не могло явиться. Потому такое безобразие происходит, что и Анюта и такие, как она, на свет божий заявились при колхозах. Допрежней жизни они не знают, а родители их сызмальства к своему добру не приохочивали...

— Твой-то Василий тоже родился при колхозах?

— Э! Не равняй... Я своего с малых лет не баловала и приучала не к книжкам, а к делу. Мой Василий жизню знает не хуже нас, пожилых... А вот ты побалакай с той грамотейкой.— И опять со вздохом: — Ох, боюсь я за Васю! Еще, не дай бог, разбалуется, бросит хозяйство. Он как-то намекал... Не могу, говорит, мамо, так жить... Скроюсь, каже, кудынибудь от позора... Эх, казала Василю, не женись на Анюте, не калечь свою жизнь. Вдовушка Клава, та, что на свадьбе у него свашкой была, и то лучше... Не послушал мать. Хорошо, что я такая двужильная — тянусь на два двора. А ежели б меня не было? Как ему, бедняжке, выкручиваться? Это ж погибель всему хозяйству. Сам он целыми днями за рулем, а дома всякая живность...

На станицу ложился летний, пахнущий дождем и степью вечер. По улице пылило стадо. Корова рыжей масти короткими рогами слегка приподняла калитку и отворила ее. Видимо, делала она это не первый раз. Следом за ней во двор вошел телок. Ольга взяла подойник и ушла к корове. Подоила, вернулась в хату, налила в кувшин парного, с розовой пеной молока и собралась уходить.

— Это вам с Васей,— сказала она, ставя кувшин на полочку.— Перед сном попьете. Остаток заберу, провею на сепараторе, а то к утру скиснет... Ну, побегу! Дома меня тоже ждет корова. Хоть разорвись! Вот так и мечусь, как угорелая... Завтракать приходи до меня. Нажарю яичницы.

Василий вернулся, когда стемнело. Был он молчалив, грустен. Выпил кружку молока, закурил, сидя за столом. Затем походил по двору, убрал ведра, загнал в закут гусей, пересчитал их. Привязал корову, поласкал пса... Вернулся в хату, побрился.

— Ложись отдыхать,— сказал он, смочив лицо одеколоном.— Кровать свободная...

— А ты куда собираешься?

— К Анюте.— Шумно всосал воздух, встал, выпрямился.— Тянет, понимаешь... Не могу без нее. Пока за рулем — терпимо, не так она лезет в голову. А как останусь без дела, придет вечер — тоска грызет, свет не мил... Пойду! Может, в последний разок...

Вернулся Василий часа через два. Я еще не спал. Присел ко мне, сказал:

— И ты любишь перед сном читать?.. Читай... У нас свет хороший. Анюта, бывало, тоже читала.— Наклонился, понизил голос.— Хотел спросить... Как думаешь, осенью будет новый набор на целину?

— Что тебе вдруг пришло в голову?

— К черту эту житуху! Смоюсь из Усть-Невинской... Пропадай все пропадом! Не могу!

— Да был ли ты у Анюты?

— А то как же! Повидались...

— Говорили?

— Было дело.

— Что ж ты ей сказал?

— У меня разговор один... Просил вернуться.

— А она?

— И гладиться не дается. Заладила свое — «не тяни меня в кабалу». У меня, говорит, скоро экзамены...— Нервно рассмеялся.— У нее экзамены, а у меня хозяйство гибнет... Вот тут и помири нас... Плелся до дому и раздумывал: кто тут прав, а кто виноват?

— И кто ж?

— Никто! Прикинешь с одной стороны — жить, как живут в городе, вольготнее. Отработал свое — и свободен. Отдыхай, книжку читай, подымай свою культурность. Домой придешь, и не надо тебе думать, а как там корова, птица, накормлены ли, напоены... С другой стороны примеряешь — как же обходиться без домашности? Хоть трудодень у нас дорогой, а все ж таки без своего непривычно. И мы не горожане. Сидим на земле и землей должны пользоваться... Вот загвоздка! — И после длительного молчания: — Дядя, Анюта тебя уважает, я знаю. Потолкуй с ней, уравновесь ее. Уговори вернуться. Я согласен, чтобы она не работала на ферме. Пусть живет дома — за хозяйством смотрит и к экзаменам готовится.

Я пообещал Василию завтра же поговорить с Анютой.

IV

Возле серых, стоявших в ряд башен гудел трактор и надрывно стонала силосорезка. Из дугообразной, высоко поднятой трубы поднимался зеленый фонтан. В кучах — свежая кукуруза. Между сочными листьями торчали недозрелые початки с нежными русыми чубчиками. В прожорливую пасть силосорезки кукурузу подавал Никита Кондраков. Увидев меня, он попросил парня подменить, уступил ему место и подошел ко мне. Штаны на нем, рубашка испачканы зеленью, как у маляра.

— Василий был у меня! — громко сказал Никита, силясь заглушить железную песню машин.— И хвалился, что ты взялся их помирить!.. Не советую влезать в это дело!

— Почему?

— Разбитый горшок не склеишь... И я одобряю Анюту. Своей дорогой пошла, молодчина! А Василий живет чужим умом, прислушивается, что ему жужжит на ухо мать. Ты спроси у него, на кой черт ему обрастать кулацкой кожурой? Сам шофер, жинка грамотная, не баба, а золото... Берег бы не хозяйство, а Анюту...

— Я обещал Василию поговорить.

— Ну, раз обещал, то иди... Спрос не бьет в нос. Ищи Анюту на тырле. Знаешь, где у нас тырло?

Тырлом или тырлищем в верховьях Кубани называют место водопоя и отдыха скота в жару. На берегу Кубани таких стоянок много. Тырловище вблизи Усть-Невинской было просторное, размером в добрую городскую площадь. С одной стороны курчавился лесок, с другой — шумел мелкий перекат. В этом месте Кубань разлилась и обмелела. В пору зноя, спасаясь от мух и оводов, коровы уходят почти на середину реки. Стоят мирно, помахивая мокрыми метелками хвостов и обдавая спины брызгами.

Вблизи стада — рессорный шарабан в одноконной упряжке. Гривастого старого коня палило солнце, нещадно жалили мухи. Бедняга усердно кланялся, трепал гриву, бил копытами, хлестал жестким хвостом оглобли... Анюта и Клава, в одинаковых косынках и в белых халатах, только что подоили коров и с дойницами подошли к шарабану. Сиденье круглое, сплетенное из хвороста, как гнездо. В нем тускло белели бидоны.

— У вас дневная дойка? — спросил я.— Так почему только две доярки?

— Не угадал, товарищ! — ответила Клава.— Обеденную дойку позабыли, как ее и звать... Это мы с Анютой ради научности в жару страдаем. Каждый день доим и записываем, доим и записываем — для наглядности. Анюта, какие коровы больше дают молока: двухразовые или трехразовые?

— Помолчи, Клава.— Анюта сняла халат и положила его на бидоны.— Или все должны знать?

— А что? — обиделась Клава.— Твой секрет? Да?

— Мой или чужой — неважно,— сухо ответила Анюта.— В гости к нам, дядя Андрей?

— И по делу и в гости... Ночевал у Василия.

— Знаю.— Анюта обратилась к подруге: — Клава, садись в шарабан и вези молоко. Да поторопись, а то жарко...

— Вот, небось, нажаловался племянничек,— не утерпела Клава.— Проклинал жену, ругал... Да и как же ее не проклинать? Сапоги ему не снимает, собственность его невзлюбила и на плечах свою голову имеет...

— Ну помолчи, Клавдия!

— А чего молчать? Пусть знает дядя, какой у него родственник. Сам по уши зарылся в кубле и молодую жену туда тащит...

— Клавдия!

— Ну, хорошо, молчу...

Она с укоризной посмотрела на Анюту, сняла халат и, подбирая рукой подол юбки, легко взобралась в гнездо. Стегнула кнутом

и погремела по каменистой дороге... Мы с Анютой пошли по берегу к станице.

Нужный разговор никак не завязывался. Я не знал, как мне попроще изложить просьбу Василия, и, чтобы не молчать, спросил Анюту, как она живет, как растет ее дочурка. Анюта была грустна. С видимым желанием рассказывала о ферме, о своей учебе, показала тетрадь с записями трехразовой дойки.

— Для моего экзамена пригодится... К концу ноября у нас будет точная картина.

И после этих слов глаза ее вдруг до краев наполнились слезами. Наклонила голову, спросила:

— Что вам говорил обо мне Василий? Ругал?

— Ему, Анюта, нелегко без тебя.

— А мне? — Слезы потекли по щекам; не мигая, она смотрела в знойную даль.— От одной его матери не знаю, куда бы сбежать. Чего только она обо мне не говорит. Вся станица знает, что невестка у Кондраковых и дура и вообще ненормальная. Дом, хозяйство бросила. Из райской жизни убежала! Эх, ничего не понять вашей сестре. Ну и пусть, она уже старая. А вот Василий ничего не понимает — это горько. Придумал какую-то радость и носится с ней... Более двух лет я терпела, хотела понять эту его радость и не смогла... Чужая она мне!

— Но Василий-то не чужой? Он-то тебя любит? И вчера мне говорил...

— Плохая у него, дядя, любовь...

— У вас ребенок... Подумала ты об этом?

— А что тут думать? Ему не я нужна, а работница при доме.— Анюта уголком косынки вытерла глаза, мокрые щеки, робко улыбнулась.— Говорите, любит? Знаете что, дядя? Идемте к Василию! Да, прямо сейчас! Поговорим вместе... Может, он хоть вас послушается!

Василий подметал двор и нас не ждал. Он и обрадовался и смутился — не мог понять, что случилось. Бросил метлу, поспешно подбежал к калитке. Пригласил в хату, раскрыл ставни. Постель не убрана, стекла на окнах серые от пыли, на столе — засиженная мухами немытая посуда.

— Вот, Анюта,— сказал Василий,— сама в наглядности убедилась, какой без тебя тут непорядок.

— Вижу... грязно живешь, Вася.

— Живу? — болезненно усмехнулся.— Не живу, а мучаюсь.

— Хочешь не мучиться?

— Зачем этот вопрос?

— Я пришла поговорить...

— Опять разговоры? — удивился Василий.— Разговоры не помогут.

— Почему? — спросил я.— Может, и помогут...

— Агитировать меня пришли?

— Не ершись, Вася,— ласково сказала Анюта.— Давай спокойно обсудим, как нам жить по-хорошему...

— Вот-вот, по-хорошему! — Василий нервничал, бледнел.— Это я уже слыхал! А как — по-хорошему? Как? Молчишь? А я знаю... Хочешь, чтобы я лишился всего, что нажил. Это «по-хорошему»? Не-ет, я не дурак! Я не хочу быть посмешищем в станице... Лишиться хозяйства? Это надо потерять голову!

— Вася, ну зачем нам вся эта домашняя обуза?

— Обуза? — Василий зло усмехнулся.— Знать, не одумалась? Не поумнела?

— Да рассуди, Вася,— с любовью глядя на мужа, говорила Анюта.— Зарабатываем мы хорошо, на жизнь хватит с лихвой.— И обратилась ко мне: — В прошлом году, дядя, вдвоем у нас было около полутора тысяч трудодней. Одних денег получили почти пятнадцать тысяч. Да еще зерно, овощи. Мы и приоделись и обулись... Радиолу купили, шифоньер, книги... И еще...

— А молока где брать? — перебил Василий.— У соседа просить?

— Ну, сколько его нужно? Кувшин или два? Купим на ферме, оно дешевое. И мяса в колхозе купим. Деньги у нас есть. Вот окончу институт и буду зарабатывать еще больше. Проживем, Вася!

— Василий, а ведь и верно,— сказал я, желая поддержать Анюту,— бюджет-то у вас получается вполне приличный.

— Какой там, дядя, к черту бюджет! — горячась, крикнул Василий.— Никакого бюджета и никакой бухгалтерии не знал и знать не хочу! К черту все! Свой бюджет, тот, что ходит по двору, надо иметь... Так что, дядя, и ты, жена, зря вы заявились морочить мне голову. Я еще из ума не выжил, своего не лишусь, и не ждите! И ты, Анюта, не перелицуешь меня — не тужься!

— Эх, Василий, Василий! — сквозь слезы говорила Анюта.— Знаешь, кто ты после этого?

— Кто? — Василий склонил голову, отвернулся.— Дурак? Болван? Да ты говори, говори, не стесняйся...

— Такими дураки не бывают.— Анюту мучили слезы.— Мелкий собственник и крупный себялюбец — это к тебе подходит... И как я раньше не распознала тебя... Эх ты, а еще клялся, что любишь!

И она, пошатываясь, вышла из хаты.

— Чего ж сидишь? — сказал я.— Задержи Анюту... Ну, побеги!

— Бежать? А зачем? — Василий встал, вынул из кармана автомобильный, затертый в руках ключик, подбросил на широкой, как ковшик, ладони.— Видно, насильно мил не будешь... Ну, мне пора сменять напарника... Вот что напоследок скажу, дядя. Себялюбец я или какой черт-дьявол, а только теперь я окончательно узрел: мы с Анютой разные, а оттого и пути-дорожки наши так сразу разошлись... Горько сознавать, а это так... Ну, пойду!

Он ушел... В Усть-Невинской я пробыл еще два дня. Побывал на электростанции, управился с делами. Анюту так и не повидал: она уехала в район на совещание. Василий же в эти дни дома не ночевал.

В погожий осенний день я и секретарь Рощенского райкома Солодов направлялись в Белую Мечеть. По пути решили заехать в Усть-Невинскую. Лежала отлично укатанная дорога. Солнце светило ярко, а грело слабо. Поля опустели и выжелтели, небо над ними низкое, прозрачное.

— Племянник-то твой улетел, кажется, аж на Алтай,— сказал Солодов, когда мы подъезжали к Усть-Невинской.— Со стыда сбежал...

— Заедем проведать Анюту?

— Не сможем. Недавно она перебралась в Кардоникскую. Там у нее тетка по отцу... И все из-за твоей сестры Ольги. Сын ее уехал, а она злится и зло вымещает на невестке. Пришла Анюта в райком со слезами. Помогли. Получилось весьма удачно. Я позвонил в «Красный Октябрь» Калиниченку — председателю. Ему как раз был нужен зоотехник, и Калиниченко с великой радостью принял Анюту как будущего специалиста... Да я думаю, что скоро и Василий очутится в Кардоникской.

— Что слышно о нем?

— Вчера звонил мне Калиниченко. Говорил, что Василий прислал письмо. Не Анюте, а ему. А письмо-то все об Анюте. И как она живет, и как учится, и как растет девочка. Кажется, парень взялся за ум. О себе ни слова. Только и написал, что тянет на Кубань... Да оно и понятно. Тут родился, тут жена с дочкой.

Мы въезжали в улицу, где жил Василий, и я подумал, что сталось с его домом. Наверное, двери и окна заколочены, а двор зарос бурьяном, одичал... Вот и калитка. Я попросил шофера приостановить машину.

За плетеной изгородью стоял знакомый мне дом под потемневшим шифером. Ставни раскрыты, стены выбелены, на чистых, промытых стеклах фартуками белели занавески. Во дворе — детские голоса. Трое ребят, распугивая кур, играли в жмурки, прятались за копенку свежего, только что сложенного сена. Хозяин — высокий молодой мужчина — пристраивал к сараю новые двери. Его жена, полнолицая и тоже молодая, с подобранным подолом юбки и с засученными рукавами, стояла на табуретке и подводила темно-зеленой краской карнизы под окнами.

— Что смотришь? — спросил Солодов.— Все ясно! Явились новые хозяева, как скворцы по весне.— Когда мы сели в машину и поехали, он повернулся ко мне и с улыбкой добавил: — В жизни так... Свято место пусто не бывает.



Потерянные миллионы

В. КРЮКОВ

Фото О. КНОРРИНГА.

Я подошел к проходной будке, когда за забором раздался сигнал и вахтер, невысокая женщина лет сорока, побежал открывать заводские ворота.

Неся перед собой приспущенный ковш, на территорию завода медленно въехал экскаватор.

— Это новый или старый? — спросил я у вахтера, кивая на машину.

— Но-о-вый! Не видите, что ли, ползет, как черепаха!

Я пошел вслед за экскаватором.

Вскоре дорога повела налево, и машина, описав большую дугу, неуклюже развернулась. Через сто метров пути она остановилась возле куч мелкого желтого песка. С машины спрыгнул средних лет человек и, отойдя в сторону, стал наблюдать за работой экскаватора. Это был Владимир Васильевич Бутов — мастер отдела технического контроля Калининского экскаваторного завода.

Машинист экскаватора вскоре опустил ковш. Зубья заскользили по поверхности песчаной корки. Машинист повторил эту операцию несколько раз. Ковш брал плохо.

Когда я подошел к контролеру и стал тоже наблюдать за работой новой машины, Владимир Васильевич Бутов повернулся ко мне и сказал:

— Работаем на максимальном давлении, а толку мало. Ковш чешет, как гребешок, а в глубину не берет... Ну и машину навязали нам! В прошлом году выпускали экскаватор, который брал твердые грунты, был быстр и легок в управлении, как автомашина... И вот — сняли с производства!..

— Может быть, этот экскаватор плохо работает потому, что он новый? Может быть, его можно довести?

— Тут и доводить нечего! — сказал мастер.— Не один я так говорю — все.

Говорят машинисты-испытатели

Не хотелось верить этим словам. Привычно думать: если техника новая, то, следовательно, она и лучшая. На следующий день я пошел в сборочный цех побеседовать с машинистами-испытателями. Мне посоветовали обратиться к лучшему из них, Алексею Рубчихину.

Этого человека знали на Калининском экскаваторном заводе все. Не одну марку опытной машины довелось ему испытать. Когда на Ленинградском экскаваторном заводе был создан образец новой машины, Рубчихина вызвали туда.

— Сначала экскаватор испытывали на заводском дворе,— сказал Алексей Рубчихин.— Поломалась стрела. Поставили другую и поехали к строительной площадке. Там рыли котлован для дома. В котловане работал «Ковровец»— экскаватор Ковровского завода.

«Где бы тут нам испытать новую машину?» — спросил у прораба председатель приемочной комиссии Фридрих Францевич Реш.

Прораб показал.

Я подъехал, — продолжал Рубчихин, — опустил ковш. Не берет! Грунт был хотя и мерзлый, но все-таки разработанный. Раньше я работал на нашем калининском экскаваторе «Э-353». По привычке вскинул я ковш и ударил наотмашь. Это увидел конструктор новой машины Шликейзен и кричит: «Этот экскаватор нежный, так нельзя!».

Вызвали экскаватор, оборудованный восьмиметровой решетчатой стрелой и чугунной бабой. Он стал рыхлить грунт, а я копать. Разве ж это испытание? Вот когда я испытывал «Э-353», то были настоящие испытания! Мороз стоял крепкий, грунт был четвертой категории: глина с камнем. Ударил я ковшом раз, другой и вырыл траншею в четыре метра глубиной и шесть метров длиной.

Когда закончили испытания нового экскаватора, «Э-302», я говорю председателю комиссии: «Фридрих Францевич, этот экскаватор хуже старого».

«Зато редуктор лучше! — отвечает он.— Все трущиеся детали находятся в одном месте...»

А чем лучше редуктор? Поломалась, например, соединительная вилка — надо разбирать половину машины: снимать кабину, двуногую стойку весом в несколько сот килограммов, вскрывать крышку редуктора. Без крана этого не сделаешь. А ведь экскаватор должен работать в полевых условиях.

Думал ли об этом конструктор? А управление? Вот посадить бы конструктора за баранку да посмотреть, сколько потов с него сойдет. На старом экскаваторе усилие на ручку поворота — полкилограмма, а на новом — не меньше двух пудов. Надо сделать баранкой два оборота, только потом уже колеса начнут разворачиваться. На заводском дворе разворачивать едва хватает сил, а в забое нечего и думать.

Старый экскаватор я гонял своим ходом в Москву, в Тулу, в Серпухов, а на новый, извините, не сяду. Не хочу шоферских прав терять. Надо четыре руки иметь, и притом очень длинных, чтобы управлять этой «дудоргой».

В прошлом году я работал на берегу Волги. На старом экскаваторе. Песок грузил. На моем участке шесть «МАЗов» было, я успевал насыпать кузова, и еще оставалось время для перекуров.

Теперь вот, совсем недавно, я опять был на этом же участке, но на новом экскаваторе. Ко мне подъезжали два «ЗИСа» и один «газик», и я не успевал. На старом экскаваторе я мог открыть днище ковша при любом его положении, мог, не съезжая с места, передвигать ковш над кузовом, чтобы равномерно распределять грунт. На новом экскаваторе этого нельзя сделать. На старом экскаваторе я давал 700 кубов в смену, на новом не мог дать и половины этого. Может быть, мы неопытны? Но вот недавно был у нас лучший машинист Ленинградского экскаваторного завода. Женей его зовут. Фамилии не помню. Все его называют по имени. Так что вы думаете? Женю прислали, чтобы поучить нас. Но он смог сделать только три цикла в минуту, а четырех циклов, то есть скорости работы старой машины, достичь не мог. А в паспорте у нового экскаватора написано: «4 цикла».

Даже по расчетным данным новую машину не сравнить со старой, а про работу и говорить нечего.

— Я подписываюсь подо всем, что сказал Рубчихин,— заявил машинист-испытатель Спартак Андреевич Саловаров.— Новой машиной можно только воду из болота черпать или работать на сыпучих грунтах. И то только в летнее время. Я говорил об этом заместителю министра строительного и дорожного машиностроения товарищу Гречину, когда он был у нас. «Вы ничего не понимаете»,— ответил он мне тогда. А мы понимаем так: в министерстве поступили по принципу: «Пусть будет хуже, но зато новое».

Первые ласточки

На столе в кабинете главного конструктора лежала телеграмма из Ташкента: «Калининский экскаваторный завод. И. о. директора Ведерникову. Деталей и запчастей не надо. Экскаватор конструктивно непригоден. Высылайте представителя».

Главный конструктор Станислав Афанасьевич Щетка пояснил, что несколько дней назад завод получил телеграмму из Ташкента с просьбой выслать представителя и что руководители завода, полагая, что в Ташкенте горячатся зря, телеграфом запросили: «Что вышло из строя? Какие детали надо выслать?».

В ответ поступила телеграмма, которая лежит сейчас на столе.

Прошло немного времени, как калининцы стали отправлять новые машины заказчикам, а на завод то и дело приходят телеграммы, требующие присылки представителей. Завод уже послал инженеров и мастеров в Донбасс, в Сталиногорск, в Ульяновск, в Вольск, в Баку.

— Положение у нас неважное,— сказал инженер отдела технического контроля Иван Иванович Федоров.— Новые экскаваторы еще мало где работали. Эти телеграммы, так сказать,— первые ласточки. А развернутся земляные работы, туго нам придется. В Сталиногорск легко съездить: это в Московской области. А ведь мы отправили экскаваторы и в Хабаровский край и на Сахалин...

— С тех пор, как работает наш завод,— сказала конструктор Муза Анатольевна Ташкинова,— никогда еще такого не было.

Новое ради нового

Все, с кем ни доводилось мне беседовать, высказывали одну и ту же точку зрения. Почему же все-таки худшую машину запустили в производство? Действительно ли старая машина была лучше?

Вот объективные данные. До нынешнего года Калининский экскаваторный завод выпускал экскаватор марки «Э-353». Машина эта получила признание и в нашей стране и за границей. Она экспортировалась в Чехословакию, в Афганистан, в Финляндию, экспонировалась на международной ярмарке в Салониках в минувшем году и везде получила хорошую оценку.

Вот, например, что писали коллективу Калининского экскаваторного завода Ладислав Нытра, Ондрей Столарик, Карел Кучера— чехословацкие экскаваторщики из Остравы: «Профессор Дрлик, который является у нас специалистом по земляным работам, установил годовую норму выработки на машину вашего типа 22 500 ку-

Экскаватор «Э-302» испытывали контрольный мастер ОТК В. В. Бутов (левый снимок), машинист-испытатель С. А. Саловаров (три средних снимка) и машинист-испытатель А. А. Рубчихин (правый снимок) Вот что они говорят:

— Попробуйте дотянуться до рычага муфты сцепления...



бометров в год. Эту норму мы вашим экскаватором перевыполнили более чем в четыре с половиной раза».

В актах комиссии, которая принимала новый экскаватор, записано: «На приемочных испытаниях в новой, спешно спроектированной машине обнаружилось очень много недостатков. Треть состава комиссии записала свое особое мнение, считая нецелесообразным выпускать «сырую» машину вместо старой, хорошо зарекомендовавшей себя в эксплуатации, имеющей лучшие технико-экономические показатели, чем новая».

Более решительно повели себя инженеры Калининского завода, получив чертежи новой машины. Главный инженер А. И. Самборский, главный технолог С. М. Ерошин, главный конструктор С. А. Щетка в письме министерству заявили, что от внедрения новой машины государство ничего, кроме материального ущерба, не получит, а народное хозяйство будет иметь менее производительные машины.

Но не так думал заместитель министра по новой технике Н. К. Гречин, подписавший технический проект нового экскаватора. Он приказал заводу приготовиться к выпуску машины, которую так усердно пестовал.

Калининские экскаваторщики не сдавались.

Слишком очевидной была их правота. Старый экскаватор выбрасывает в час 84 кубометра земли, а новый — только 72. Старый передвигается со скоростью 18,2 километра в час, новый не достигает и 12 километров. Старый берет любые грунты, новый — только легкие... И все-таки «сырая», слабая, конструктивно недоработанная машина была запущена в серийное производство.

«Неужели в министерстве не видели преимуществ старой машины, неужели там завелись маньяки нового? — спросил я себя, покопавшись в технических документах.— Видимо, был какой-то смысл заменить старую машину новой, хотя и недоработанной».

Для уяснения этого вопроса пришлось пойти к директору завода Петру Потаповичу Долбанову, зная, что тот «поддерживает линию министерства».

— Я слышал, вы здесь уже с полмесяца, и вас, наверное, сумели убедить, что старый экскаватор лучше? — встретил меня директор завода.

Петр Потапович достал из ящика папиросу и закурил.

— Знаете,— начал он после паузы,— летом и осенью у нас рассуждали об этом во всех цехах, отделах, на участках... Но приказ есть приказ... Мы провели воспитательную работу, призвали кое-кого к порядку... Конечно, старый экскаватор помощнее, покрепче. Хорошо шел на экспорт... Но дело не в этом. Вы, наверное, знаете, что такое кооперация. С некоторого времени и наше министерство стало думать о кооперировании. Решили на двух заводах, на нашем и Ленинградском, вместо разных экскаваторов «Э-353» и «Э-258» выпускать один, так сказать, унифицированный. И вот летом, когда я был в отпуске, Самборский начал шуметь: мол, старый экскаватор лучше. А чего шуметь? Надо учитывать, что два завода, связанные по принципу кооперации, смогут удешевить себестоимость экскаватора.

«Ах, вот оно что! — подумал я снова.— Стоимость машины!» Сразу же после беседы с директором я отправился в бухгалтерию.

Главный бухгалтер завода Илья Зиновьевич Немец поднял счета. Старый экскаватор стоил 72 836 рублей, новый — 103 629 рублей. Свыше 30 тысяч рублей терял завод на каждой машине! Сколько же он потеряет за год, если выпустит хотя бы 500 штук? Свыше 15 миллионов рублей!

— А на сколько рублей списано старой оснастки?

Илья Зиновьевич поднял счет: 915 тысяч.

— А сколько стоит новая?

— Этого я вам сказать не могу. Обратитесь к начальнику планового отдела. Но, знаете, основные убытки завод несет не на замене оснащения. Несколько месяцев завод не выполнял плана в связи с переходом на производство новой машины. За это время он мог дать продукции больше чем на десять миллионов. А ведь с производства сняли машину, за которую эксплуатационники дрались. Осенью прошлого года городская гостиница была переполнена: отовсюду, со всех концов страны, приезжали получать наш экскаватор...

С невеселыми мыслями уходил я из комнаты главного бухгалтера.

Начальник планового отдела Борис Юрьевич Меламуд встретил меня словами:

— Писать думаете? Не советую. Ведь это дело не вчера возникло. Оно разбиралось и в министерстве и в калининском обкоме... Если Самборский и Ерошин, инженеры, не могли доказать преимущества старой машины, то что бы вы ни написали, все равно это будет неубедительно. В министерстве сидят люди более опытные, чем мы с вами.

— Но ведь старый экскаватор дает выработку на 12 кубометров в час больше!

— Не в кубометрах дело! — убежденно сказал Борис Юрьевич.— Идея создания «Э-302» не в мощности. Зачем мне костюм пятьдесят пятого размера, когда я ношу пятидесятый? Тут важна не мощность, а класс машины. У нового экскаватора улучшена кинематическая схема. Правда, сейчас он стоит дороже, но к будущему году мы доведем его стоимость до 95 тысяч. Не советую вам писать...

В другом кабинете заводоуправления я услышал совершенно противоположную точку зрения:

— Хорошо, что вас затронул этот вопрос,— сказал главный технолог завода Сергей Михайлович Ерошин.— Ну, как можно было запускать в серию «сырую» машину? Прошло шесть месяцев, как мы получили основные чертежи, и с тех пор к нам идут изменения в конструкции и технологии. Мы их получили несколько тысяч. Ради пресловутой «новой» машины министерство идет на то, что утверждает больший удельный расход металла. Стоит новая машина дороже, работает хуже. Не забыли ли в министерстве, ворочая миллионами, считать рубли? Ведь деньги-то народные...

В редакцию журнала «Огонек»

Мы предварительно ознакомились с очерком В. Крюкова «Потерянные миллионы». Считаем, что редакция журнала, опубликовав его, поднимет волнующий нас вопрос. До 1957 года наш завод выпускал одноковшовые экскаваторы на пневматическом ходу моделей «Э-255» и «Э-353», снискавшие себе известность как в нашей стране, так и в странах народной демократии и ряде капиталистических стран.

По решению Министерства строительного и дорожного машиностроения наш завод совместно с Ленинградским экскаваторным заводом с 1957 года переведен на выпуск новых экскаваторов модели «Э-302».

В свое время руководящие работники нашего завода, основываясь на сравнении технических данных нового экскаватора «Э-302» и экскаватора «Э-353» и данных испытаний опытного образца экскаватора «Э-302», в своем письме на имя министра тов. Новоселова ставили вопрос о нецелесообразности замены экскаватора «Э-353» экскаватором «Э-302». Имевшиеся в то время данные свидетельствовали о том, что экскаватор «Э-302» по своим технико-экономическим показателям уступает старому, стоимость его изготовления и расход металла значительно выше, чем у предшественника.

Однако вопросы, затронутые в этом письме, а также особое мнение членов комиссии остались без ответа. Зам. министра тов. Гречин Н. К. в категорической форме предложил немедленно перейти на выпуск экскаваторов «Э-302» и прекратить разговоры о преимуществах «Э-353».

Теперь, когда завод наш отправил заказчикам более сотни новых экскаваторов, можно судить об эксплуатационных качествах новой машины.

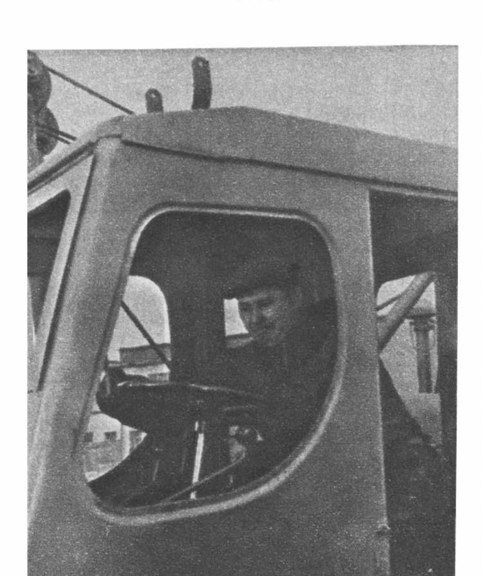
Как показали обследования экскаваторов «Э-302», проведенные работниками завода, а также полученные заводом рекламации, на машинах выходит из строя компрессор, сильно греются пневмокамерные муфты реверсивного механизма.

Обследования показали, что экскаватор «Э-302» не работает на грунтах выше второй категории, а выработка составляет не более 80—120 кубометров в смену, в то время как на «Э-353» отдельные экскаваторщики достигали выработки 700 кубометров в смену.

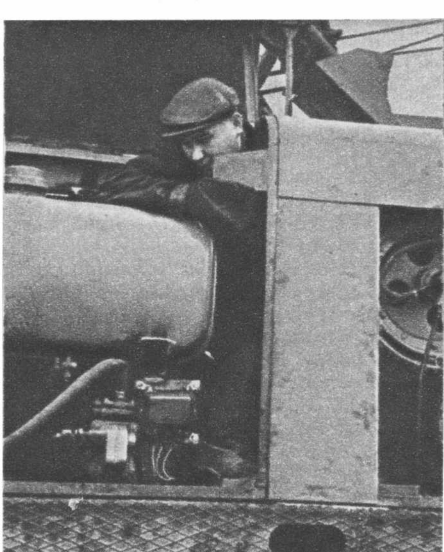
Большинство из этих недостатков было выявлено нами до начала серийного производства, и в свое время на них указывалось тов. Гречину Н. К. во время посещения им нашего завода. Тем не менее министерство не прислушалось к этим замечаниям и приказало запустить машину в серию.

Нам кажется, что все это достойно внимания органов Государственного контроля.

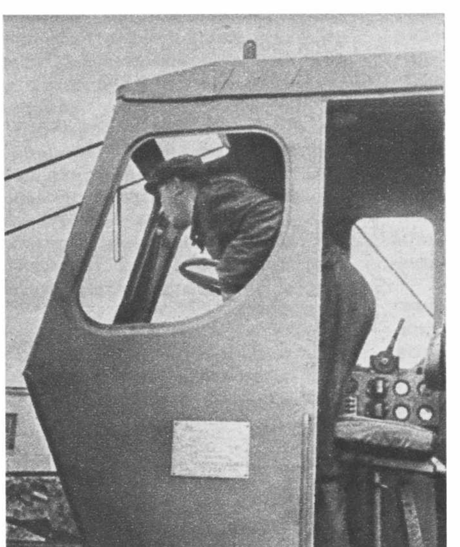
В. БУТОВ — контрольный мастер ОТК; В. ЕГОРОВ — контролер ОТК; А. РУБЧИХИН — машинист-испытатель; П. ШАБУНИН — машинист-испытатель; М. ПЕРШИН — слесарь сборочного цеха; С. ЕРОШИН — главный технолог завода; М. ТАШКИНОВА — зам. главного конструктора завода.



— На перегоне покрутишь баранку — за километр потеряешь килограмм веса.



— Чтобы добраться до двигателя, нужно быть резиновым.



— Обзора никакого! При работе обратной лопатой приходится четыре раза в минуту вставать с сиденья и ложиться грудью на баранку.



— Гудок у машины — во! А в работе никуда не годится.

ХУДОЖНИК МСТЯЩЕЙ КИСТИ

Мих. НИКИТИН

«Когда смотришь на этого колосса, все кажется вокруг таким маленьким, ничтожным...»

И. Репин

Могила этого человека — Тихий океан, гроб — броненосец «Петропавловск». 13 апреля 1904 года гигантский броненосец опустился в желтую пучину океана. Человечество успело с того времени пережить две мировые войны, насыщенные столь страшными событиями, что в их свете гибель русского корабля, потрясшая воображение людей 1904 года, кажется уже незначительным эпизодом. Упоминание о «Петропавловске», напоровшемся близ Порт-Артура на японскую мину, можно встретить теперь только в специальных сочинениях. Но коллективная человеческая память бережно хранит имя художника, погибшего на «Петропавловске»; художник Василий Васильевич Верещагин живет для нас почти так же ярко, как он жил для своих современников. Он живет в созданиях своего великого духа, овеществленного в сотнях картин, украшающих многие музеи мира. Горестное раздумье о судьбе человека на войне запечатлено в этих немеркнущих полотнах.

Тема войны проходит через все творчество Верещагина. Он жил в эпоху молодого еще империализма, кровопролитные столкновения народов то и дело сотрясали континенты мира. Уже в те времена человечество ненавидело войну, и так как в деятельности нашего художника эта ненависть нашла ярчайшее и полнейшее выражение, то имя его быстро обросло всесветной славой. Ни один живописец прошлого века не обладал популярностью, равной популярности нашего соотечественника, потому что человечество не знало еще такого художника, который сражался бы с войною столь же последовательно и неукротимо, как сражался с нею Верещагин. Полями бескровных этих сражений были его неоднократные выставки в Лондоне и Париже, в Вене и Берлине, в Будапеште и Петербурге, в Москве, в Нью-Йорке и во многих других городах Европы и Америки. Миллионы посетителей перебывали на верещагинских выставках: замечательный художник был для всех интересен, и у картин его рядом с принцем Уэльсским можно было увидеть лондонских ремесленников, рядом с прусским генералом — берлинских извозчиков, рядом с венским архиепископом — австрийских крестьян.

Не следует искать здесь преувеличения, свойственного жизнеописателям великих людей: в свое время широко распубликован был случай совершенно необыкновенного паломничества в Вену полуграмотных австрийских крестьян, привлеченных выставкой русского художника, о котором в газетах то с явным сочувствием, то с гневным осуждением сообщалось, что он пишет такие военные картины, какие до него еще никто не писал.

Это было правдой. Баталисты до него изображали войну в виде великолепного и радующего глаз героического зрелища. В центре картины баталист почти всегда помещал либо прославленного полководца, гарцующего с фельдмаршальским жезлом в руке, либо венценосную особу с блистательной свитой, заслонявшей статистов второго плана, то есть парадно выровненные ряды солдат. Искусственная условность такой композиции неизбежно вела за собою фальшь и резкое искажение подлинной сути войны. Верещагин решительно отказался от прославления триумфальных полководцев и торжествующих королей. Человек того поколения, которое было воспитано Чернышевским, Добролюбовым и Стасовым, он утверждал, что на войне «на каждый час славы приходится двадцать, тридцать, сорок и, пожалуй, гораздо больше часов страдания и мучений всякого рода». Решающее значение для него имел не показной «час славы» полководца, а то, чего не было у прежних баталистов, — реальные страдания обыкновенного человека на войне. С поразительным бесстрашием он зарисовывал поля сражений и с не менее поразительным лаконизмом показывал тяжкую службу патрулей на Балканах, гибель часовых на леденящем ветру Шипки, медленное умирание пленных турок на заснеженных дорогах Болгарии и многие другие сцены, раскрывавшие мрачную изнанку войны.

Посетители выставок благодарно откликались на мужественную правду художника, в чьем творчестве высота замыслов счастливо сочеталась с высотою исполнения.

Не следует думать, что пацифизм Верещагина отличался неразборчивостью: он осуждал кровавое завоевание, но признавал необходимость войны, направленной на освобождение народа (Болгарии в 1876—1878 гг.), а также войны, вызванной необходимостью защиты от иноземного захватчика (России от Наполеона в 1812 г.). Широко известная серия верещагинских картин, посвященных 1812 году, замечательна именно тем, что художник возвеличивает скромное мужество неизвестного солдата родины — русского простого человека.

Была в творчестве Верещагина еще одна особенность, укреплявшая эмоциональное воздействие художника: в огромные свои эпопеи — Туркестанскую, Индийскую, Балканскую, — в эпопеи, каждая из которых включала сотни превосходных полотен, Верещагин вводил целые циклы картин, последовательно разрабатывающих один и тот же сюжет, взятый в неумолимой постепенности своего драматического развития. Новым, небывалым еще в батальной живописи приемом, позволявшим создавать эпически-наглядные рассказы о судьбе одних и тех же героев, движущихся во времени и пространстве, художник необычайно усиливал свою власть над зрителем. Газеты верещагинских времен могут дать некоторое представление о том, насколько далеко простиралась эта власть. Современники видели в нашем соотечественнике не только реформатора батальной живописи, но и «художника мстящей кисти», «апостола человечности», «Тацита нового времени», «истинного историка века», «гениальнейшего представителя реализма», — все эти определения и еще многие другие можно найти в сотнях сотен статей, написанных о Верещагине на разных языках мира.

«Верещагина можно поставить в один ряд с Л. Толстым и Ф. Достоевским», — говорили о нем французы.

«Его картины действуют, как огненная проповедь против тех, кто разнуздывает все военные ужасы», — утверждали австрийцы.

«Одно ясно в верещагинских картинах: с современной войны сорван последний поэтический лживый покров», — вторили немцы.

Среди столь лестных отзывов раздавались, конечно, отзывы прямо противоположного свойства: немало было продажных писак, хуливших Верещагина в угоду императорам, королям, генералам, фабрикантам оружия и всем прочим «деятелям», от которых зависело «разнуздывание военных ужасов». Цари Александр II и Александр III злобно именовали Верещагина нигилистом. Кайзер Вильгельм II находил, что «каждая картина этого художника вопит против войны». Мольтке — глава прусских милитаристов — специальным приказом по армии запретил немецким солдатам и офицерам посещение берлинской выставки Верещагина. Следует заметить, что перед этим он сам посетил выставку, и французский художественный критик Жюль Кларети выразительно описал столкновение германского фельдмаршала с русским художником. Вот небольшой отрывок из этого описания:

«Верещагин сопровождал фельдмаршала по всей своей выставке. Как солдат, г. Мольтке казался глубоко заинтересованным этими трагическими сценами... Но Верещагин решил показать полководцу полотно, которое для него, философа палитры, было выражением вкратце его взгляда на войну, убийства и завоевания.

Он привел г. Мольтке к картине, изображающей пирамиду черепов («Апофеоз войны»).

— Картина, безусловно, верная, ваше превосходительство!

Мольтке смотрел.

— Русская надпись, — прибавил спокойно Верещагин, — значит: «Посвящается всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим».

В глазах маленького старика показалось некоторое смущение — Мольтке ничего не ответил. Он стоял, с лицом японской маски, поднятым по направлению серо-ватых черепов. Между тем Верещагин своим отрывистым, чистым и упрямым голосом... старался вдолбить каждое слово, как мстящую иронию, в уши солдата Садовы и Седана:

— Всем великим завоевателям, прошедшим... настоящим... и будущим! Всем завоевателям...»

...Мастерскую свою, где ему нередко доводилось работать по шестнадцати часов в сутки, Верещагин покидал только ради путешествий или же тогда, когда в каком-нибудь уголке мира заводили свой «голодный рев» смертоносные пушки войны. Он участвовал в русских походах в Среднюю Азию, пробивался с небольшим казачьим отрядом из почти безнадежного окружения на границе Китая, ходил с русскими моряками взрывать турецкий монитор на Дунае, перешагивал недоступные по зимнему времени Балканы, сидел с солдатами в обледенелых траншеях Шипки, видел кровавые пепелища опустошенной турецкими башибузуками Болгарии...

Он был также свидетелем и художником испано-американской войны и участником и жертвой войны русско-японской.

В скитаниях своих по свету он не боялся никаких трудностей, и потому ему довелось увидеть высочайшие вершины Гималаев, джунгли и поля Индии, раскаленные пески Египта, оазисы Палестины и Сирии, шумные города Америки и прелестные храмы Японии.

Драматична была смерть этого человека, но не менее драматична была и жизнь его, отданная войне с войной. Он недаром назывался апостолом человечности: несправедливость общественного устройства, основанного на угнетении человека человеком, была им замечена и осуждена.

«...Существует глубокая бездна между прежними криками о хлебе и резко формулированными требованиями нашего времени», — писал он, а вслед за тем, оценивая обострившийся к его времени классовый антагонизм, мрачно предсказывал: «...Благоденствующие классы... все будут надеяться, что паллиативные меры достаточны для улучшения положения, а нищие и бедняки, — прежде готовые на соглашение, — скоро не захотят принять предложенного им подаяния...»

Будучи далек от социалистического учения, он все же понимал, какой великолепной питательной средой для ненавистного ему милитаризма является общество, в котором господствуют «благоденствующие классы». Сочувствие его было не на стороне «благоденствующих». Еще отчетливей проявилось сочувствие художника к угнетенным и колониальным народам. Совершенно сознательно он не только в качестве баталиста, но и в качестве солдата принял в 1877 году участие в войне за освобождение болгар от турецкого ига. Столь же сознательно осуществлено было им двухлетнее путешествие в Индию, предпринятое с целью создания живописной «Индийской поэмы», в которой он, по собственному его выражению, намеревался рассказать миру «историю заграбастания Индии англичанами». Художник надеялся, что эта история «проберет даже и английскую шкуру». Но, как мы сейчас увидим, надежда оказалась

тщетной. Вот маленькая сценка, относящаяся к лондонской выставке Верещагина.

Выставочные залы переполнены настолько, что потрескивают балки перекрытий. Наибольшее внимание зрителей привлекает картина, изображающая расстрел индийцев из пушек.

— Изумительно! Изумительно! — говорят художнику элегантные джентльмены.— Вы привезли из Азии ослепительный мир света и красок! Вы великий художник, мистер Верещагин! Но для чего понадобилась вам эта дешевая сенсация, это небывалое взрывание с помощью пушек?

Верещагин не успел ответить: рука об руку с высокой и нарядной дамой перед ним предстал маленький, чистенький, хорошенький старичок.

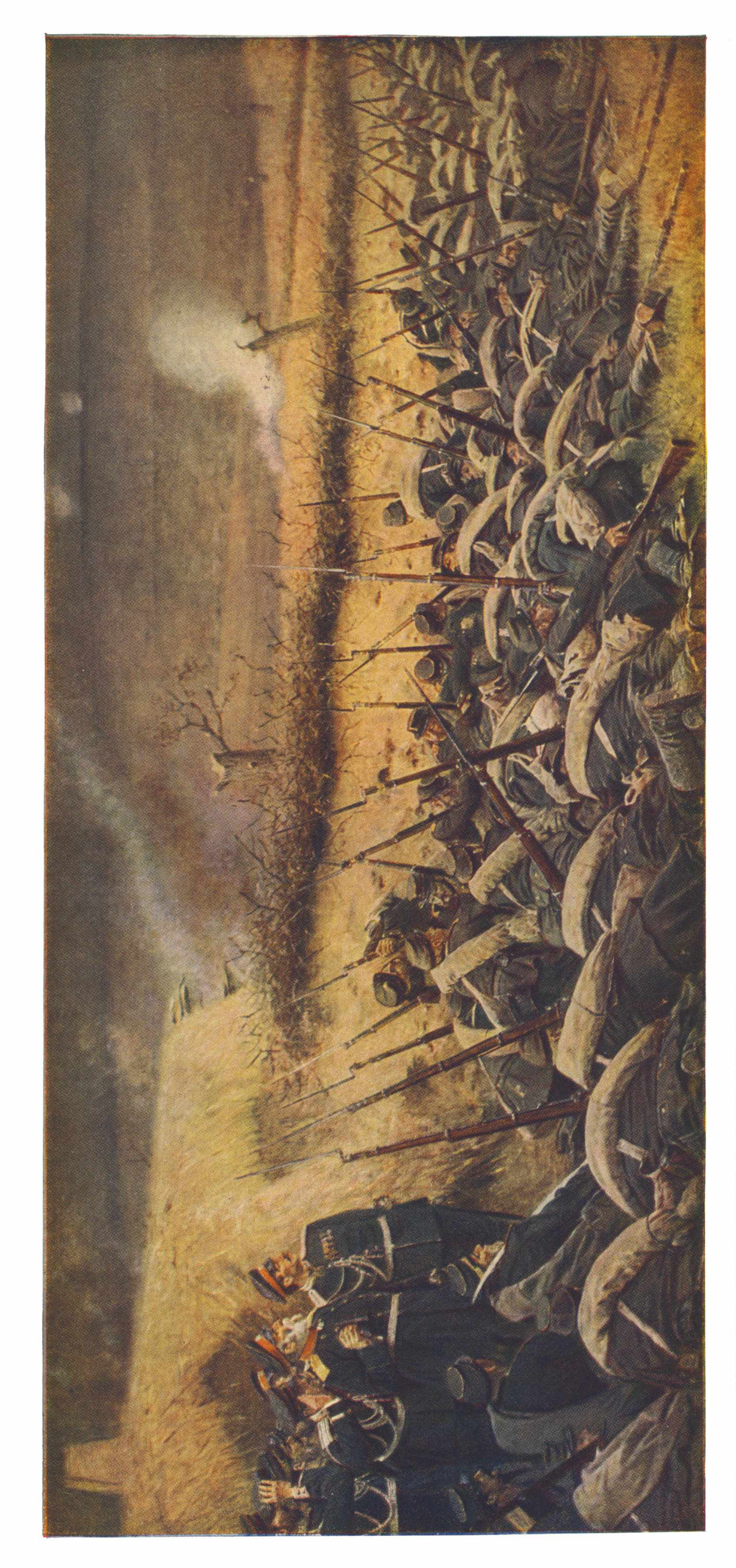
— Сэр! — возопил он.— Вы должны знать... во время восстания сипаев я первый применил пушечную экзекуцию. Я горжусь этим, сэр, потому что пушечными экзекуциями нам удалось устрашить азиатов. Вы были на Востоке, и вы знаете: там больше всего ценится загробная жизнь. Но в загробную жизнь надо входить в приличном виде, а когда человека привязывают к пушке и производят выстрел, то приличный вид — поверьте слову джентльмена — уже невозможен. Вы увековечили мой подвиг, и я благодарен вам, сэр!..

...Краткое слово о Верещагине следует, думается нам, закончить так.

Когда свыше полувека назад желтая пучина поглотила «Петропавловск», огромный гриб дыма и пламени внезапно вырос над морем. Он недолго продержался в воздухе и распался на клочья. Затем ветер разогнал эти клочья, и над сомкнувшейся поверхностью моря ничего уже не осталось, кроме равнодушно-мерного и вечного плескания волн. Но «равнодушной природе» не дана власть управлять плесканием других волн, вызываемых в океане человеческого сочувствия деянием героического человека. Неудивительным поэтому представляется нам то обстоятельство, что на недавнем съезде советских художников имя В. В. Верещагина прозвучало и в речи Д. Т. Шепилова и в речи С. Г. Коненкова. Старейший русский скульптор убедительно говорил о том, почему советским мастерам кисти дорог пример целенаправленной и чистой жизни очень и очень большого художника, умершего полвека назад.

Но Верещагин дорог не только советским художникам, он дорог миллионам советских людей и многим-многим миллионам людей за рубежом. В бесчисленные ряды борцов за мир непременно надо поставить русского художника В. В. Верещагина, еще в прошлом веке доблестно сражавшегося с войной. Это можно осуществить путем устройства наиболее полной выставки его картин, хранящихся в советских галереях. Как и во времена Верещагина, картины его должны побывать в крупнейших городах нашей страны, а затем посетить Варшаву, Берлин, Прагу, Бухарест, Будапешт и другие столицы зарубежных стран. Выставка Верещагина послужит не только утверждению нетленной славы русского искусства, но и поспособствует борьбе за мир.

«Огонек».



В. В. Верещагин (1842—1904). ПЕРЕД АТАКОЙ. ПОД ПЛЕВНОЙ. 1877—1878.

Государственная Третьяковская галерея.



В. В. Верещагин. «НЕ ЗАМАЙ! ДАЙ ПОДОЙТИ!». 1889—1895. Государственный Исторический музей.

В. В. Верещагин. «НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ. ОТСТУПЛЕНИЕ, БЕГСТВО...». 1889—1895. Государственный Исторический музей.



В. В. Верещагин. ВСАДНИК-ВОИН В ДЖАЙПУРЕ. 1874—1876. Государственная Третьяковская галерея.

Только одна удача

Рассказ

Наталья ДАВЫДОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Когда хорошенькая девушка сообщает, что собирается стать актрисой, это никого не удивляет. Даже если она явно бездарна, считается, что ей найдется место на сцене или в кино. Но когда обыкновенная девушка, скорее некрасивая, чем хорошенькая, говорит о своем желании стать актрисой, это вызывает недоумение.

Марине Кондратьевой говорили:

— Какая из тебя актриса? Что ты будешь делать? Изображать толпу? Шум за сценой?

В таких случаях люди почему-то разговаривают грубее, чем обычно, и бывают беспощадны.

Не было никого, кроме старой подруги Гальки, кто одобрял бы решение Марины. Поэтому только с Галькой она могла разговаривать на эту тему.

— Поверь мне,— говорила Марина Гальке, поступавшей на геологический факультет,— поверь мне, Галька, что я могу быть актрисой. Я чувствую! Но неужели ты тоже считаешь, что у меня неподходящая внешность? Какое значение имеет внешность? Я же не уродина.

Галька подтверждала, что Марина не уродина. Галька была верным другом, а глаза друзей добрые. Галька находила подругу красивой, и ее не смущал толстый нос, и маленький рост Марины, и то, что Марина не умеет декламировать стихи. Галька утверждала, что этого никто не умеет и вообще стихи следует читать не вслух, а про себя.

Марине устроили встречу с известным кинорежиссером. Режиссер обещал сказать прямо, получится из Марины актриса или нет. Считалось, что он может определить это без труда.

— Я знаю,— твердила Марина,— что я ему не понравлюсь. У меня есть предчувствие.

— Ерунда,— возражала Галька,— все предчувствия — ерунда. Что ты будешь ему показывать?

У Марины был подготовлен отрывок из «Войны и мира», танец Наташи у дядюшки.

— Режиссеры любят монологи,— напутствовала ее Галька,— и, кроме того, они любят смелость. Не дерзость, но смелость!

Режиссер оказался невысоким седым человеком в куртке, на которой было не меньше десяти молний. Шелковая сетка, какие бывают у велосипедистов, стягивала его волосы. Он принял Марину внимательно и сердечно. Разговор продолжался часа полтора. Марина несколько раз прочитала свой отрывок, режиссер поправлял ее, объяснял, показывал сам.

Марине показалось, что режиссер хочет предложить ей сниматься у него в картине. И Марина ободряюще улыбнулась режиссеру. Но предложения сниматься не последовало.

«Очевидно, он боится отвлечь меня от экзаменов»,— решила Марина. И она продолжала улыбаться.

На прощание режиссер пожелал ей успеха.

Жена режиссера, провожая Марину, тоже пожелала ей успеха. Жена режиссера даже обняла Марину, а потом погрозила ей пальцем и сказала:

— Все хотят быть актрисами.

— ...Ну, как? — Галька ждала Марину у ворот.

— Не знаю, ничего не знаю,— шепотом ответила Марина.— Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что я ему понравилась.— Марина подняла голову и благоговейно посмотрела на ярко освещенные окна квартиры режиссера. Прохожие оглядывались на двух девочек, из которых одна, громоздкая и нескладная, кивала головой, а маленькая, встрепанная что-то рассказывала с молитвенным выражением лица.— ...И мне почему-то показалось, что он хочет предложить мне роль в своей картине...

Галька кивнула:

— Зря не покажется.

Она не видела в этом ничего невозможного. Марина и Галька верили в чудеса.

На следующий день через жену режиссера стало известно, что режиссер категорически не советует Марине идти на актерский факультет, он не находит в ней решительно никаких способностей и не видит в ней никаких признаков будущей актрисы.

Сначала Марина не поняла. Ей повторили, добавив:

— Этому человеку можно верить.

— Можно,— ответила Марина,— но я не верю!

Так начались неудачи и огорчения Марины.

Театральная студия при одном из крупнейших московских театров объявила набор студентов в Ленинграде. До основного экзамена в студию полагалось пройти два предварительных просмотра, или, как их называют, тура.

Марина успешно миновала первый и второй просмотр и была допущена к экзамену перед государственной комиссией.

Галька отложила учебники по физике и пошла с Мариной на экзамен.

Человек тридцать топтались в приемной в ожидании начала. Марина стала искать глазами красавиц. Красавиц оказалось очень много и среди них несколько выдающихся. Одна — русалка, как определила Марина, очень опасная, с туманными зелеными глазами и мраморным лицом. Другая смуглая, с длинными косами, тоненькая.

— Сейчас сломается,— презрительно сказала плотная Галька.

Была еще маленькая, хорошенькая, кудрявая, ростом с девочку-шестиклассницу, бесспорная кандидатка на роли «травести».

Несколько девиц модного вида в модных платьях стояли с надменными лицами. Все высокие. Марине явно не хватало нескольких сантиметров роста. Для героини, как известно, существует железный закон роста и красоты. Вон русалка — та героиня! Достаточно на нее посмотреть. Марина не смотрела.

Марина с Галькой стояли у стены. К ним подошел белобрысый юноша в растоптанных парусиновых туфлях и побелевшей голубой рубашке. Одну ногу он нарочно приволакивал. Лицо у него было добродушное и как будто заспанное, глаза сощурены. Галька сразу засмеялась, посмотрев на него.

— Там, на экзамене,— сказал юноша, в котором Марина угадала будущего Хлестакова,— мы должны помогать друг другу.

— Что это значит? — спросила Галька.

— Это значит,— вежливо ответил Хлестаков,— что нас вызывают по пять человек. Один мучается перед комиссией, остальные сидят за столом и ждут своей очереди. И те, которые сидят, должны выражать на лицах восторг, изумление, одобрение. Вот так.— Он закатил глаза и сладко улыбнулся.

— Понятно?

— Понятно, — ответила Марина.— Но поможет ли это?

— Неважно. Товарищеская поддержка необходима актеру.

— Ты Хлестаков? — спросила Марина.

— Натурально,— ответил Хлестаков,— я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский...

— Тебя примут,— сказала Марина,— можешь даже не беспокоиться.

— Есть обстоятельства,— доверительно сообщил Хлестаков.— Мне нет восемнадцати лет.

— Это неважно,— сказала Марина,— ты живой Хлестаков. А на что я надеюсь, неизвестно.

— По-моему, тебя тоже примут. Я уверен,— успокоил Марину Хлестаков, добрый, как всякий истинно талантливый человек.— Не надо нервничать!

— Немедленно перестань улыбаться, Марина! — прошептала Галька.— Это ужас! Ты все время улыбаешься, как будто ты ненормальная.

Но Марина не могла перестать улыбаться. Маленькая, к тому же в туфлях без каблуков, съежившаяся от волнения, самая незаметная, она ходила из угла в угол, улыбалась и что-то шептала себе под нос.

Назвали ее фамилию. Дальше все произошло очень быстро. Марина исполнила перед комиссией, которую она неясно разглядела, все, что ее попросили, и опять очутилась в приемной, и опять около нее стояли Галя, и Хлестаков, и девочка на роли «травести».

— Ну как? — спросила Галька.

— Никак,— с тупой улыбкой сказала Марина.

— Толстый лысый кивал головой? — спросила «травести».

— Кажется, кивал,— сказала Марина.

— Прекрасный признак! — воскликнул Хлестаков и, заложив руки в карманы брюк, на пятках прошелся по комнате.

— Вас спрашивали, нуждаетесь ли вы в общежитии? — спросил кто-то.

— Спрашивали,— ответила Марина.

— Тоже неплохой признак,— сказал Марине самоуверенный красивый мальчик на роли обольстительных негодяев.

Марина слышала, как он читал отрывок из «Тихого Дона». Комиссии он понравился.

— Тебя примут,— сказала ему Марина.

— Не факт,— ответил мальчик, уверенный в успехе.

Через два часа объявили результаты экзамена. Хлестакова приняли, «травести», русалку приняли, мальчика, читавшего из «Тихого Дона», приняли.

Марину не приняли.

Марина устроилась на работу в областной гастрольный театр, правда, без зарплаты.

— Мне повезло,— рассказывала Марина дома,— главный ре-

жиссер сказал, что, может быть, мне дадут роль. Деньги я тоже буду получать. В поездках. А поездки бывают довольно часто. Почти все время.

Что могли сделать отец и мать? До какого возраста действуют родительские запрещения, кто это знает? А уговоры?

Скоро Марина начала участвовать в репетициях. Ей дали роль молодой колхозницы, которая произносит в пьесе несколько фраз. В двух актах ей надлежало с бодрым смехом пробежаться по сцене, сказав предварительно, что ей хочется влюбиться.

Марине никто не объяснил, как и что надо делать. Но ей доставляло наслаждение двигаться по настоящей сцене, быть одетой в непомерно большое, пахнущее клеем платье, садиться на шаткую бутафорскую скамью и рвать в задумчивости тряпочные цветы.

Дома, запершись в ванной, Марина кричала:

— Что за любовь такая? Объясните мне, пожалуйста. Как бы я хотела полюбить кого-нибудь! Полюбила бы я на всю жизнь такого человека...

Мать пожимала плечами: странный громкий металлический голос обнаружился у дочери. Отец смущенно улыбался за очками и говорил:

— Уж если она не стесняется так орать, значит, в ней что-то есть.

В театре Марину хвалили. Режиссер дал ей еще одну роль, побольше.

Так неожиданно началась актерская жизнь Марины.

Почему взял ее в труппу старый режиссер гастрольного театра? Этого он, наверно, и сам не знал. Может быть, пожалел, а может быть, была нужна молодая актриса на выходные роли. А может быть, поверил в ее будущее, рассмотрел в ней что-то, прочитал в глазах, в срывающемся голосе, уловил в резких и еще совсем не женских движениях. Вдруг на мгновение подумал, что гадкий утенок может стать лебедем. А может быть, вспомнил, что сам был молодым и тоже стучался в закрытые двери и молил судьбу послать одну, только одну удачу!

Весной Марина принесла домой новую афишку с объявлением набора в студию одного из московских театров.

Все повторялось. Как и в прошлом году, молодых людей, желающих посвятить свою жизнь театру, оказалось очень много. Опять были хорошенькие девушки, мальчики нервно расхаживали по приемной и бормотали стихи. Только не было Хлестакова, и Галя была далеко, на практике.

К Марине подошел мальчик и, заикаясь, сказал:

— З-здравствуйте, я в-вас помню п-по прошлому году. М-меня опп-пять не п-п-приняли.

Марина диковато посмотрела на него и ничего не сказала.

— Дд-дефект речи,— пояснил мальчик, как будто еще нужны были пояснения.— Не пп-принимают, гады.

Марина даже не улыбнулась: она понимала мальчика. Он был снедаем тою же неистребимой страстью, которая привела сюда и ее.

Молодой преподаватель внимательно слушал всех этих одержимых мальчиков и девочек. Он попросил Марину остаться.

— Я вас покажу кой-кому,— сказал он.

«Кое-кто» оказался толстым седым мужчиной, который сидел в одной из дальних комнат в глубоком кресле и, отдуваясь, пил боржом.

— Прекрасно! — сказал толстяк, выслушав шепот наклонившегося к его уху преподавателя, и допил залпом стакан боржома.— Читайте басню.

Марина прочитала коротенькую басню «Мышь и Крыса».

«Сильнее кошки зверя нет!» — этими словами кончалась басня, и Марина произнесла их с печальной убежденностью.

Отворилась дверь, в комнату вошла немолодая женщина и актер, которого Марина знала по кино. Они уселись в кресла в разных углах комнаты. Марину попросили прочитать еще что-нибудь.

Марина сказала негромко — себе или экзаменаторам? — «Я Наташа Ростова» и исполнила все тот же отрывок из «Войны и мира».

Кажется, на этот раз ей удалось стать Наташей Ростовой, потому что киноактер расплылся в улыбке, женщина задумалась. А толстяк, когда Марина кончила читать, прогудел вопросительно: «Молодец?» — и сам же ответил: «Молодец».

Потом ее попросили спеть. В полном отупении Марина затянула «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». Пела она так плохо, громко и жалобно, что экзаменаторы рассмеялись и попросили пение прекратить. Марина замолчала. Потом сказала:

— Я могу что-нибудь другое спеть. Я могу...

— Не надо,— сказала женщина.

А толстяк пропыхтел:

— Умора!

— Я могу станцевать,— предложила Марина и сделала движение, собираясь танцевать.

Ей крикнули «Хватит!» и попросили выйти из комнаты и подождать за дверьми.

Через несколько минут к ней подошел преподаватель, который привел ее сюда, и сказал:

— Поздравляю вас, вы приняты в студию.

— Я не понимаю...— сказала Марина.

— Приезжайте первого сентября на занятия в Москву. Чего тут не понимать? — засмеялся преподаватель.

— А экзамен?

— Вы его только что сдали.

Марина криво улыбнулась.

— Я вам говорю, что сдали! — прикрикнул преподаватель. — Это была комиссия почти в полном составе. Поете вы, конечно, очень неважно, но начальству вы понравились. Сказали, что вы ни на кого не похожи... До встречи в Москве.

— Это была комиссия? — ахнула Марина, но ей никто не ответил. Она стояла одна в коридоре.

Началась самостоятельная студенческая жизнь. Началась неудачно.

Руководитель курса Ариадна Васильевна Горова, знакомясь с новыми учениками, попросила каждого что-нибудь прочитать.

Горова была высокая подвижная черноволосая женщина с черными трагическими и одновременно веселыми глазами, глухим сильным голосом и стремительными движениями. Известная актриса.

От смущения перед Горовой Марина читала плохо и чувствовала это, но ничего не могла сделать: ей хотелось только скорее окончить чтение.

Не надо было смотреть Горовой в лицо. Тогда Марина не увидела бы сжатых губ и недоуменной улыбки. Горова достала из сумки зеркальце, пригладила брови, постучала ногтями по крышке портсигара. Когда Марина замолчала, спросила:

— Все? — Потом сказала: — Не понимаю...— И наконец добавила: — Удивляюсь.

Эти слова положили начало отношениям, принесшим Марине немало горя.

На первом курсе надо было исполнять этюды. Например, подметать пол. У себя в комнате в общежитии Марина подметала пол прекрасно. Напевала, лезла воображаемой шваброй под воображаемый диван, собирала воображаемый мусор на воображаемый совок, роняла совок и опять начинала подметать.

В студии ничего не выходило. С застывшим лицом и жалкой улыбкой, с напряженными руками, оглядываясь на Горову, Марина торопилась закончить этюд. Впрочем, Горова не мучила Марину долго, а почти сразу останавливала словами, не предвещавшими ничего хорошего: «Хватит, понятно».

Со дня на день Марина ждала, что Горова обратится в деканат с предложением выгнать ее из студии. Но Горова почему-то не шла в деканат, и Марина с грехом пополам перебралась на второй курс.

Марина не знала, что в деканате Горова сказала:

— Очень, очень слабая студентка Кондратьева. Девяносто восемь процентов за то, что она бездарна. Но подождем. Что-то в ней есть! Посмотрим еще.

Два процента она оставила Марине.

У восемнадцатилетней девочки, которая живет одна в большом городе, к тому же в столице, забот много.

Такая девочка, будем откровенны, как правило, не обедает. В редких случаях она обедает в гостях. А то, что она вообще ест, нельзя назвать ни завтраком, ни ужином. Обычно это что-то легкое: кефир, простокваша (нельзя толстеть!) — или дешевое: винегрет, студень.

Известно также, что те, кому наряды нужны больше всего, их как раз не имеют. Пальто одно зимой и летом, ватин к нему пришивают на морозы и отпарывают, когда становится тепло. Туфель две пары, очень неважных. Чертова мода, за ней не угонишься ни в каких туфлях! А чулки? Как рвутся чулки! Из чего их делают, интересно? С каждой стипендии приходится покупать новую пару, но и это не помогает. Есть только один способ: надеть рваный чулок и делать вид, что петля сию минуту спустилась.

В студии некоторые девочки одеваются очень хорошо. Марине тоже очень хотелось одеться, но раз нельзя, придется временно презирать наряды. Когда-нибудь она тоже наденет что-нибудь такое элегантное, и поедет в Ленинград, и поразит Гальку, которая действительно пока что не обращает на наряды никакого внимания.

К третьему курсу определились знаменитости в группе. Подруги Марины снимались в кино. Но ей никто не предлагал сниматься.

Представители кино, приходя в студию, прежде всего замечали Тамару Ланину — безусловную красавицу с копной волос пшеничного цвета,— вслед за нею обращали благосклонное внимание на Ляля Кузнецову, смуглую, с раскосыми глазами, скуластую, тоже очень яркую, и никогда не замечали Марины — скромно одетой девочки с упрямым и грустным выражением больших черных глаз, с широким, портившим ее лицо носом. Никто почему-то не видел, что у Марины нежное округлое лицо, а неумело причесанные волосы редкого пепельного оттенка. И фигура у нее была не хуже, чем у Кузнецовой, только платья плохие.

А как Марина мечтала сняться в кино!

Но приходили быстрые администраторы, уводили Ланину или



Кузнецову, веселых, ловких, хорошеньких. Имена подруг мелькали на афишах, а в жизни Марины все было по-прежнему.

«Только бы одна удача,— мечтала Марина,— пускай мне дадут не главную роль, а небольшую... Лучше, конечно, главную. Никто ничего не будет знать, пока не выйдет картина. Я бы сыграла...»

Марина представляла себе темный зал кинематографа около своего дома в Ленинграде и мать, худенькую, маленькую, еще больше поседевшую за последний год, и отца, медленно протирающего очки носовым платком. «Только одна удача...»

На третьем курсе Марина готовила роль Коринкиной. По требованию Горовой Марина изображала Коринкину злой ведьмой. Марина была не согласна с такой трактовкой роли, но Горова настаивала. Марина решила все-таки ее обмануть и, набравшись храбрости на экзамене, стала играть

по-своему. Не успела она сказать и двух фраз, как Горова дала занавес, приказала Марине не своевольничать и прекратить безобразие. Марина смешалась, ничего не возразила и стала играть, как хотела Горова. Конечно, получилось плохо.

Как на зло, у Марины еще был парик, который все время сползал, приходилось его поправлять. И накидка из страусовых (или вороньих!) перьев попалась старая, изъеденная молью. Перья дождем сыпались на сцене, стоило Марине шевельнуться. Члены комиссии чихали, зрители чихали, Горова чихала, только Марине удалось не чихнуть ни разу.

Вот и вся доблесть: не чихнула. Дерзкая попытка Марины прорваться на экзамен не удалась. Победила Горова, что и следовало ожидать.

После экзамена к Марине подошел директор студии Агеев, тот самый толстый человек, который пил боржом в Ленинграде и принял Марину в студию.

— Вы расстроены? — спросил он.

— Очень, — прошептала Марина.

— Это же роль не вашего амплуа, голубушка! — произнес он роковые слова.— Вы не должны расстраиваться. Наоборот. Я за вами наблюдаю с первого курса. Вам трудно. Прекрасно! Чем труднее, тем лучше. Я думаю, из вас получится актриса. Я вижу талант!

Марина посмотрела на Агеева. Он утешает ее, жалеет. Лицо Агеева, мягкое, розовое, гладко выбритое и чем-то неуловимо актерское, выражало сочувствие, доверие и, может быть, восхищение, но неизбалованная Марина не могла этого разобрать.

— Да,— сказала Марина,— мне страшно не везет.

— Чепуха! — ответил Агеев и потрепал Марину по плечу.— Повезет. Вы молодец! Вы сегодня растерялись — вот и все.

— Я хотела сыграть по-своему.

— Знаю. Еще сыграете. Придет ваше время. Можете мне верить. Улыбнитесь-ка и подумайте о чем-нибудь веселом! Например, о свидании, которое у вас назначено на вечер.

Марина грустно улыбнулась. У нее на вечер было назначено два свидания. А это, как известно, все равно что ни одного.

Марина очень скучала по Ленинграду, по отцу с матерью и по Гале. Такой подруги у нее больше не было, хотя за четыре года в Москве у нее появилось много друзей.

От Гали приходили непонятные письма. В одном письме она написала, что Марина не должна удивляться, если она выйдет замуж. Но Марина удивилась и побежала звонить в Ленинград, выяснять, в чем дело. Галя ответила уклончиво. А спустя некоторое время написала, что она вообще никогда не выйдет замуж. А еще через месяц прислала телеграмму: «Можешь меня поздравить».

И это произошло с Галькой, которая была почти что мужененавистницей.

Марина ломала голову, что подарить Гальке. Деньги были накоплены на туфли. Марина сделала подметки на старые туфли, а Гальке купила роскошные занавески на окна, что было очень кстати, потому что у Гальки как раз не было занавесок. Окон, правда, у Гальки тоже не было. Если соблюдать точность, у Гальки ничего не было, кроме мужа, молодости, любви и надежд.

Вокруг все выходили замуж. На всякий случай Марина осведомилась у своего приятеля Саши Кириченко, с какого возраста считается старая дева. Узнав, что лет с двадцати пяти, Марина успокоилась.

Саша Кириченко, воспользовавшись ее интересом к этому вопросу, предложил ей выйти за него замуж.

— Выходи, не пожалеешь.

Собственно, он говорил это Марине каждый раз, когда ее видел.

— А что,— так же шутя ответила Марина, взбудораженная Галькиной свадьбой,—возьму и выйду!

— Я буду очень счастлив,— медленно сказал Саша, и Марина тут же поняла неуместность своей шутки.

— Я же шучу,— поспешила она сказать.

— А я не шучу,— сказал Саша,— я совсем не шучу. Потому что я люблю тебя.

Они шли по Садовому кольцу после позднего вечернего сеанса в кино. Саша остановился, приблизил свое широкое румяное и очень доброе лицо к Марининому. Он был такого же роста, как Марина, хотя уверял, что гораздо выше. Он был широкоплечий, плотный, квадратный. Веселый и остряк, любимец студии. Его считали законченным комическим актером. Для кино он не годился, а столичные театры его уже сейчас приглашали. Он был действительно очень талантлив.

«Он самый лучший человек у нас на курсе,— думала Марина.— И все-таки я его не полюбила».

— Вот такие дела,— сказал Саша дрогнувшим голосом.

— Не будем об этом говорить, не надо,— попросила Марина.

— Я и сам знаю, что не надо,— сказал Саша.

Они пошли дальше. Марина чувствовала себя виноватой. Она давно понимала, что Саша влюблен в нее, любит ее. Она не кокетничала с ним — нет, нет,— но





эгоистически пользовалась его снисходительностью, чтобы говорить о театре. Как все одержимые люди, Марина должна была бесконечно много говорить на излюбленную тему. Никто не мог этого вынести. Только Галя. Но Галя была далеко. И Саша. Он умел слушать. А Марине надо было говорить о своей профессии во что бы то ни стало.

Для этого она выбирала самый длинный путь из кино домой — по Садовому кольцу.

— Бесприданницу я бы играла не так...— с расстановкой произносила Марина.

— А как? — немедленно откликался Саша, знавший точно, что ему надо говорить.

Или:

— «Живой труп» у нас ставят неправильно...— сообщала Марина и умолкала. У нее были идеи. Много разных идей.

— То есть? — откликался Саша.

Марина длинно объясняла.

Так они разговаривали очень часто.

А на прощание Саша говорил:

— Выходи за меня замуж.

— Я подумаю,— отвечала Марина, и они прощались у входа в общежитие весело и просто, как хорошие товарищи. Марина бежала к себе в комнату и тут же забывала о Саше, а он возвращался домой через весь город и не забывал о Марине ни на минуту.

И вот теперь он сказал ей, что любит ее.

— ...Я и сам знаю, что не надо,— повторил Саша.— Ты меня прости. Сорвалось. Забудем. Пусть все будет по-старому. Теперь ты знаешь. Это даже лучше.

— Мне очень жаль,— сказала Марина,— что так получилось.

— Не жалей. Ничего,— усмехнулся Саша,— бывает... Ты мне что-то хотела рассказать...

— Я расскажу, — неуверенно сказала Марина, глядя в круглые рыжеватые глаза своего друга.

— Давай рассказывай,— сказал Саша,— и, пожалуйста, не смотри на меня так. Я не умер.

— А нечего рассказывать! — вдруг с отчаянием вырвалось у Марины.— Все брошу! Не получается из меня ничего. Надо бросать!

— Не валяй дурака, Марина! — оборвал ее Саша и поморщился.— Я в тебя верю. Ты талантлива, понимаешь?



— Ты веришь? — улыбнулась Марина.— Спасибо тебе за это. Больше никто.

— Это не так мало! — закричал Саша.

Марина начала готовить роль к выпускному спектаклю, дав себе слово, что на этот раз она сыграет в полную силу.

Ей опять дали роль старухи. Еще какой старухи! Мурзавецкая. «Что ты расселся? Не видишь! Встань!»

Поплакав, Марина решила: «Ладно, я вам сыграю. Ладно. Судьба — индейка! Я сыграю».

Но перед каждой репетицией Марина рыдала. Шестьдесят пять лет, костыль. Это была пытка. И сил не было это играть. Иногда казалось, что все равно, она может играть и старух и даже стариков — все, все равно! Скучно, неинтересно, противно...

А сколько есть ролей женщин молодых, нежных, страдающих! Какое счастье такая роль! Уж она бы не носилась, как Тома Ланина, не кричала бы, не ломала бы руки. Она бы играла иначе. Иначе, иначе, совсем иначе! Впрочем, Марина считала Ланину способной и Кузнецову тоже, а Вадимом Ганшиным она восхищалась. Марина вообще всегда всех хвалила.

Марина знала, что никто не считает ее талантливой. Ей все говорили одно: «Не выйдет». Только Саша и, может быть, Агеев верили в нее.

Случайно Марина слышала слова Горовой: «Эта Кондратьева — ходячее недоразумение».

«Какой ужас! — с иронией подумала Марина, даже не обидевшись на Горову; за четыре года у нее закалились нервы, появилась выдержка.— Но почему ходячее?»

Вместе с выдержкой и спокойствием развились и другие качества. Марина стала замкнутой. Она не так легко смеялась, как смеются в ее возрасте. Сказывалась суровая школа Горовой. Зато она уже не плакала втихомолку, когда Горова ей говорила:

— С вашими данными вы не можете играть героинь. Это не в ваших возможностях.

А Саша говорил Марине:

— Ты будь благодарна Горовой. Считай, что тебе повезло. Для талантливого человека трудности, как дрожжи для теста. Он на них поднимается. Ты будешь играть героинь!

На последнем курсе Марина оставалась все такой же стеснительной, неловкой девочкой, которая таращила глаза на весь мир, верила в себя, мечтала об удаче и всегда была готова поделиться с подругой последними тремя рублями и пойти на край света в кино.

Но, пожалуй, мрачноватые, огорченные глаза стали заметнее на лице Марины, потерявшем румянец. А на общем фоне стриженых голов в студии выделялась ее старомодная голова с пепельными волосами, собранными в пучок.

Когда она приехала на зимние каникулы в Ленинград, мать — потому что это была мать — посмотрела на нее и сказала:

— Беда, беда, стала взрослая, дочка.

Марина петь и танцевать не умела. Смешно показывать своих знакомых она тоже не умела. Она проваливала одну роль за другой, но, как говорится, не останавливалась на достигнутом. Юная неудачница, одержимая и бесталанная... Бесталанная?



Что же все-таки видел в ней старый, опытный актер Агеев? Что нашел старый режиссер гастрольного театра? Почему решительная и беспощадная Горова довела ее до последнего курса?

Что было в Марине? Ведь что-то же, наверно, было? Не только мужество.

Казалось, отношения с Горовой должны были ожесточить Марину. Горова была к ней несправедлива, она ни разу, ни разу за все четыре года не похвалила Марину. А Марина продолжала восхищаться талантом Горовой и лишь иногда спрашивала себя: «Почему я на нее не сержусь? Это, кажется, ненормально».

Марина улыбалась Горовой открытой улыбкой, в которой была только очень небольшая примесь обиды.

Однажды вечером Марина сидела и читала. Дежурная вызвала ее в коридор к телефону.

Марина не считала, что предчувствия — чепуха. Звонил Саша. То, что он предложил, было заманчиво, страшновато, но, главное, как все, что он делал, реально. Выступление по телевизору в инсценировке рассказа Чехова «Невидимые миру слезы». В этой инсценировке Марина участвовала еще на третьем курсе вместе с Сашей.

Марина согласилась. У нее выработалась привычка без колебаний соглашаться на любую роль, на любое приглашение сыграть, только бы выступить лишний раз. Конечно, телевизор — ответственно и страшно. Но всегда ответственно и всегда страшно. Значит, нужно еще порепетировать и сыграть... Но, господи, кого же она играла в этой сценке! Ведьму-жену, которая лупит вернувшегося навеселе мужа, ругается и шипит, как змея, и тут же выходит к гостям с милой улыбочкой. Ведьму, которая... Ну ведьму так ведьму...

И Марина постаралась, чтобы это была настоящая ведьма. Себя она не пожалела. Саша в первое мгновение даже оторопел, так неузнаваема была Марина, которая орала на него с искаженным лицом.

...Видела ли Горова, как умеет играть ее самая безнадежная ученица? Горова не видела. В этот вечер она сама была занята в спектакле.

Наверно, были телезрители, которые посмеялись, увидев, как злющая женщина средних лет с грубым базарным голосом, в папильотках на голове и в безвкусном халате фальшиво улыбается гостям и мужу, которого только что обзывала язвой и била что есть сил.

Наверно, кто-то посмеялся, и у него стало лучше настроение. Кто-то, может быть, заинтересовался, как фамилия этой актрисы. А какой-нибудь человек покачал головой и печально произнес: «Злая жена — это ужасно».

Но Марина ничего этого не знала, она была отделена от своих зрителей улицами Москвы, стенами домов. Зрители не аплодировали, они были не видны и не слышны.

И никто ничего не сказал Марине, ни одного слова.

Почему, однако, партнеры Марины смотрели на нее так, словно видели ее в первый раз? Почему улыбались, глядя на Марину, работники телестудии? Этого Марина тоже не знала.

Она видела только восхищенный взгляд Саши. Но Саша всегда смотрел на нее восхищенно.

— Д-да-а! — сказал Саша.— Вот это д-да-а!

Вот и все, что сказал Саша.

Так Марина и не узнала, что у нее была самая настоящая удача. И ничего не изменилось в ее жизни. Завтра ей предстояло также страдать и добиваться удачи. И завтра, и послезавтра, и сколько еще, кто знает.

Марина шла со своим другом по Москве с чемоданчиком, где лежал голубой халат с оборками, и в который раз мечтала: «Только бы одна удача!»

Во время ночного дождя

Сайфи КУДАШ

Словно капли душистого меда густого,
Бьют дождинки по вымокшим пологам крыш.
Дождь притихнет немного и примется снова
Потихоньку баюкать полночную тишь.

Сон неслышно и сладко слепляет ресницы
Всем, кто зá день устал от трудов и забот.
Лишь одной Гульзарифе сегодня не спится,
Как тревожной волне среди дремлющих вод.

Но никто на земле догадаться не может,
Отчего так взволнованно сердце стучит,
Чем ее одинокую душу тревожит
Крупный медленный дождик в медовой ночи.

Пахнет летом, смолою, сосной и олифой
Этот новый, колхозом построенный дом
Для старухи-крестьянки — седой Гульзарифы.
— Пусть подольше, — сказали, — живет она в нем!

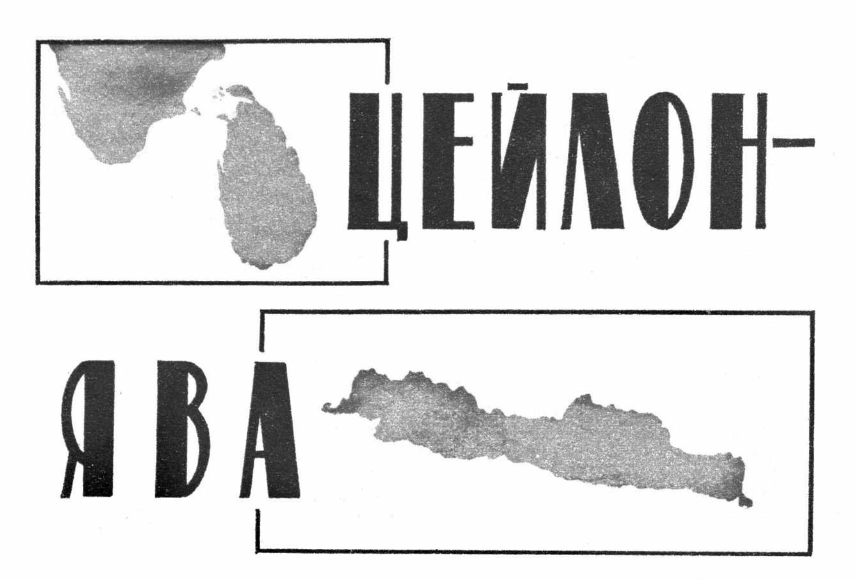
Это первая ночь... Гульзарифе не спится,
Смотрит в память свою, как в оконную тьму.
Новый дом в пять окóн! Он не мог даже сниться
В старину в их бездомном роду никому.

Дождь стучит, будто в праздничном юном веселье
Каблуками по крыше девчата стучат:
Гульзарифа справляет свое новоселье,
Устремив к своей горестной юности взгляд.

Память настежь открыта... И думы, как птицы,
Вновь и вновь пролетают весь жизненный путь...
Будто новому дому спешат поклониться,
Все летят и летят... И мешают уснуть.

Подложивши под щеку шершавую руку,
Гульзарифа лежит: разве мыслимо встать!..
Дремлет воздух, внимая дождя перестуку,
И дождю, словно думам, конца не видать.

Перевела с башкирского **И. СНЕГОВА.**



ЦЕЙЛОН — ЯВА

Изабелла БЛЮМ,
член Всемирного Совета Мира

Несколько дней на Цейлоне

Я не стану описывать Цейлон. Немало других путешественников — притом обладающих более талантливым пером — уже сделали это до меня. Правда, трудно забыть высокие пальмы, приветствующие вас своими опахалами, изумительно красивое море. Только в поэме можно было бы выразить величие этих пальмовых аллей, своды которых влекут вас словно магнит. Такое чувство охватывало меня в великолепных аллеях Ботанического сада в Перадении.

Не стану также описывать гигантские изваяния Будды: они необъятны, огромны; и в то же время удивительная гармония пропорций и кроткое выражение лиц — все это как бы символизирует мир и спокойствие, к которым народы стремятся в течение тысячелетий.

На Цейлоне мне довелось жить в одной местной семье. В доме, где меня приютили, жили три поколения. В этой семье есть и врачи и лица духовного звания. По происхождению они тамилы, принявшие в свое время христианство. Хотя семья принадлежала к национальному меньшинству (тамилов здесь один миллион на восемь миллионов населения), это не мешало ей поддерживать самые близкие отношения с соседями — сингалезами.

Земельные собственники, фермеры, крестьяне на Цейлоне — главным образом сингалезы. Мне удалось побывать на крестьянском съезде, происходившем в 40 километрах от Коломбо. Повезла меня туда председательница союза женщин-крестьянок. Члены этой организации ставят своей задачей помогать развитию кустарных промыслов, ведут просветительную работу среди матерей, помогают правительству во всем, что относится к улучшению жизни населения. Председательницу союза окружал целый «штаб» из молодых женщин, которые организовывали разные курсы для крестьянок.

Когда мы прибыли на митинг, там уже скопилось множество автомашин и автобусов. С большим трудом наша машина прокладывала себе дорогу в пестрой толпе. Здесь были женщины в сари, школьники, выстроившиеся рядами, чтобы приветствовать премьер-министра, девочки с вплетенными в волосы лентами, танцовщицы, головы которых украшали яркие камни. Внешне толпа была совсем непохожа на нашу европейскую, но вела она себя так, как ведет себя народ везде: люди создавали заторы на дорогах, подкреплялись на открытом воздухе едой, пели, танцевали...

Приехал премьер - министр. Шумной овацией встречают собравшиеся молодого главу государства, человека, много сделавшего для независимости страны. Начинается моление, которое возглавляет буддистский священник, сидящий по правую руку от премьер-министра.

Потом мы посетили выставку кустарных изделий. На Цейлоне заботятся об охране традиционных кустарных промыслов. Не отличаясь разнообразием, характерным для кустарных работ Индии, здешние изделия очень изящны, а иногда поражают изумительной тонкостью мастерства.

Возвращаясь к себе, я размышляла о судьбе женщины в этих краях. Новое вторгается в ее жизнь, но делает ли это ее понастоящему свободной?

Хозяйка дома, в котором я остановилась, рассказала мне историю своей девушки-служанки. Она жила в доме уже пять лет и больше не хотела возвращаться к деревенской жизни. Но вот приехала ее мать и сообщила, что присмотрела для дочери мужа из их касты. Тут же мать потребовала у девушки все ее сбережения, чтобы купить приданое и украшения для свадебного наряда. И девушка, повинуясь воле матери, ушла навстречу неизвестной судьбе...

На Цейлоне очень редко допускается, чтобы в брак вступали люди, принадлежащие не к одной и той же касте, точнее говоря, не к одной и той же корпорации. Крестьянин или сын крестьянина, если даже он стал интеллигентом, женится только на дочери крестьянина. В противном случае от них отвернутся семьи.

— Сейчас, правда, такие конфликты улаживаются легче прежнего,— говорит моя хозяйка.— Бывает, что отлучение снимается с ослушников после появления первого ребенка.

С проблемой навязываемых родителями браков по кастовому признаку мне пришлось столкнуться и в университете Канди, в общежитиях которого живут тысячи учащихся и где впервые наряду с юношами получают жилье и девушки-студентки.

— Как же здесь складываются отношения? — спросила я у декана литературного факультета.

— Не могу вам ничего сказать об этом,— ответил он мне.— Век мой приходит к концу. Я не вижу, каким образом можно будет примирить кастовые семейные традиции с тем, что эти молодые люди будут вступать в брак, не считаясь с волей родных и мало тревожась требованиями кастовости.

...Ночью, когда свежий ветерок ласкал верхушки деревьев, я думала о них, об этой студенческой молодежи, людях завтрашнего дня. Я видела, как страстно они обсуждали вопросы международной жизни, как жаждут они сделать свою маленькую страну одним из звеньев в единой прочной цепи мира, которую выковывают народы Азии.

Однажды вечером мы собрались на поляне перед домом моей хозяйки, чтобы накануне моего отъезда провести заседание Комитета мира.

Ярко-желтые одеяния буддистских монахов выступают светлыми пятнами на фоне одеяний собравшихся. Буддистские монахи выполняют здесь большую пропагандистскую работу в защиту мира. У меня просят кинофильмов, литературы. При новом правительстве движение за мир на Цейлоне обретает права гражданства. Об этом свидетельствует тот факт, что местом созыва сессии Всемирного Совета Мира стал Коломбо.

Мягкий бриз освежает. Мы делаем последние записи, обмениваемся последними обещаниями. Я уезжаю с мыслью, что народ Цейлона в ряду других народов Азии будет беззаветно бороться за мирное сосуществование всех стран, за дружбу всех людей на земле.

На Яве

Скоро самолет приземлится в Джакарте. Встретят ли нас на аэродроме? Я предупредила, послала телеграмму. Выходим из самолета — и вот цветы, улыбки, руки, братски протянутые к нам. Это «чудо» стало, впрочем, привычным для нас, посвятивших себя борьбе за мир.

В Индонезии движение сторонников мира пускает все более глубокие корни. Во время последней национальной конференции сторонников мира президент Сукарно устроил большой прием в честь его участников. Позже он обратился к народу с призывом подписать Венское обращение.

Джакарта... Здания государственных учреждений, один — два квартала с красивыми виллами. Есть и отдаленный от центра города район, где живут служащие нефтяной компании «Ройял датч», там же находятся иностранные посольства. Дома здесь очень современной, зачастую интересной архитектуры. Но это лишь небольшая часть Джакарты.

До войны Джакарта насчитывала шестьсот тысяч жителей, сейчас в столице Индонезии живет около трех миллионов. Жилищный вопрос — одна из сложнейших проблем, которые решает правительство. Город окружен наскоро сооруженными из всяких подручных материалов поселками, где ютится пришлое население, явившееся сюда, чтобы найти работу и насущный хлеб. В стране, где еще надо бороться против агентуры американских сил и против самих империалистических колонизаторов, решение жилищного вопроса представляется нелегким. Индонезийская республика должна иметь армию, авиацию, а поскольку страна состоит из множества островов, и флот; все это для защиты своей молодой независимости.

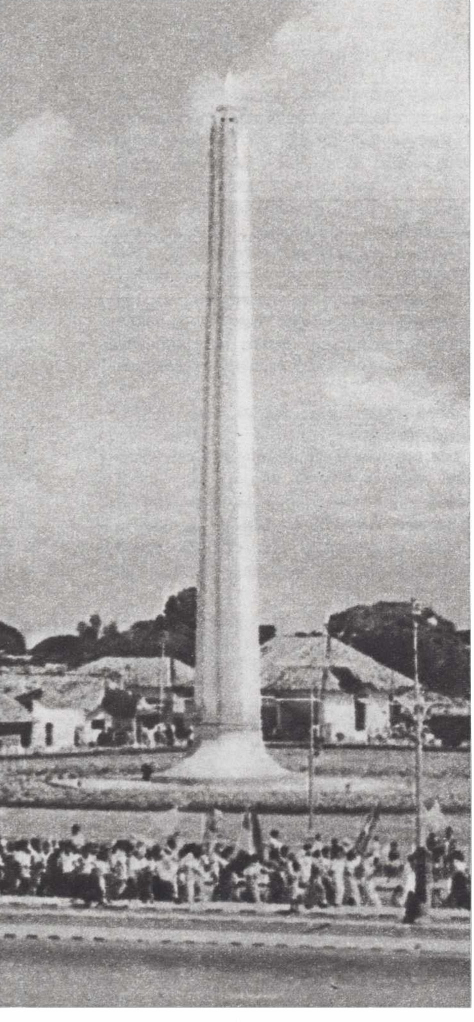
Индонезийцам надо так много сделать для своей страны, что они, конечно, предпочли бы полный мир и покой. Но их не оставляют в покое и внутри страны: их бывшие колониальные владыки хотят сохранить за собой часть индонезийских земель (Западный



Продавщица ананасов (Канди, Цейлон).

Национальный цейлонский танец.





Памятник героям войны за независимость Индонезии.

Ириан). А в нескольких шагах от явских берегов уже строятся иностранные военные базы...

В сегодняшней Индонезии настойчиво решают столь же нелегкую проблему массовой школы. Женские организации оказывают всяческую добровольную помощь в области образования и здравоохранения. В кварталах, где живут простые люди, уже созданы диспансеры, в сельской местности — передвижные медицинские пункты, пропагандирующие основные начала гигиены. Народ Индонезии — живой, деятельный, трудолюбивый. Если его оставят в покое, он быстро справится со всеми трудностями.

Страна, где живет этот народ, прекрасна. Однажды утром я села в Бандунге в поезд, идущий в Сурабаю. Заря только занималась. Небо было какого-то неопределенного цвета, что-то между синим и зеленым, а вдали вырисовывались темные листья и стройные стволы пальм. Достаточно мне закрыть глаза, чтобы снова представить себе эту неповторимую картину, широким фоном которой служила зелень рисовых полей. По дорогам шли крестьяне и крестьянки со специальными валиками на голове, чтобы носить тяжести; другие несли под мышкой, словно букет цветов, рисовые колосья, собранные во время жатвы. Человек двести собирали на поле или окучивали рис. Буйволы дремали по брюхо в воде, они казались сказочными чудовищами в прозрачном, дрожащем от летнего зноя свете.

...О каком-то определенном типе индонезийца говорить невозможно. Индонезиец с Явы отличается от индонезийца с Суматры и от жителя Бали. Одно могу сказать: индонезиец не скуп на разговор. В поезде слышался несмолкаемый говор, смех. Со всех сторон вам предлагают принять участие в дорожной трапезе. Меня поразило, как хорошо простые люди разбираются здесь в политических вопросах. После каждого моего выступления на митингах меня засыпали вопросами, свидетельствовавшими о большой осведомленности в международных событиях. Общим для этих собраний было чувство солидарности со всеми азиатскими странами. Сколько достоинства, сколько сознания того, что они теперь хозяева своей судьбы!

В памяти сохранился один эпизод. Невысокий коренастый человек, бывший командир армии освобождения, ныне член Учредительного собрания и судья в Бандунге, стоял перед неким «белым» человеком с тусклым лицом и белокурыми волосами. «Белый» извивался перед судьей, прося его о частной беседе с тем, чтобы объяснить «философскую сторону» одной безнравственной истории, в которой он был замешан. Из этих двух людей хозяином был индонезиец. Он был выше своего собеседника прежде всего достоинством честного человека, спасшего свою страну, живущего чистой жизнью в семье, со своими детьми. Когда «белый» ушел, судья сказал с усмешкой:

— «Философия»! Просто жизнь, полная сомнительных удовольствий, и ничего больше.

Сурабая... Здесь я почувствовала то, что искала,— душу индонезийского народа. На перроне в вечер моего приезда были учителя, рабочие, студенты — смуглые, живые, ласковые. Сердце мое переполнилось благодарностью.

В порту Сурабаи я познакомилась с рабочим классом. Это моряки и докеры, от которых пошли лозунги о независимости. Это они прославились своими забастовками против колонизаторов. И вот сегодня в их толпе у моря я рассказываю им о борьбе против ядерного оружия, за разоружение, за мир. Они засыпают меня бесконечными вопросами, на которые я пытаюсь ответить. Этот час был одним из самых дорогих во всей моей жизни.

— Я не могу вас проводить дальше этого места,— сказал мне один служащий из управления порта.— Дальше уже не наша территория.

Он показывает на подъемные краны, суда, на пограничные знаки — все это еще является собственностью голландских, английских и других компаний... Таков колониальный империализм: у народов он отнимает их же собственные блага и мешает им ходить по земле отцов.

Через несколько дней мне надо было уезжать из Индонезии, а как мало я еще смогла увидеть! Перед отъездом я посетила выставку молодых скульпторов. Статуи матери, мужчины, защищающего женщину, борца, старика. Корнями своими это искусство уходит в благодатную землю, напоенную кровью и потом, в землю, на которой живет народ, душа которого, несмотря ни на что, осталась такой, какой она была.

Я провела слишком мало часов с простыми людьми Индонезии, с представителями ее интеллигенции. Но я уезжала, убежденная, что будущее Индонезии в хороших руках.

МОНТЕР

Ханиф КАРИМ

Он явился на порог,
В доме яркий свет зажег.
Сердце девичье, как видно,
Тоже Мухаммет зажег.

Сколько света в дом вошло!
В каждом уголке светло.
И горит, пылает сердце
Девушки Бикé светло.

Где теперь ее покой?
Парня ждет она с тоской:
Кто зажег, тому и впору
Потушить огонь такой.

Шел я мимо при луне,
Увидал Бикé в окне.
Говорю: — На вашей свадьбе
Погулять охота мне!

Ну и ловок, ну и скор
Этот Мухаммет, монтер!
Лампочку зажег, а сердце
Девичье горит с тех пор.

Перевела с башкирского
Вера ПОТАПОВА.

Беседуя о коммунизме

«...Если бы при коммунизме нашелся такой человек, который потребовал бы продуктов сверх своих разумных потребностей, то ему в наказание выдали бы двойную порцию!» Эту шутку Фридриха Энгельса В. Карпинский вспоминает в своих «Беседах о коммунизме», в живом, непосредственном разговоре с читателями.



В. А. Карпинский.

В просторной избе колхозного бригадира Фомы Лукича зимними вечерами собирались на огонек колхозники потолковать о колхозных делах, о политике Коммунистической партии, о международных событиях. И как помогает в таких случаях знающий, бывалый человек, который может разъяснить непонятное, поставить новые острые вопросы! Один из многих тысяч — тот небольшой кружок, к которому присоединился В. А. Карпинский, старейший партийный пропагандист, член КПСС с 1898 года, мастер увлекательно и просто говорить о самых сложных вещах.

Благодаря изданию этих бесед стотысячным тиражом круг слушателей, а теперь читателей В. Карпинского неизмеримо вырос. «Беседы о коммунизме» — исключительно полезная и нужная книга — продолжает ленинскую традицию создания для народа книг, рассказывающих о коренных вопросах жизни. Небольшая по объему, дешевая по цене, книга В. Карпинского будет прочитана самым широким нашим читателем.

В четырех частях книги, составленной из двадцати коротких бесед, автор эмоционально, своеобразно, ведет разговор о материально-технической основе коммунизма, о воспитании строителей нового общества, о том, что необходимо для перехода к коммунистическому строю. И как основной вывод звучат слова автора: «За коммунизм надо бороться!».

Пропагандист все время видит перед собой слушателя и читателя, он разговаривает с ним, часто предоставляя ему слово, простому советскому человеку. Глубокое знание наследия марксизма-ленинизма позволяет В. Карпинскому обогатить книгу высказываниями великих учителей пролетариата, не перегружая в то же время ее цитатами.

И, пожалуй, самое ценное качество книги — она наполняет человека твердой верой в то, что коммунизм будет построен на земле. Теми самыми людьми, с которыми беседует в своей книге Вячеслав Алексеевич Карпинский.

В. ВОРОНОВ

В. Карпинский. Беседы о коммунизме. Госполитиздат. Москва. 1957. 127 стр.

Первое в мире

Скупым, точным языком цифр и фактов в этой, только что выпущенной книге дается множество интересных сведений о нашей стране.

Спокойный, объективный тон рассказа пронизан уверенностью в безграничных возможностях роста советского общества, сознанием его неоспоримых преимуществ перед строем капиталистическим. В наглядности и неотразимой убедительности — успех книги. Авторы ее дают не только цифры, диаграммы, таблицы, характеризующие природные условия, экономику, уровень жизни народа, государственное и общественное устройство СССР, успехи советской жизни, но и приводят высказывания зарубежных политических деятелей, цитируют письма советских людей.

Значение книги о Советском Союзе не только в том, что она содержит богатые статистические данные. Книга показывает перспективы



нашего развития, повествует о задачах, которые будут решены в ближайшие годы. По этой книге широкие круги советских и зарубежных читателей могут познакомиться с основными сведениями о первом в мире социалистическом государстве.

В. ГАЛИН

Советский Союз. Госполитиздат. Москва. 1957. 223 стр.

Г. КУЛИКОВСКАЯ



1

Болонка Мика доживала свои последние дни. Когда-то шустрая и резвая, с мягкой, шелковистой, колечками, шерстью, она носилась по аллеям сада на сильных и тонких ногах, и издали казалось, что ветер перекатывает по траве созревшую коробочку хлопка. Теперь же жалкая и изможденная, безучастная ко всему на свете, Мика лежала на подстилке. Даже рыжая пятнистая кошка, один вид которой приводил раньше в неистовую ярость, не вызывала в ней никаких приступов собачьей злости. А когда кошка слишком наглела и фыркала, взъерошившись перед самым носом, Мика поднималась на слабые, дрожащие лапы и ковыляла, словно на костылях, всем своим видом моля только об одном: «Оставьте меня в покое».

Заботливая хозяйка подносила собаке кусочек сахару — любимое Микино лакомство. Раньше она готова была из-за этого сладкого белого квадратика целые три минуты стоять на задних лапах, а сейчас без малейшего сожаления отворачивала морду с невидящими глазами. Глаза ее поразила катаракта.

Мика почти ничего не ела. Раз в день ставили ей в блюдце молоко, и она вяло лакала, не поднимая с пола облысевшее туловище. Ноги не держали животное. Крайняя усталость, точнее, дряхлость, парализовала ее. Увы! Болонка была неизлечима. Против многих болезней есть средства, а здесь были налицо все роковые приметы старости. Мика доживала свой собачий век — ей шел шестнадцатый год,— и тут уж ничего нельзя было поделать...

Сердобольная хозяйка принесла Мику в лечебницу. И тут жалкой болонке безумно повезло. Ею вдруг заинтересовались врачи. Ее поставили, нет, положили на белый стол (стоять она уже не могла) и стали выслушивать, выстукивать и осматривать, как очень тяжело больного. Консилиум во главе с профессором ветеринарной академии Л. А. Фадеевым засвидетельствовал множество болезней: старческую дистрофию, хронический катар желудка и тонких кишок, дегенеративное перерождение мышцы сердца, катаракту обоих глаз, частичное облысение. Когда диагноз точно был установлен, собаку сняли киноаппаратом во всем ее неприглядном виде. Отныне ее поведение фиксировала кинопленка. После этого она поступила в распоряжение доктора медицинских наук С. Н. Брайнеса.

Собачонку поселили в большом каменном доме на окраине Москвы, в не совсем обычном для нее соседстве с огромными шимпанзе и белыми крысами. Правда, Мика, как и подобало ее солидному собачьему возрасту, находилась в привилегированном положении: жила она в отдельном ящике в комнате, а не как другие собаки — в будках на улице, и ей давали... снотворное. И Мика спала не часами, а сутками, неделями, с небольшими перерывами в день...

Оставим на время Мику в ее благостном сне. Пусть она спит... Попробуем тем временем выяснить, для чего был задуман и поставлен семь лет назад этот не совсем обычный эксперимент.

2

Все живое на земле не бессмертно, и, может быть, именно поэтому древние награждали своих любимых героев и богов вечножитием: прекрасную Ариадну, супругу Диониса, юную Гебу, разливающую на пирах нектар... В мифологии эллинов сказалась жгучая мечта человека, страстное его желание продлить свою жизнь. И что только во имя этого человек не готов был свершить! Гете заставляет Фауста, этого ни во что не верующего и разочарованного жреца науки, проглотить «дрянную пачкотню» ведьм, лишь бы лет тридцать с плеч она сняла бы.

Но то легенды и книги, до сих пор не утратившие своего обаяния. А бытие готовит другое. Закон природы жесток и неумолим. Старость не болезнь, а естественный биологический процесс, такой же, как детство, как юность, только обратный в своем течении — ведущий не к расцвету сил, а к их увяданию. Разве мыслимо заставить младенца сразу шагнуть в зрелость? Так и старость нельзя повернуть вспять. Ее не предотвратить, но оттянуть ее рубежи, бороться с преждевременной дряхлостью можно и должно.

Любой врач скажет, что для этого нужен режим, режим и еще раз строжайший режим: в определенное время труд, питание, отдых, прогулки, воздух, покой. Ну, а если одолели недуги и немочь? Как тогда прибавить к 60—70 годам еще лет 30—40?

И ученые во всех странах мира склонялись в своих лабораториях над приборами и микроскопами, препарировали животных, изучали в анатомичках трупы, разрабатывали специальные теории и писали труды о долголетии. Ощупью искали пути. Некоторые вели к заблуждению, другие были более близки к истине, но ни один из них не давал и не дал до сих пор еще прямого и исчерпывающего ответа.

Самое, конечно, надежное — эксперимент.

Великий Мечников считал, что очень полезна для продления жизни людям простокваша с болгарской палочкой, и пил ее до конца дней своих. В Париже Воронов «омолаживал» стариков, пересаживая им железы внутренней секреции от обезьян. А эффект этой операции был подобен елочной хлопушке — краток и бесполезен. Известны попытки сконструировать даже специальные «машины здоровья». В Бухаресте академик К. Пархон применяет комбинированный метод: эндокринные препараты, санаторные условия, новокаин. И это, очевидно, наиболее правильный путь — всестороннее воздействие. Вероятно, так и должно вестись наступление на старость — широким, развернутым фронтом. С этой целью в Москве в Академии медицинских наук решено создать Институт долголетия.

3

Сколько дней может человек прожить без еды? Неделю? Две? Три? Известны в дореволюционной истории случаи, когда заключенные обрекали себя на добровольную голодовку, по полтора месяца отказывались от пищи. Но без сна обойтись гораздо труднее. На десятые, двенадцатые сутки наступает психоз. Даже ко всему привыкшие, выносливые собаки могут прожить до 60 дней, голодая, а если их лишить сна, то погибают через неделю.

Почему же так необходим сон животным и людям?

В Дрездене, в красивом светлом здании у Большого сада, стоит знаменитая стеклянная женщина. Рассматривая ее, можно изучить систему кровообращения человека, расположение органов пищеварения, мышц, строение отдельных частей тела. Но даже искусные немецкие мастера не смогли в этом замечательном произведении анатомической скульптуры отразить принцип действия «управляющего аппарата» нашего организма. Конечно и им не удалось показать, как взаимодействует центральная нервная система с органами — «отделами» — и как «командует» ими. А ведь она-то как раз и есть главный распорядитель и распределитель всей деятельности организма, от которой зависит и наша работоспособность, и настроение, и аппетит, и многое другое...

А что же определяет тогда «тонус» самого главного распорядителя нашего?

Под микроскопом — срез с коры головного мозга животного. Очень сильно увеличивающий прибор показывает нам светлую, как паутина, сетку. Это клетки нервной ткани, однако клетки особенные. Они, как предполагают, не способны делиться. Даже белковый обмен в них протекает очень медленно. Раз возникнув, эти своеобразные «атомы мозга» растут и к двадцати — тридцати годам (у человека) достигают своей зрелости.

Смысл столь загадочного «поведения» этих упрямых клеток, отвергших обычные биологические и химические формы обновления, изучал, как известно, великий русский физиолог И. П. Павлов. Ученый доказал, что их жизнь слагается из периодов активности, возбуждения, и торможения, покоя. «За время тормозного периода, оставаясь свободной от работы, клетка восстанавливает свой нормальный состав...— писал он.— А это и есть каждодневный факт, есть сон наш и всех животных».

Сон — вот что необходимо для нервной клетки, для центральной нервной системы.

4

Еще до Великой Отечественной войны М. К. Петрова, ученица Павлова, проделала в Ленинграде, в Институте экспериментальной медицины имени Горького, интересные опыты, ставшие вскоре известными всему миру. У молодых, здоровых собак она искусственно сильными раздражителями вызывала невроз — расстройство нервной системы. Животные заболевали, слабели, старились. Затем М. К. Петровой удалось устранить эту искусственно вызванную дряхлость.

В Академии медицинских наук С. Н. Брайнес повторил эти опыты на обезьянах. Кинолента рассказывает о том, как они протекали.

В клетках две молодые, здоровые обезьяны — Чук и Гек. Вид у них самый жизнерадостный: они бегают, прыгают, играют друг с другом. Но вот обезьянам устроили трудную жизнь: им не дают спать, когда хочется, есть, когда приходит аппетит, их дразнят, злят, не дают успокоиться.

Через несколько месяцев с животными произошла страшная перемена. Чук и Гек похудели, вяло реагируют на внешние явления, потеряли аппетит, даже шерсть утратила свой серебристый оттенок и свалялась. Теперь животные не резвятся, как раньше, а забиваются в угол подальше от людей, словом, они ведут себя, как дряхлые обезьяны... Через некоторое время обезьян снова вернули в прежнее состояние.

Опыты заставили ученого заду-

маться: а нельзя ли устранить симптомы естественной дряхлости, укрепляя сном центральную нервную систему, а вместе с тем и весь стареющий, дряхлеющий организм? Ведь не случайное совпадение обстоятельств, что пожилые и старые люди плохо и, как правило, мало спят. Следовательно, при этом нарушается и ритм жизни нервных клеток головного мозга, который регулирует все процессы в организме.

5

Сначала были опыты на крысах. Потом на собаках. Так в число «пациентов» попала и болонка Мика.

Кстати, о ней. Ей посвящен целый фильм, и его можно увидеть. Профессор достал металлическую круглую коробку и пригласил нас в зал. И вот Мика на экране. Первые кадры показывают животное до лечения, в 1950 году.

Далее мы видим Мику через три месяца. Три месяца с небольшими перерывами в сутки длился ее сон, и с ней действительно произошло чудо.

1952 год. Собака как ни в чем не бывало бежит по асфальтовой дорожке у клиники, обнюхивает скамейку, кусты. Как нарочно, навстречу ей кошка. Собака лает и норовит ударить ее лапой.





1953 год. Лохматая болонка лакомится сахаром и даже... заигрывает с другими собаками.

— Полно, да та ли это Мика?

— Та же самая, и вы ее можете увидеть даже сейчас.

— Сейчас? Она жива?!

Апрель 1957 года.

Длинный коридор голубого дома, в котором помещается экспериментальная лаборатория Института психиатрии, директором которого является профессор Д. Д. Федотов. Белые комнаты, населенные четвероногими обитателями. Здесь ставят опыты и ведутся наблюдения, о каждом из которых можно было бы рассказать немало интересного.

А вот и угловые, самые большие комнаты, в которых живут трое: огромный, вечно буйствующий шимпанзе Султан, его тихая, но не очень кроткая подруга Лада и Мика. Конечно, она сейчас не такая, как в расцвете своего омоложения. Прошло-то ведь еще четыре года. Шерсть опять местами поредела (помогла этому и Лада, однажды не очень деликатно поигравшая с болонкой). Но Мика откликается на кличку, ходит по коридору, самостоятельно ест... Что же еще требовать от нее? Ведь ей почти двадцать два года...

Сегодня Мики уже нет. Разбушевавшийся Султан вырвался из клетки, и первой жертвой его была Мика, от страха повизгивавшая в углу.

Сколько она существовала бы еще, трудно сказать. Да и так почти полтора собачьих века прожила собачонка на свете!

Факт этот сам по себе примечателен. От эксперимента над животными — к лечению людей — такова столбовая дорога медицины. Листая историю любого открытия — пусть то будет эпидемиология или хирургия, онкология или даже физиотерапия, — убеждаешься, что ему всегда предшествуют десятки, сотни опытов на безропотных кошках и кроликах, собаках и обезьянах... Таков путь научного исследования.

Исследователям еще много предстоит потрудиться, пока будут найдены верные способы преодоления преждевременной дряхлости и продления жизни человека.

Ученые ищут...

Из английской поэзии

С. МАРШАК

Из Джона МИЛЬТОНА

О ШЕКСПИРЕ

Нуждается ль, покинув этот мир,
В труде каменотесов мой Шекспир,
Чтоб в пирамиде, к звездам обращенной,
Таился прах, веками освященный!

Наследник славы, для грядущих дней
Не просишь ты свидетельства камней.
Ты памятник у каждого из нас
Воздвиг в душе, которую потряс.

К позору нерадивого искусства,
Твои стихи текут, волнуя чувства.
И в памяти у нас из книг твоих
Оттиснут навсегда дельфийский стих.

Воображенье наше до конца
Пленив и в мрамор превратив сердца,
Ты в них покоишься. Все короли
Такую честь бы жизни предпочли.

Из Вильяма ЙЭЙТСА

СТАРАЯ ПЕСНЯ, ПРОПЕТАЯ ВНОВЬ

Я ждал в саду под ивой, а дальше мы вместе пошли.
Ее белоснежные ножки едва касались земли.
— Любите, — она говорила, — легко, как растет листва.
Но я был глуп и молод и не знал, что она права.

А в поле, где у запруды стояли мы над рекой,
Плеча моего коснулась она белоснежной рукой.
— Живите легко, мой милый, как растет меж камней трава.
Но я был молод, и горько мне вспомнить ее слова.

Из А. ХАУСМАНА

КТО ЭТОТ ГРЕШНИК!

Кто этот грешник юный в наручниках стальных
И чем он так разгневал попутчиков своих!
Как безропотно он терпит град насмешек и угроз!
А ведут его в темницу за преступный цвет волос.

Человечество позорит непристойный этот цвет.
За него могли повесить поколенья прежних лет.
От петли иль живодерни вряд ли ноги бы унес
Тот, кому дала природа безобразный цвет волос.

Не жалея сил и денег, красил голову злодей
Или волосы под шляпой скрыть пытался от людей.
Но с него сорвали шляпу, и тотчас же на допрос
Был доставлен нечестивец, скрывший цвет своих волос.

Верно, ждут его в неволе невеселые деньки.
Там для рук его довольно приготовлено пеньки.
Иль долбить он будет камень в зной палящий и в мороз,
Лихом бога поминая за проклятый цвет волос.

Из Джона МЭЙСФИЛДА

МОРСКАЯ ЛИХОРАДКА

Опять меня тянет в море,
где небо кругом и вода.
Мне нужен только высокий корабль,
и в небе одна звезда,
И песни ветрóв,
и штурвала толчки,
и белого паруса дрожь,
И серый, туманный рассвет над водой,
которого жадно ждешь.

Опять меня тянет в море,
и каждый пенный прибой
Морских валов,
как древний зов,
влечет меня за собой.
Мне нужен только ветреный день,
в седых облаках небосклон,
Летящие брызги,
и пены клочки,
и чайки тревожный стон.

Опять меня тянет в море,
в бродячий цыганский быт,
Который знает и чайка морей
и вечно кочующий кит.
Мне острая, крепкая шутка нужна
товарищей по кораблю
И мерные взмахи койки моей,
где я после вахты сплю.



Колхозница Айшат Исаева собирает черешню урожая 1957 года в колхозе имени Сталина, Ново-Лакского района, Дагестанской АССР.

Фото Я. Рюмкина

В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Познакомиться с «бытом и нравами» морских животных — обитателей глубин и островов Тихого океана — дело нелегкое, но заманчивое. Это убедительно доказывает новый цветной фильм Московской студии научно-популярных фильмов. Фильму «В Тихом океане» недавно в Риме, на III Международном кинофестивале познавательных и воспитательных фильмов, присуждена первая премия «Золотой робот» (автор — режиссер А. Згуриди, главный оператор — Н. Юрушкина).

...На маленьком острове Тюленьем проводят свой весенний «досуг» морские котики. В этом котиковом царстве есть своеобразные «школы-интернаты» для детенышей, «гаремы» для самок, находящихся под покровительством сильных и смелых самцов, происходят кровопролитные бои между обладателями «гаремов». Все это отражено на экране благодаря терпению и выдержке режиссера и оператора, часами дежуривших с телеобъективом на вершине скалы.

Самой трудной задачей оказались съемки подводного мира. Кинооператоры знакомились с водолазной техникой, приобретали навыки плавания под водой с кислородными приборами и резиновыми ластами на ногах, помогающими развивать большую скорость. Но надо ведь не только плавать, а еще и снимать. Пришлось немало потренироваться с кинокамерой, приспособленной для подводной работы. Герметически закупоренная, обладающая плавучестью, она напоминает обтекаемую модель самолета.

Однако все эти приспособления могли пригодиться для съемок только на небольших глубинах: работа на значительной глубине затруднена из-за высокого давления воды, отличающейся к тому же низкими температурами. Вот почему понадобилась специальная водолазная камера-гидростат, построенная на одном из ленинградских заводов. В ней оператор может опускаться на большую глубину и вести съемки через стекла трех больших иллюминаторов. В камере, правда, тесновато, но зато стальные стенки предохраняют от давления воды и от холода. Воздух в гидростат подается по шлангам с судна, электрическая печка и телефон под рукой, кассеты можно перезарядить пленкой тут же, и кинокамеру не надо таскать за собой: ее передвинут механизмы. Правда, при съемках из гидростата оператор лишен подвижности и вынужден довольствоваться, согласно поговорке, тем, что «на ловца и зверь бежит».

Под водой немало хлопот доставила охота на осьминогов. Готовясь к встречам с ними, киноработники вспоминали легенды о том, как шлюпки и даже небольшие корабли не раз становились жертвами страшной силы осьминогов, как будто бы на помощь одному, находящемуся в беде, приходят десятки его собратьев. В свете этих рассказов даже пневматические ружья, которыми были вооружены операторы и их помощники-спортсмены, не казались надежной гарантией...

Изо дня в день выходил в море корабль «Находка», на борту которого находилась киногруппа. Опускался в глубины гидростат с кинооператором Н. Юрушкиной, уходил под воду второй оператор А. Попов в сопровождении разведчиков-спортсменов Ю. Алтунина и С. Григорьева. В течение года, преодолевая множество препятствий, применяясь к характерам своих «героев», киногруппа вела работу с тем, чтобы познакомить зрителя с миром живых организмов, населяющих Тихий океан.

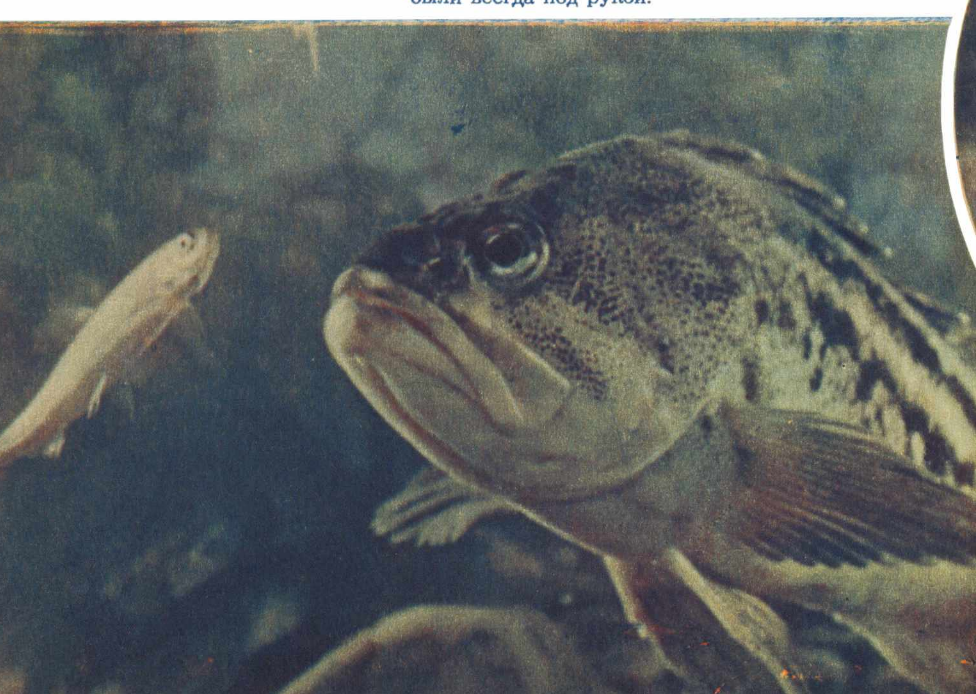
Л. БЕЛОКУРОВ

Последние приготовления на борту корабля «Находка» перед погружением гидростата в глубины Тихого океана. Кинооператор Н. Юрушкина занимает «рабочее место»!



При съемках на дне океана без гидростата впереди идут подводные разведчики с пневматическими ружьями.

Эти представители подводного царства не доставляли хлопот на съемке; они были всегда под рукой.





Один из коренных обитателей тихоокеанского дна — рак-отшельник. Когда имеешь мягкое, незащищенное брюшко, приходится отыскивать такую раковину и таскать ее с собой.

Турист Михаил Шолохов

Шведская печать обычно дружественно, но в несколько шутливом тоне пишет о приезжих знаменитостях, не делая исключения даже для королевских фамилий. И на сей раз шведские журналисты остались верны себе. Некоторые газеты вышли с довольно своеобразными заголовками: «Донской казак Шолохов изучает сельское хозяйство Швеции», «Советский писатель — асс», «Турист Михаил Шолохов в Стокгольме» и т. п.

На пристани Шеппсбрунн перед встречающими предстал невысокий, простой, скромный человек. Для тех, кто не видел Шолохова, это показалось неожиданным. Некоторые корреспонденты были даже несколько ошеломлены скромным видом автора известного во всем мире «Тихого Дона». «Шолохову следовало бы сидеть на коне, он ведь казак»,— писала одна из газет. Но та же газета подробно рассказала о творческом пути Шолохова, а его значение в мировой и советской литературе определила так: «Он великий писатель России и один из величайших эпических писателей мира». В дружественном духе были выдержаны статьи всех ведущих стокгольмских газет. Стокгольм радушно встретил Шолохова, как старого знакомого, который побывал здесь еще в 1935 году.

Через несколько часов после того, как Шолохов ступил на шведскую землю, он уже выступал на пресс-конференции. Представители прессы хотели знать обо всем: о его творческих планах, о том, когда будет закончена экранизация «Тихого Дона» и кто оказал на Шолохова наибольшее влияние: Л. Толстой или другой классик? Были и такие вопросы: «Есть ли в СССР «пятилетние планы на писателей?», «Обязательно ли советским писателям заниматься политикой?» и так далее. Вопросы сыпались со всех сторон. Шолохов, удобно усевшись в кресле, не торопясь, отвечал на них.

— Скоро закончу вторую часть «Поднятой целины» и тогда займусь книгой «Они сражались за Родину»... Видел отдельные куски фильма «Тихий Дон»; оставляет, как мне кажется, впечатление... Две серии фильма будут готовы осенью. Третья — в феврале — марте 1958 года.

На вопрос об участии писателей в политике Шолохов отвечает:

— Советские писатели строят свою страну, ведут общественную работу. Многие из них, партийные и беспартийные,— депутаты районных, областных, Верховных Советов. Некоторый отрыв писателя от поэтического стола восполняется его знакомством с жизнью, с нуждами народа...

О творческом влиянии? Нельзя сказать, что только один Толстой... Многие... И русские... И иностранные... Трудно ответить, сколько процентов от Толстого, сколько от Чехова, от любого другого... Я считал полезным учиться у всех...

О молодежи. Качество всех пожилых людей — быть несколько ворчливым. Молодежь же остается молодежью. Однако нам трудно жаловаться на советскую молодежь. Триста тысяч наших юношей и девушек переселились на целинные земли и успешно работают там...

Речь заходит о сувенирах. Шолохов говорит, с улыбкой поглядывая на собеседника:

— Я скажу вам по секрету. Я прибыл из Финляндии, и знаете, что я там купил? Два финских топора. Финны — прекрасные лесорубы. Я хотел бы захватить с собой что-нибудь и из Швеции. Здесь чудесные коровы. Они мне запомнились еще в первый приезд. Охотно возьму с собой парочку, если не будет тяжело для самолета.

На шутку Шолохов отвечает шуткой, на острое слово — острой.

В конце пресс-конференции он останавливается на значении культурных связей между обеими странами. Шолохов сообщает, в частности, что в Советском Союзе будут переводиться на русский язык произведения шведских писателей Харри Мартинсона, Муа Мартинсон, Ивара Лу-Юханссона и Артура Лундквиста. Это сообщение вызывает оживление среди журналистов. Как оказалось, на пресс-конференции присутствовал сам писатель Артур Лундквист. Критик Ценнстрем спрашивает у него через весь зал: «Ты знал об этом?» «Нет»,— чистосердечно признался улыбающийся Артур Лундквист, которому эта новость по душе. «Тем приятнее узнать об этом теперь»,— заметил Михаил Шолохов.

На следующий день Михаил Шолохов любовался архитектурным ансамблем Стокгольма, его парками. Другой день он провел в обществе шведских литераторов, которые пригласили его на открытие Дома писателя в районе Лилла Хорнсберг. На дружеском обеде почетных гостей приветствовал председатель Союза шведских писателей Стеллан Арвидссон.

Издательство «Тиден» устроило в честь Михаила Шолохова прием.

Затем Михаила Шолохова и его супругу Марию Петровну видели в провинции: в Норчепинге, Енчепинге, Линчепинге, а также в сельских местностях. Писатель побывал в гостях у 66-летнего крестьянина Карлссона в Альбрехтсторпе. Шведские крестьяне видели, что советский турист глубоко вникает в сельское хозяйство, понимает его и знает нужды сельского населения. Шолохов подробно расспрашивал крестьян об удоях молока, о суточном рационе крупного рогатого скота. Его интересовала глубокая вспашка и подготовка пара, он интересовался, как шведские крестьяне проводят свой досуг. Крестьяне приглашали его к себе на чашку кофе, посидеть, потолковать о крестьянских делах.

После Швеции Шолохов направился в Норвегию. Но Швеция еще раз увидит знаменитого советского писателя. По пути в Москву он посетит провинцию Сконе, и только после этого распрощается со шведскими друзьями.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Стокгольм.



Встреча на пристани Шеппсбрунн. Михаил Шолохов беседует с секретарем Союза шведских писателей Гуннаром Бергманом (второй слева).



Михаил Шолохов и шведская писательница Маргарет Сюбер.

Интервью «Огонька»

ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА МИРА

Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации **Г. БАЙДУКОВ**

Двадцать лет назад, 20 июня 1937 года, советский самолет «АНТ-25» конструкции А. Н. Туполева, совершив беспосадочный перелет из Москвы через Северный полюс, приземлился в Америке, в городе Ванкувере.

Участники первого перелета через Северный полюс — В. П. Чкалов, А. В. Беляков и я — вышли из кабины, в которой провели 63 часа 16 минут, и передали собравшимся американцам сердечный привет от советского народа.

Перелет через Северный полюс показал всему миру индустриальную мощь социалистической державы, крепость наших крыльев, беззаветный героизм советских авиаторов, готовых выполнить любое задание Родины.

Меньше чем через месяц после того, как приземлился за океаном наш самолет, 14 июля 1937 года, в Соединенных Штатах Америки, в Сан-Джасинто, опустился второй такой же длиннокрылый туполевский самолет «АНТ-25». Летчики Герои Советского Союза М. М. Громов, А. Б. Юмашев, С. А. Данилин не только блестяще повторили перелет через Северный полюс, но и установили еще при этом мировой рекорд дальности полета: они пролетели 10 148 километров по прямой линии за 62 часа 17 минут.

Вся американская печать высоко оценила качество советских самолетов и мастерство наших авиаторов. Валерий Павлович Чкалов и Михаил Михайлович Громов стали известны всему миру. Военные и гражданские летчики Америки всюду выражали нам свое уважение, восхищенно говорили о наших достижениях. Они понимали тогда, что на крыльях своих самолетов мы принесли через студеный океан дружеские чувства советского народа к народу Соединенных Штатов Америки. Мы с готовностью рассказывали повсюду, где привелось нам побывать в США, о нашей жизни, о Советской стране и видели, как волновали эти рассказы американцев. В те дни, очевидно, как и сейчас, большинство американцев мало что знало о Советском Союзе или имело о нем самое превратное, подчас дико-нелепое представление.

Несмотря на это, простые люди сердцем угадывали: советский народ хочет дружить с американцами, а достижения Советского Союза достойны внимания.

Нас принял в Вашингтоне тогдашний президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт. Когда мы вошли в его комнату с открытыми окнами, выходящими в тенистый парк, Рузвельт сидел за столом. Нас представили, и он, больной, поворачиваясь на вращающемся стуле, внимательно поглядев на нас, сказал:

— Я рад приветствовать советских летчиков! Блестящий перелет свидетельствует о высокой технической культуре Советского Союза. Благодаря вашему перелету границы Советской страны стали нам неожиданно близки. Перелет будет записан в историю. Я не сомневаюсь, что в недалеком будущем мы установим воздушное сообщение между СССР и Америкой через Арктику.

Я помню добрые пожелания президента и его слова об укреплении дружбы между народами Америки и Советского Союза. Во время второй мировой войны американский народ боролся вместе с нами против фашизма, и мы сохранили теплые чувства к тем простым людям США, которые самоотверженно сражались против общего врага.

Прошли годы, и многое изменилось в Америке. Не наша вина, что за океаном вынашиваются адские планы атомной войны, разжигается безумная антикоммунистическая истерия, готовятся банды шпионов и диверсантов для преступных действий против Советского Союза. Но я не верю, чтобы «холодная война», атомная психопатия, гонка вооружений, создание «железного пояса» из военных баз вокруг СССР,— чтобы все это нужно было трудолюбивому и сердечному американскому народу.

Два перелета экипажей В. Чкалова и М. Громова проложили воздушную дорогу мира через полюс в Америку. Есть, к сожалению, в США люди, которые хотят превратить ее в дорогу войны. Но они должны помнить, что мы не разучились летать через Ледовитый океан.

Советские летчики готовы вновь прилететь с дружеским визитом через полюс в Америку и принести на крыльях реактивных самолетов искренний привет советских людей. Думаю, что и сейчас простые люди Америки так же сердечно и горячо встретят советских пилотов, если их пригласят в гости, как двадцать лет назад.

ОТДЕЛ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

1-й ТЕАТР

СОКОЛЬНИЧЕСКОГО СОВДЕПА

В ЧЕТВЕРГ, 13-го МАРТА 1919 Г.

22-ой РАЙОННЫЙ СПЕКТАКЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОГО МАЛОГО ТЕАТРА

СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ

Афиша 1-го театра Сокольнического Совдепа в сезон 1918—1919 года. Среди участников спектакля Малого театра Е. Д. Турчанинова.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Е. ТУРЧАНИНОВА,
народная артистка СССР

Неизгладимы воспоминания о героической и суровой эпохе первых лет революции, когда народ, преодолевая небывалые дотоле трудности и лишения, борясь на фронтах гражданской войны против белогвардейцев и иноземных интервентов, начинал строить новую жизнь. Вот несколько страниц истории первых лет советского театра, как они запечатлелись в моей памяти.

...Октябрьские дни в Москве. Стрельба на улицах. В гостинице «Метрополь» засели юнкера. А напротив, в нашем Малом театре, в зрительном зале, в фойе, в артистических уборных расположился боевой лагерь красногвардейцев. Было так, что прямо из декорационного зала красногвардейцы вели пулеметный огонь, выбивая юнкеров из «Метрополя»...

Отгремели залпы Октября. В ноябре 1917 года Малый театр открыл свой первый советский сезон: шла бессмертная грибоедовская комедия «Горе от ума».

С первых дней революции стоял во главе театра Александр Иванович Южин, замечательный русский актер и режиссер, столетие со дня рождения которого мы будем отмечать этой осенью.

В ту пору узнали мы новых зрителей: рабочих, солдат, красногвардейцев, комсомольцев. Многие из них впервые в своей жизни пришли в театр. Не забыть их горящих воодушевлением глаз, того, как они следили за каждым жестом актера, поглощали каждое слово, звучащее со сцены!

Первые годы революции были и временем массового увлечения театральными представлениями. Открылось множество клубов, районных театров (в Москве их в 1918-м было восемнадцать). Чуть ли не на всех фабриках и заводах образовались и играли самодеятельные, или, как тогда говорили, «любительские» кружки. Приезжали к рабочим со спектаклями и профессиональные актеры.

Где только не играли мы в те годы! В бывшем Введенском народном доме, в клубе имени Каляева, в театре «Альказар», в театре Сокольнического Совдепа, в клубах Лефортова и Благуши, в Анненгофской роще, на Хапиловском пруду, в Курских железнодорожных мастерских, в Хамовнических и Покровских казармах.



Е. Д. Турчанинова в 1918 году.

В Крутицких казармах мы, артисты, играли как-то Островского (запамятовала, какую именно пьесу) совместно с военными «любителями». Часто выступали мы в Рогожско-Симоновском районе.

Уезжали мы обычно со Страстной (ныне Пушкинской) площади. У памятника Пушкина стояли грузовики. Их присылали с заводов и фабрик. Помню, ездили мы и в огромном полке для перевозки тяжестей; путешествие на нем буквально «вытрясало душу».

В Хамовнические казармы нас везли через всю Москву на артиллерийской тележке с высокими бортами. Из тележки выглядывали только наши головы, и прохожие, смеясь, спрашивали: «Почем с пуда?»

Однажды в Анненгофской роще спектакль кончился ночью. С нами была О. О. Садовская; идти пешком она, конечно, не могла, да и страшно ночью. Решили сидеть до утра. Потом артист М. Ф. Ленин позвонил по телефону в депо, и за нами прислали трамвай. Вот на этом специально поданном трамвае и добирались мы к центру.

Выезжали мы и в окрестности столицы: Люберцы, Косино, Кусково, Кунцево, Подольск, Серпухов, Богородск, Орехово-Зуево... Только в сезоне 1918—1919 года передвижная труппа артистов Малого театра (в поездках ее, помимо молодежи и артистов среднего поколения, участвовали М. Н. Ермолова, О. О. Садовская, А. И. Южин, О. А. Правдин) дала около 170 выездных спектаклей. А в следующем сезоне мы еженедельно давали по 4—5 выездных спектаклей.

То были трудные годы, полные лишений. Но нас не смущали трудности: неудобство неприспособленных помещений, перебои освещения, холод, скудость пайков. За все такие мытарства нас с лихвой вознаграждала горячая любовь зрителей, впервые получивших возможность соприкоснуться с искусством театра. Мы были горды тем, что нужны нашему народу, и это всегда помогало превозмочь усталость.

Однажды мы с О. Правдиным ездили играть «Лес». Из-за неполадок с электричеством спектакль начался в 10 часов вечера. И вдруг во время действия погас свет. Но публика дружно заявила, что «часа два» она согласна ждать. Спектакль кончился в половине четвертого утра, и ни один человек не покинул зал!

...1919 год. Острый топливный кризис. Советское правительство отвергает внесенное кем-то предложение сократить в связи с холодом и отсутствием топлива число столичных театров. Устанавливается очередность снабжения: первым получал топливо Большой театр, потом наш Малый, потом другие театры. И все же сколько раз приходилось играть в нетопленных, охваченных морозом помещениях!

Особенно часто в те годы мы выступали на Таганке, в бывшем кинематографе «Вулкан» (позднее, в 1922 году, здесь был открыт филиал Малого театра). Нас, артистов, в этом рабочем районе знали; заговаривали с нами в трамваях, подходили на улицах. Немало было у нас интересных встреч с нашими постоянными зрителями — рабочими, ставшими завсегдатаями театра. Помню, подошла однажды молодая энергичная женщина и помогла нашему шоферу, копавшемуся у мотора грузовика, на котором привезли декорации. Потом я не раз видела ее на спектаклях. Потом стала встречать ее на торжественных собраниях в честь Женского дня 8-е марта. Мы не раз беседовали с ней об искусстве, о литературе. Я знала, что она начала учиться. Затем стала директором завода. Впоследствии она говорила мне, что приобщиться к образованию, к культуре помог ей и театр, первые наши спектакли, увиденные в рабочем районе.

Для нового, непривычного к театру зрителя, казалось, трудно подобрать репертуар. Много было с этим тревог. Но вскоре все определилось. Мы играли русскую классику: Гоголя, Островского, Л. Н. Толстого,— героико-романтическую и сатирическую западную классику: Шекспира, Шиллера, Лопе де Вега, Бомарше.

Малый театр в те годы по справедливости носил свое прославленное название «Дома Островского». В его репертуаре насчитывалось около полутора десятков пьес великого русского комедиографа. Новый зритель будто вернул молодость Островскому. Играя его пьесы, как всегда, реалистически, мы вместе с тем



Гастроли Малого театра в Иванове (июнь 1952 года). Выступает Е. Д. Турчанинова.

стремились толковать их по-новому, подчеркивая их социальное содержание, подтекст, выделяя острую сатиру на буржуазное общество.

Неискушенные, казалось, зрители чутко ощущали демократическое звучание этих пьес. Они возмущались издевательствами «шутников» над безответными тружениками-бедняками; они сочувственно рукоплескали гордым словам о честном «трудовом хлебе»; они остро реагировали на слова: «умные деньги» наживаются трудом...

Конечно, пьес, отражающих современные революционные события, тогда еще не было. Но Малый театр всегда искал драматургические произведения, которые отражали бы свободолюбивые мысли передовых людей своего времени и которые могли бы найти отклик в душе новых зрителей. Образы борцов за человеческое достоинство, за справедливость и свободу, людей, горевших пламенем вольнолюбивых дум, издавна влекли к себе наших артистов, начиная с великой Ермоловой.

Первую годовщину Великого Октября театр отметил исторической драмой А. К. Толстого «Посадник». Она привлекла нас темой «народной вольности», патриотическим образом Посадника, носителя «гражданской республиканской доблести». Его превосходно играл А. И. Южин. М. Н. Ермолова выступила в эпизодической роли боярыни Мамелфы. П. М. Садовский исполнял роль молодого воеводы, горячего защитника «вольного города». Мне досталась небольшая роль Посадницы.

О спектакле «Посадник» с участием Южина писал потом А. В. Луначарский: «Я никогда не забуду тот спектакль, на котором вся зала была наполнена проходившим через Москву на запад полком из красноармейцев-крестьян. С огромным, каким-то подавленным вниманием, а в решительном моменте даже со слезами, смотрели красные солдаты на внезапно раскрывшееся перед ними зрелище».

А затем Малый театр обратился к писателю, чьи «крамольные» пьесы в дореволюционное время преследовались. 1 января 1919 года, еще до опубликования пьесы в печати, мы показали на своих подмостках спектакль «Старик» М. Горького (режиссер — И. Платон, художник — К. Юон). В этой пьесе писатель мудро и зло разоблачал лживую «теорию спасения души страданием». Алексей Максимович сам мастерски прочел пьесу труппе, беседовал с исполнителями.

На представлении первой горьковской пьесы, увидевшей свет рампы в Малом театре, присутствовал Владимир Ильич Ленин.

Вот что помнится о наших первых сезонах, когда новый зритель — сам народ — пришел в театральный зал. В те трудные дни и рождалась дружба старейшего московского театра с советским зрителем. Не забыть мне растроганного волнения, умиления зрителей в сильно драматических сценах.

Позднее подлинным праздником для публики и актеров стали первые советские пьесы о современности: о революции, о гражданской войне. Малый театр дал славную и долгую сценическую жизнь замечательной пьесе К. Тренева «Любовь Яровая», ознаменовавшей новый этап в его истории, поставил драму «Огненный мост» Б. Ромашова. На нашей сцене утвердились пьесы В. Гусева, Л. Леонова, Б. Лавренева, А. Корнейчука...

...Идет к концу четвертое десятилетие с того дня, как освобожденный народ, ведомый партией большевиков, утвердился хозяином своей страны, своего счастья, создал прекрасное цветение жизни. И сердце мое полно радости при мысли о том, что в служении советскому народу высоким, благородным искусством театра и моего хоть капля меду есть...

Еще раз о карликах

«В «Огоньке» № 23 был опубликован очерк А. Михалевича «Добрые карлики». Наш корреспондент обратился к руководящим партийным работникам Тамбовской области с просьбой высказаться по существу поднятых в этом очерке вопросов развития садоводства.

Г. ЗОЛОТУХИН
Секретарь Тамбовского обкома КПСС

Климатические и почвенные условия Тамбовской области исключительно благоприятны для широкого развития садоводства. Однако долгое время этой важной отрасли сельского хозяйства не уделялось достаточного внимания. Мы начали широко заниматься садоводством в последние годы. За 1954—1957 годы нам удалось увеличить площадь садов и ягодников на десять с половиной тысяч гектаров. Только в этом году посажено 3 тысячи гектаров фруктовых деревьев и ягодников. Общий размер угодий, занятых садами, составляет теперь 25 тысяч гектаров. Но этого мало. Мы поставили перед собой задачу — в ближайшие пять лет довести массивы садов до 40 тысяч гектаров.

Каждый колхоз должен иметь сад — таков наш призыв, на который горячо откликнулись колхозники и ученые садоводы.

Профессора и преподаватели научно-исследовательских учреждений и учебных заведений Мичуринска помогли колхозам составить перспективные планы развития садоводства на десять лет. Было проведено областное совещание агрономов совхозов и колхозов, на котором их познакомили с принципами составления таких планов. В настоящее время каждый колхоз имеет свой план развития садоводства.

Начатое нами дело требует огромного количества посадочного материала. Только минувшей весной было посажено более 650 тысяч фруктовых деревьев! В нашей области плодовые питомники совхозов, колхозов и научных учреждений выпускают до одного миллиона саженцев-двухлеток в год. В ближайшее время производительность питомников должна быть расширена и доведена до 1,5 миллиона саженцев. Это позволит ежегодно увеличивать площадь садов на 4—4,5 тысячи гектаров.

Очень важно правильно подобрать сорта фруктовых деревьев. Мы продвигаем старые сорта яблонь, такие, как антоновка, анисы, белый налив, папировка, грушовка. Им отводится в садах примерно половина места. Вторую половину займут наилучшие сорта, выведенные И. В. Мичуриным и его последователями: пепин шафранный, славянка, бельфлер-китайка, шафран-китайка и другие.

Вокруг Мичуринска уже создано кольцо из садов. Хорошие сады имеются и в других районах.

Из 40 тысяч гектаров садов 28 тысяч будет в совхозах и колхозах, а 12 тысяч — в индивидуальном пользовании, на приусадебных участках колхозников, у рабочих и служащих.

Я считаю выступление «Огонька» о «Добрых карликах» очень своевременным. Мы подготавливаем решение бюро обкома КПСС, обязывающее все находящиеся на территории области плодовые питомники разработать план высадки карликовых саженцев.

Колхозники, рабочие и служащие проявляют большой интерес к садоводству. Надо обеспечить садоводческие хозяйства инвентарем. Садоводство — дело трудоемкое, а механизация находится все еще на низком уровне.

Промышленность выпускает мало плантажных и садовых плугов, культиваторов и борон, высокопроизводительных опрыскивателей, ямокопателей. Недостает и ядохимикатов для борьбы с вредителями. Нужно также строить и плодохранилища.

Главное же: следует как можно скорее взяться за создание плодово-ягодных питомников, чтобы обеспечить потребность в саженцах.

Д. ЧЕРЕМЫСИНОВ
Секретарь Мичуринского райкома КПСС

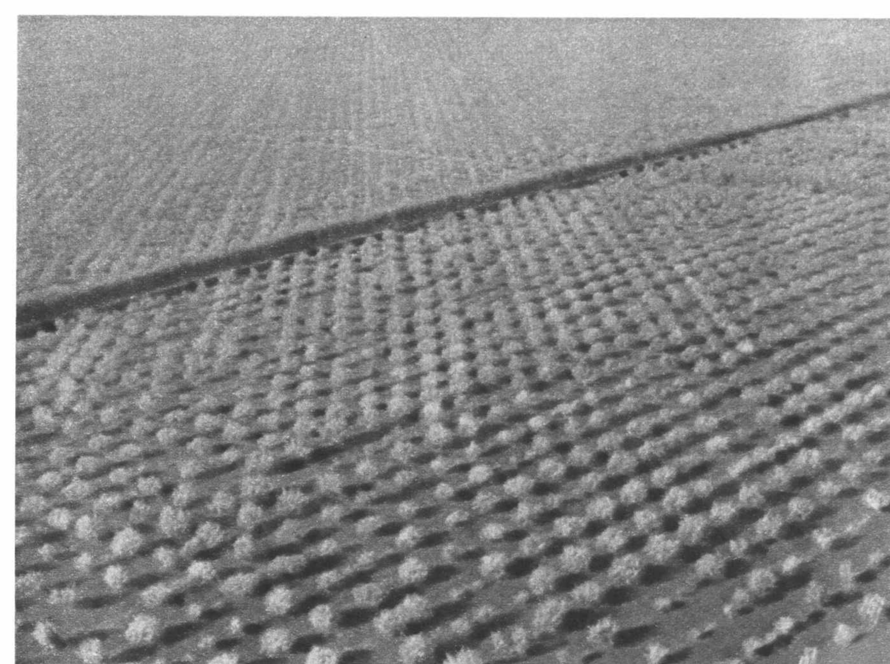
«Огонек» затронул важную проблему. Нужно всемерно способствовать быстрому увеличению площади садов и ягодников в стране, продвижению карликовых деревьев в колхозные сады и особенно на приусадебные участки колхозников, на пришкольные участки, в коллективные сады рабочих и служащих, в городские скверы и парки.

В 1955 году в колхозе «Коминтерн» карлики были посажены между рядами обычных яблонь на площади 12 гектаров. Суровую зиму 1955—1956 годов они перенесли благополучно, только задержался несколько их рост.

Необходимо сосредоточить внимание руководителей плодово-ягодных питомников центральных областей страны на создании участков карликовых саженцев. У нас этим пока, к сожалению, занимается только профессор В. И. Будаговский, большой знаток карликовых.

Сады получают у нас все более широкое распространение. Я уверен, что пройдет несколько лет — и в нашей стране будет изобилие фруктов и ягод.

Совхозные сады в Мичуринском районе (снимок сделан с самолета).
Фото В. Тарасевича.





Новый дом на площади Ленина.

ВСТРЕЧИ В КОМСОМОЛЬСКЕ

Вл. ШУСТИКОВ

Фото Г. САНЬКО.

Василий Михайлович Чесалин удивил нас, едва мы успели познакомиться.

— Двадцатипятилетие Комсомольска я отметил четыре месяца назад,— сказал он.

— Как это понимать?

— Очень просто. Считается, что первые комсомольцы приехали сюда весной 1932 года, но это не совсем верно. Первые комсомольцы прибыли на несколько месяцев раньше: я сам шел с этой первой группой.

И Василий Михайлович, сощурив свои озорные глаза, стал вспоминать, как небольшой отряд комсомольцев вышел из Хабаровска и, преодолев четырехсоткилометровое расстояние по льду Амура, пробился к селу Пермскому, где намечалось строительство.

Это было небольшое таежное село на берегу Амура. Сразу за огородами — густой кедрач, тайга. Редко заглядывали гости в это село. Разве что почтальон проедет на лошадях с колокольчиками (до середины тридцатых годов почту в глухие амурские села доставляли на перекладных) или выйдет прямо на село охотник-нанаец, промышлявший неподалеку горностая.

В Пермском в то время оказался представитель волисполкома Николай Васильевич Игнатьев. Комсомольцы нагрянули к нему:

— Нужно наметить участки.

— Много ли надо места?

— От озера Мылки до стойбища Дземги и от Амура до сопок,— сказал кто-то.

Представитель слегка опешил: комсомольцы просили едва ли не сотню квадратных километров.

— Отвожу вам сорок гектаров,— сказал Игнатьев.

— Да вы что, смеетесь? Это же в сто раз меньше, чем нам нужно.

Но Игнатьев был неумолим.

— Да ты, может, не веришь, что здесь будет большой город?

— Конечно, не верю,— чистосердечно признался представитель.

Ребятам пришлось потратить немало времени, прежде чем удалось уговорить Игнатьева отвести под строительство землю.

— Как же это он согласился? — спросили мы у Чесалина.

Василий Михайлович ответил не сразу.

— Трудно сказать, может быть, дополнительные директивы поступили, может быть, все взял на свою ответственность, поверил, что здесь будет город. А лучше всего об этом скажет он сам, если вы найдете время заглянуть к нему.

— Игнатьев живет в Комсомольске?

— Проспект Сталина, дом тридцать или тридцать два.

И мы пошли к Николаю Васильевичу Игнатьеву.

Нас встретил невысокого роста худощавый мужчина.

— Да, было дело,— весело произнес он, когда мы напомнили ему о том, как он не хотел отводить землю под строительство нового города.

В 1932 году Николай Васильевич начал работать на строительстве Комсомольска, а потом стал техником на одном из машиностроительных заводов, построенных здесь же. Это уважаемый в городе человек.

— Кто же мог представить, что вырастет такой городище! — снова сказал он. — Дома, проспекты, клубы, заводы!..

Игнатьев рассказал нам о многих, кто участвовал — одни раньше, другие позже — в создании города юности. Упомянул и о двух друзьях, которые овладели летным делом в аэроклубе Комсомольска,— прославленном Алексее Маресьеве и его товарище Иване Ткачеве. Ткачев и сейчас живет в Комсомольске.

...Лиственницы в своих светло-зеленых платьях стоят неподвижно. Запах горячего асфальта мешается с нежным запахом нагретой солнцем хвои. Нет-нет, да и опахнет тебя ветер, пропитанный запахом угля, железа, машинного масла. Кругом промышленные предприятия: заводы металлоконструкций.

У подножия невысокой сопки, поросшей лиственницей и березой, дымят трубы «Амурстали». Первенец черной металлургии Дальнего Востока уже полтора десятилетия дает продукцию. Здесь варят сталь, отсюда она идет на Север, в Сибирь, в Китай и в Корею.

Сегодня на заводе торжественно провожают на пенсию старого мастера, Ивана Гавриловича Егина. Товарищи по работе вручили ему подарок — именные часы и постоянный пропуск.

Иван Гаврилович был воспитателем, первым наставником и Войтовича, и Положеева, и Лисицы — теперешних известных сталеваров. Полтора десятилетия назад он привел в этот цех семнадцатилетних парнишек. А через несколько лет эти ребята стали квалифицированными рабочими и почти в два раза увеличили выпуск металла на тех же мартенах. Отличную смену оставляет после себя заслуженный мастер Комсомольска.

Растет, хорошеет город: построены красивые дома, ровной цепочкой вытянулись аккуратные коттеджи по проспекту Металлургов, приобретает праздничный вид площадь Ленина. Вот только что выстроенный квартал. Еще хлопочут на улицах бульдозеры, выравнивая дорогу, еще не везде сделаны тротуары, но окна в этих новых домах уже протерты изнутри, и вот-вот туда переберутся новоселы.

Давно ли комсомольчане собирали голубицу там, где выросли эти здания! В газете «Дальневосточный Комсомольск» часто можно видеть объявления о том, что такой-то участок отводится под строительство и поэтому огородами занимать его не рекомендуется.

Вместе с Михаилом Николаевичем Ополевым, начальником одного из строительных управлений, мы идем на площадку, где сооружается здание Политехнического института.

Ополев — первостроитель. Так именуют в Комсомольске тех, кто приехал сюда в начале тридцатых годов. Он хорошо помнит глухомань того времени. Вверх по Амуру до морского побережья — тайга. Медведь настолько привык к этой глухомани, что даже не считал нужным прятаться на зиму в берлоге; он спал сидя, привалившись спиной к стволу и скрестив передние лапы. Какое дело ему до того, что здесь люди решили построить город!..

Вот и строительная площадка института. За дощатым забором десятка два человек — не больше, хотя работа в самом разгаре. Четверо парней хлопочут у бетона, который только что вывалил на лоток самосвал.

— Между прочим, их зовут у нас близнецами,— говорит Ополев.— Друзей четверо, а биография на всех одна.

Леонтий Павлючик, Виктор Космач, Леонид Карпило и Геннадий Калабук служили на Дальнем Востоке в одной части. Все они были командирами минометных расчетов, все вместе демобилизовались и приняли решение не уезжать домой, на запад, а остаться на Дальнем Востоке. Ребята работают в одной бригаде и строят себе институт, как шутя говорят они товарищам, потому что сейчас все четверо — студенты подготовительного отделения Политехнического института.

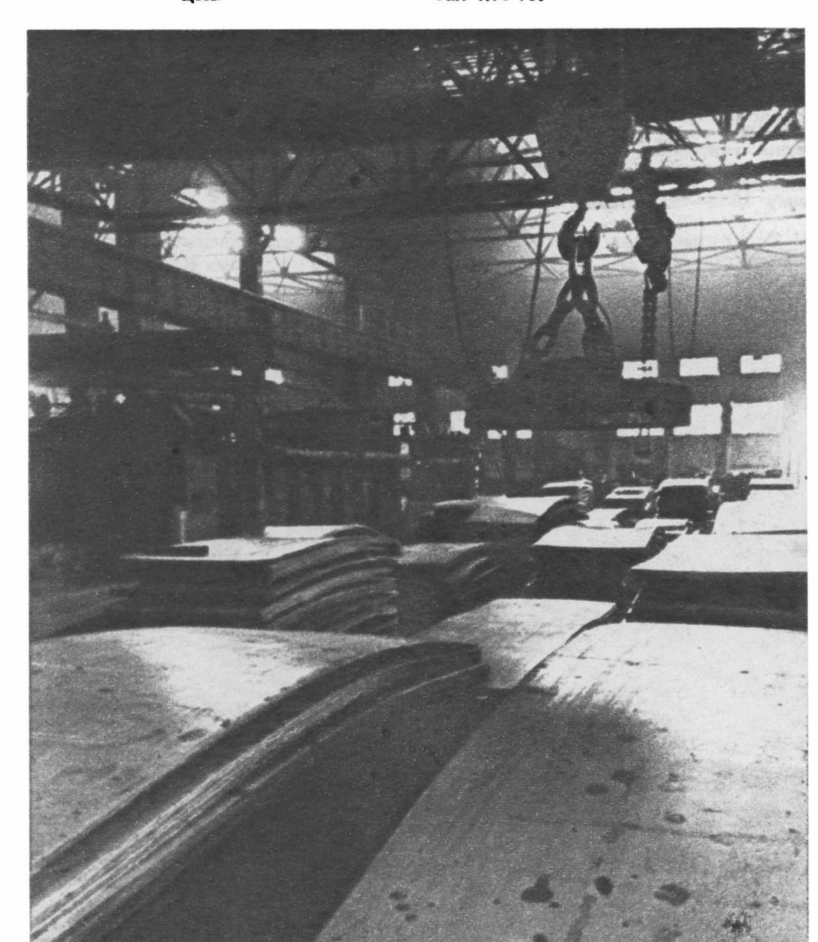
Друзья работают монтажниками, но монтировать им приходится не металлические конструкции, а железобетонные блоки, панели, из которых собираются стены, делаются междуэтажные перекрытия.

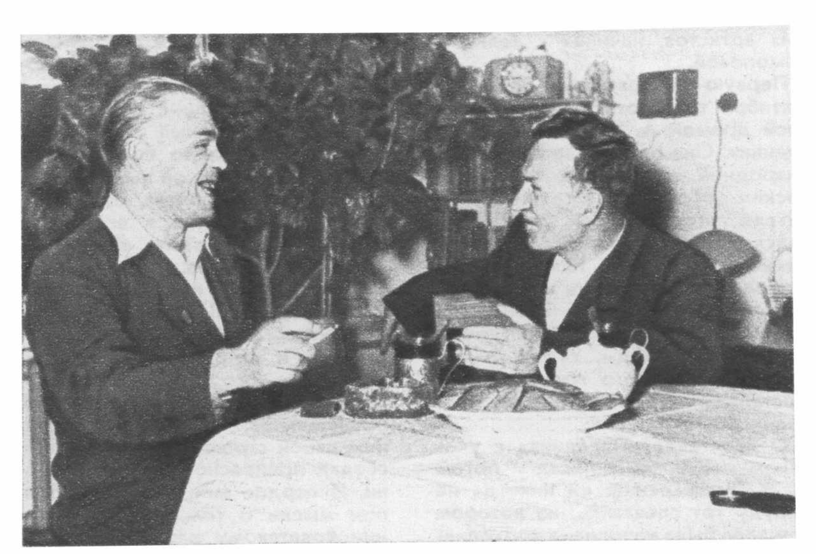
— Потому и народу здесь мало: здания сооружаются новым методом,— замечает Ополев.

Ополев говорит волнуясь, и мысли то уйдут вслед за его рассказом в прошлое, то унесутся вперед, и ты ясно представляешь себе Красный проспект — будущую центральную магистраль Комсомольска, которая, пройдя через весь город, соединит Вокзальную площадь с Амуром. Ты как будто бы видишь и Дворец Советов, и Оперный театр, и новые парки, которыми украсится город.

Будущее Комсомольска рождается под горячими руками молодых строителей.

На «Амурстали». Листопрокатный цех.





Старые комсомольчане И. Г. Ткачев и Н. В. Игнатьев.





Зрители трогали стекло руками, рассматривали его. После прикосновения Кио в толстом стекле словно открывается «форточка», и лилипутка пролезает в нее.



КИО,
заслуженный артист РСФСР

Фото В. Габая и Л. Велихжанина.

Рисунки Ю. Черепанова.

За годы поездок по стране у меня было немало забавных и веселых, а иногда и неожиданных встреч со зрителями, принимавшими меня за гипнотизера и обращавшимися с разными просьбами. Были случаи комические, были случаи анекдотические, а както очень давно состоялась «встреча», окончившаяся большими неприятностями для проходимца, который пытался использовать аттракцион в своих целях.

В Сухумском цирке я выступал около месяца. Дней за десять до окончания гастролей ко мне в уборную пришел смуглый человек средних лет и стал упрашивать взять его на работу в аттракцион. Один из ассистентов заболел, врачи предупредили нас, что он не сможет работать месяца три. Надо было подыскивать замену. Смуглый человек заявил, что он увлекается цирком, много раз смотрел мои представления и будет счастлив трудиться в нашем коллективе. Не скрою, сильный, худощавый и ладно скроенный, он мне понравился. Через день—два он стал аккуратно выполнять все свои обязанности.

Шли последние представления. Мой новый ассистент стал проявлять признаки беспокойства. Мы не обратили на это особого внимания, подумав, что он волнуется потому, что впервые и, быть может, на продолжительный срок покидает свой родной город.

Как выяснилось впоследствии, мой «ассистент», оказавшийся контрабандистом (дело было почти тридцать лет назад), задумал приспособить «таинственные» ящики и аппаратуру для перевозки контрабанды. Открылось это совершенно случайно. Помощник-лилипут, разыскивая какой-то реквизит, в одном ящике обнаружил большие картонные коробки с заграничными чулками и духами. Взволнованный, он прибежал ко мне. Я попросил его незаметно просмотреть и другую аппаратуру. И в других ящиках были искусно запрятаны дорогие отрезы на костюмы, чулки и дамская модельная обувь.

Директор цирка известил пограничников. Они поблагодарили нас за сообщение и сказали, что нам не следует и виду подавать, будто мы что-то знаем.

— Пусть побольше нагружают ваши ящики. Видимо, они давно не могли вывезти свой товар.

Наступил день отъезда в Сочи. Под наблюдением моих старших помощников униформисты грузили аппаратуру и реквизит на несколько автомашин. Поодаль за погрузкой наблюдали сообщники контрабандиста и... пограничники в штатском.

Я ехал впереди на легковой машине, а за мною растянулся кортеж, состоявший из автобусов и грузовиков с аппаратурой. На границе между Абхазией и Российской Федерацией моя легковая машина «испортилась» и затормозила движение колонны. Со стороны Сочи к нам подъехали легковые машины с пограничниками. Такие же машины догнали нас и со стороны Сухуми. И когда мой «ассистент» уже думал, что его операция удалась, он был задержан. Выловили и сообщников моего «симпатичного» помощника, оказавшегося главарем контрабандистов. Побывав на одном из моих первых представлений, они разработали оригинальный и смелый план переброски контрабанды. Не обнаружь лилипут заграничных чулок и духов в одном из ящиков, быть может, эта операция им и удалась бы...

Когда все товары были извлечены, командир пограничного отряда пригласил меня, чтобы показать, как много там было запрятано различных вещей.

— Спасибо вам, товарищ Кио,— сказал пограничник. — По-моему, это был ваш коронный номер. Что-нибудь вроде подобного трюка вы, наверное, используете в дальнейших выступлениях.

Я также поблагодарил остроумного пограничника и чистосердечно признался, что никогда не подозревал о том, какие «резервы» таятся в моей аппаратуре. Мы дружески расстались.

И действительно, изъятие большого количества предметов из аппарата я потом показывал в номере под названием «Бак». В огромную вазу на манеже наливалось десятка три ведер воды, и, когда она уже переливалась через края, я доставал оттуда нескольких лилипутов, птиц, собаку, а под конец, к удивлению зрителей, на арену выпрыгивала девушка.

Смешной случай произошел в Тбилиси. Гастроли длились уже более двух месяцев, меня стали узнавать в театрах, на улицах. Как-то раз я сел в такси, спеша попасть в цирк к началу представления. Шофер, улыбнувшись, после небольшой паузы решился спросить:

— Товарищ Кио?

— Да.

— Видел вас в цирке... Ловко вы работаете... Почти все разгадал.. Меня не проведешь...

— Пожалуйста, — стал я просить с серьезным видом, — никому не рассказывайте о трюках, которые вы «разгадали»...

— Хорошо, — подумав, сказал шофер. — А за это вы покажите какой-нибудь необыкновенный трюк тут же, в машине.

Признаться, эта просьба поставила меня в затруднительное положение.

— Тут же, в машине? — переспросил я, оттягивая время.

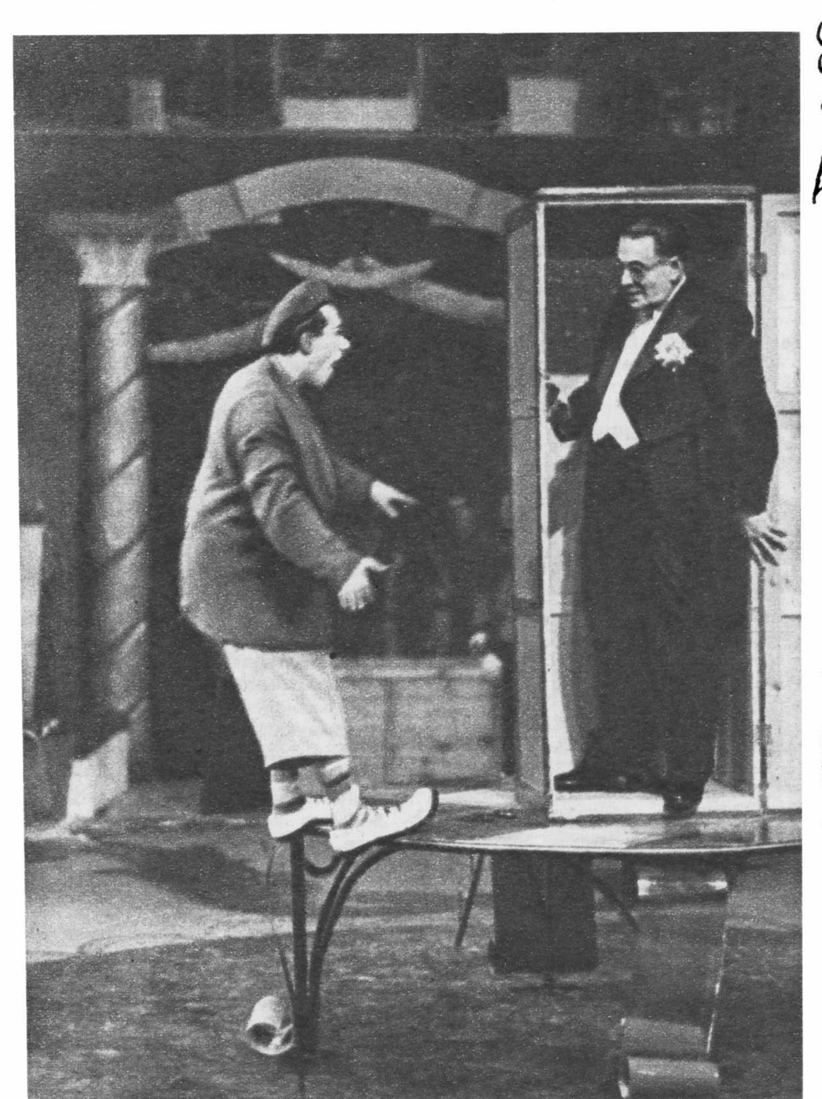
— Да, в машине, — подтвердил шофер и даже притормозил.

— Хорошо, — согласился я, доставая из кармана деньги. — Вы видите у меня в руках бумажный рубль?

— Конечно, вижу, — усмехнулся шофер.

— Так вот, я передаю вам этот

В будке только что никого не было! Как же попал в нее Кио?



Окончание. См. «Огонек» № 24.



рубль, а когда мы подъедем к цирку, вы дадите мне сдачи сто рублей! — произнес я повелительно.

Шофер нерешительно взял у меня рубль, и машина помчалась. Когда мы подъехали к цирку, водитель, словно завороженный, достал из кармана сторублевую ассигнацию и передал мне, пожирая меня глазами. Я вышел из машины и обошел ее, чтобы вернуть шоферу деньги через другое окно, но он вдруг нажал «на газ» и умчался, видимо, боясь, чтобы я не «накрыл» его еще на сотню. Я успел заметить номер машины и, с большим трудом разыскав «догадливого» шофера, вернул ему деньги. Однако последствием этого моего «фокуса» была большая неприятность. По Тбилиси прошел слух, что Кио гипнотизирует водителей, выманивая у них по сотне рублей... Едва я приближался к такси, шоферы, узнав меня, мгновенно отъезжали.

А в Одессе после представления ко мне пришел матрос торгового флота, красивый, симпатичный парень. Он сказал, что хочет побеседовать со мной наедине. Ассистенты вышли из артистической комнаты, и моряк поведал мне печальную повесть. Девушка, которая его любила, заявила, что хочет выйти замуж: матрос часто уходит в дальние плавания, и ей надоело оставаться одной. И вот морячок просит меня загипнотизировать его зазнобу, вернуть утраченную любовь.

Парень был так убит горем, что я не смог его убедить в том, что не занимаюсь гипнозом.

— Вы все можете, — твердил он. — Маруся чудесная дивчина, умоляю вас, загипнотизируйте ее, и все будет хорошо.



Я решил попытаться сделать так, чтобы действительно все было хорошо.

— Вот вам пропуск на завтрашнее представление, — сказал я. — Уговорите Марусю пойти в цирк, а после представления заходите ко мне.

На другой день в первом ряду партера я увидел вчерашнего знакомого и очаровательную девушку. Приблизившись к этой парочке, я сделал над ними несколько гипнотических пассов. Девушка широко раскрытыми глазами смотрела на меня.

Цирк уже опустел, когда ко мне в артистическую уборную постучали. Вместе с матросом робко вошла девушка. Матрос познакомил меня со своей подругой. Она окончила семилетку, собирается поступать на один из одесских заводов. Я попросил моряка на несколько минут выйти из комнаты.

— Буду гипнотизировать ее, — сказал я серьезно.

Нехотя моряк оставил нас. Пристально глядя Марусе в глаза, я говорил о том, как любит ее Федя, как будет строить он с ней новую жизнь. Федя рассказал мне, между прочим, и о том, что он собирается перейти на один из теплоходов, курсирующих вдоль побережья Черного моря, и, таким образом, не будет уезжать на длительные сроки.

— Все это я знаю, — отвечала Маруся. — Мне скучно без Феди, не с кем пойти в клуб, в кино... Не хочу я быть одна.

Я не стал прибегать к «гипнозу», а просто спросил, действительно ли Маруся любит Федю.

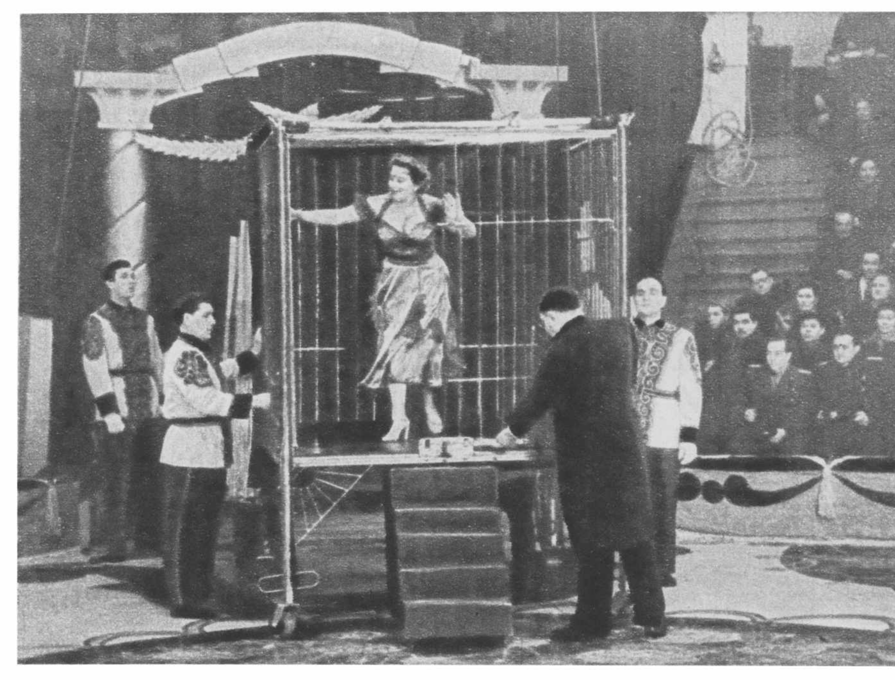
— Очень люблю! — призналась Маруся.

— Тогда нечего раздумывать, — внушительно сказал я. — Федя такой красивый и хороший парень, что его быстро могут «подхватить» ваши же подружки.

Видимо, этот мой аргумент имел решающее значение, Маруся согласилась стать женой Феди. Я позвал моряка и сказал, чтобы он тут же назначил день свадьбы. С неописуемой радостью Федя принялся трясти мою руку, а потом расцеловал свою невесту.

В назначенный день и час на скромную квартирку Феди я отправил корзину цветов и поздравительное письмо. До сих пор я получаю от счастливой четы маленькие весточки, а недавно на мое имя пришел пакет с фотографиями всей семьи, с двумя чудесными малышами.

...В годы Великой Отечественной войны мы широко обслуживали госпитали, призывные пункты. В цирках давалось много представлений и концертов, сборы с которых целиком шли на строительство самолетов и танков. Всем нам хотелось своим искусством откликнуться на темы борьбы Советской Армии с фашистами. Решать такую ответственную задачу надо было нашими специфическими цирковыми средствами. И мы создали номер. Клоун в форме фашистского головореза появлялся на арене с поднятой вверх рукой. Уморительные гримасы и ужимки комика, изображавшего гитлеровского вояку, вызывали смех зрителей. Но вот на него из-под купола цирка неожиданно опускался балдахин, и когда балдахин вновь поднимали, вместо солдата на манеже — могила с осиновым колом.



Иллюзионный номер «Девушка и лев». В пустую, со всех сторон просматриваемую клетку вошла ассистентка. Кио на-

Прошли годы, закончилась война. Мы продолжали выступления, разъезжая по циркам страны с новыми трюками. Когда за океаном развернулась истерия «холодной войны», мы стали подумывать о том, что и нам необходимо разоблачать вдохновителей этой кампании. Вместе с Н. Смирновым-Сокольским, режиссером А. Арнольдом и художником В. Рындиным мы подготовили новый иллюзионный номер под названием «Голова некоего культурного джентльмена».

— Правда ли, что вы делаете свои фокусы и иллюзии при помощи аппаратуры, привозимой из Америки? — спрашивал меня клоун во время представления.

— Нет, — отвечал я. — Своими иллюзиями я развлекаю зрителей, а некоторые американские джентльмены иллюзиями морочат голову народу.

На манеж вывозили «голову джентльмена». Ее раскрывали. Зрители видели, что она пуста. После этого начиналась ее «начинка»: в большое отверстие «головы» сажали героя бульварной литературы — гангстера с пистолетами в руках, потом туда забирался ковбой и в заключение парочка герлс. Я встряхивал «голову», чтобы перемешать содержимое, затем опрокидывал ее, и в «американском джентльмене» снова торжествовала пустота...

Как-то раз, приехав в Ленинград, я увидел на вокзале носильщиков, перевозивших багаж на самоходных тележках — троллейкарах, и подумал о том, что неплохо было бы использовать такой транспорт для иллюзионного номера. Долго обдумывались детали этого номера, чтобы показать его как можно выигрышнее и эффектнее. Наконец все было готово. На манеж выезжал троллейкар. По его краям стояли ассистенты, державшие стекло, на котором лежала девушка. Самоходная тележка разъезжала по кругу манежа, чтобы зрители могли убедиться в том, что на стекле лежит действительно девушка, а не кукла. Затем на стекло я набрасывал большое покрывало, троллейкар делал еще круг, покрывало сдергивалось, и на стекле никого не было.

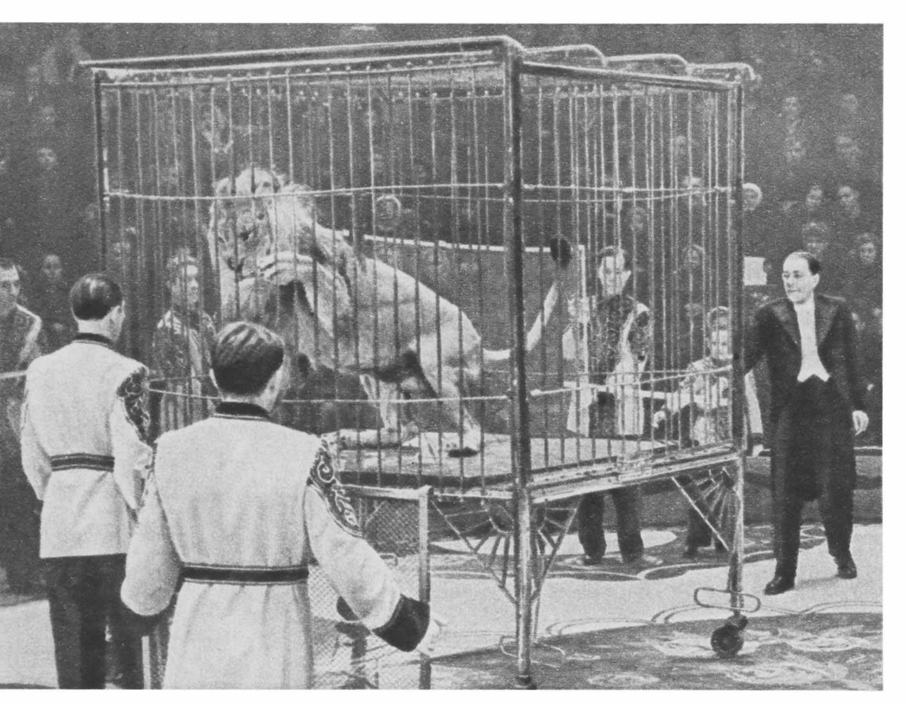
Секрет трюка таков: стекло держали ассистенты, а с другой стороны оно опиралось на особую подставку, вделанную в большую куклу-манекен, ростом с человека. И в тот момент, когда я набрасывал на девушку покрывало, она соскальзывала со стекла и пряталась в пустотелой кукле. Троллейкар уезжал с манежа, ассистенты демонстрировали стекло, зрители разводили руками.

Находясь в центре манежа и исполняя любой трюк, я, как дирижер оркестра, абсолютно спокоен за все свои «инструменты»: аппаратура для следующего номера будет подвезена вовремя, необходимые предметы в нужный момент ассистенты вручат мне в руки, и все будет сыграно, как по хорошо расписанной партитуре. Эта сыгранность достигается в результате очень многих репетиций. Конечно, у нас бывают срывы, бывают оплошности, но при этом всегда надо сохранять самообладание, не теряться.

Одна из оплошностей едва не закончилась печально. После прибытия в новый город и доставки аппаратов, ящиков и сундуков (а их более трех сотен) нам пришлось выступать в день приезда. Некоторые номера мы отрепетировали, а один сложный и трудный («Девушка и лев») не успели. Наш лев Урал (кстати сказать, в прошлом «артист» из группы Ири-

ны Бугримовой) «застоялся» и целый день был сильно возбужден. Он бросался на прутья клетки, яростно огрызался и ревел. Мы думали даже отменить номер с Уралом. Но моя помощница Е. Ренард-Кио настояла на его показе.

На манеж вывезли пустую клетку, в которую входит ассистентка, а сзади вплотную к этой клетке подвезли льва. Надо за несколько секунд произвести соответствующие операции, чтобы вместо помощницы в клетке оказался лев, а девушка исчезла. И вот Урал вскочил в клетку двумя—тремя секундами раньше, когда помощница еще не успела скрыться. Видимо, в минуту опасности к человеку приходит самообладание: ассистентка, не растерявшись, ускользнула от зверя. Она



брасывает на клетку большое покрывало, быстро сдергивает его. Вместо ассистентки в клетке оказался рычавший лев Урал.

рассказывала, что лев буквально «опешил», увидя перед собой женщину. Быть может, он вспомнил свою властную хозяйку Бугримову и не посмел напасть. Номер прошел успешно, никто из зрителей да и я сам не подозревал, что происходило в клетке, накрытой сверху большим покрывалом.

Я разоблачил столько своих фокусов и трюков, что, надеюсь, читатели не посетуют на меня, если пока не раскрою секрета номера «Девушка и лев». Придет время, я расскажу, как в просматриваемой со всех сторон клетке с тонким дном вместо девушки появляется лев.

Хочется мне рассказать и о той помощи, которую нам оказывают сами зрители, любящие цирковое искусство и заинтересованные в его развитии. Во время гастролей в Харькове я долго, но безуспешно репетировал номер с «прокалыванием» иглой трех девушек. Очень давно, лет двадцать пять назад, я видел подобный номер у иллюзиониста Линга-Синга. Мои помощники и инженеры, участвующие обычно в конструировании аппаратуры и реквизита, не могли создать иглу, которой безопасно можно было бы заниматься «прокалыванием». На нескольких представлениях я видел мальчишку с горящим от возбуждения лицом: он, видимо, старался разгадать секреты номеров.

Я не был удивлен, когда он пришел ко мне. Такие пытливые ребята нередко встречаются, они предлагают придуманные ими трюки и фокусы, и я всегда прислушиваюсь к их советам. Так было и на этот раз. Мальчик рассказал, что с детства увлекается техникой и состоит в кружке харьковского Дворца пионеров. Он любит цирк, часто ходит на представления и хотел бы предложить мне несколько, по его мнению, оригинальных иллюзионных номеров, построенных на использовании достижений техники.

— А не можешь ли ты подумать над тем, как изготовить иглу для «прокалывания»? — спросил я юного изобретателя.

Пришлось рассказать о моем замысле, о безуспешных попытках, которые не приводили к желаемым результатам. Мальчик обещал подумать. Через некоторое время он снова пришел ко мне. Из картонной коробки он вынул иглу, изготовленную оригинально, но в то же время удивительно просто. Мы поразились, насколько остроумно юный изобретатель решил трудную задачу. После нескольких репетиций выяснилось, что игла действует прекрасно и я мог «прокалывать» ассистенток вполне спокойно, с уверенностью в том, что даже не поцарапаю их...

Достижения мастеров советского цирка за последние годы стали широко известны во многих зарубежных странах. Наш цирк в буквальном смысле слова вышел на международную арену. Подлинным триумфом сопровождались выступления артистов советского цирка в странах народной демократии, в Индии, Индонезии, Афганистане, Иране, а также на аренах Бельгии, Франции и Англии.

Я полон новых творческих планов и замыслов. И если зрители не в обиде на меня за то, что я их «обманываю», заставляю подумать, чтоб разгадать тот или иной трюк, то я считаю себя вполне удовлетворенным. Значит, не напрасны многолетние труды нашего коллектива.

Литературная запись
Мих. ДОЛГОПОЛОВА.



Артистка Бай Ян — тетушка Сянлинь и артист Вэй Хао-лин в роли ее мужа.

«МОЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ»

На экранах Советского Союза с большим успехом идет новый цветной китайский фильм «Моление о счастье».

Режиссер Сан Ху и автор сценария Ся Янь бережно сохранили в фильме всю прелесть, своеобразие и огромную силу обличения замечательного одноименного рассказа писателя Лу Синя, сумели средствами кинематографа с большой художественной правдой, взволнованно рассказать горестную повесть тетушки Сян-линь.

Сян-линь играет одна из талантливейших китайских актрис, Бай Ян, и играет превосходно. Очень скупо и правдиво раскрывает она характер своей героини и создает обаятельный, женственный, чистый, очень своеобразный образ тетушки Сян-линь с ее судьбой, биографией, характером, темпераментом.

Много горя выпало на долю этой некогда жизнерадостной женщины: унижения, разочарования, крушение всех надежд, безмерные страдания и, наконец, смерть в нищете на улице... За этим образом зритель видит судьбы тысяч простых женщин дореволюционного Китая, о трагической жизни которых с такой силой рассказывает картина. С большой наблюдательностью переданы черты быта, ярко, талантливо сыграны другие образы, все это подчинено идее фильма... Мы, кажется, слышим с экрана голос автора, полный обличения, полный гневного пафоса, социального протеста.

Хороший фильм создали наши китайские друзья.

Чемпионат Европы по баскетболу

В конце июня в Софии будет разыграно X первенство Европы по баскетболу для мужских команд. Напомним коротко историю этого соревнования. Первый чемпионат Европы состоялся двадцать два года тому назад в Женеве. Победительницей тогда вышла команда Латвии. В последующий затем период (не считая военных лет) европейские первенства по баскетболу у мужчин проводились каждый нечетный год. Дважды чемпионами были литовские баскетболисты.

Пятое по счету первенство Европы состоялось в 1947 году в Праге. В нем впервые приняли участие наши спортсмены. Не проиграв ни одной встречи, команда СССР стала чемпионом. Это был большой и серьезный успех. В 1951 и 1953 годах в Париже и Москве наша команда уверенно подтвердила свое превосходство.

Последний розыгрыш первенства Европы проходил в Будапеште. Он был самым крупным. Команды 18 европейских стран оспаривали звание чемпиона. Победителями оказались венгры. Теперь предстоит X чемпионат, в котором примут участие советские спортсмены.

В конце прошлого года наши баскетболисты выдержали серьезное испытание: они участвовали в Олимпийских играх в Мельбурне и добились побед над командами Канады, Сингапура, Болгарии, Бразилии и Франции. Проигрыш в финале американцам оставил нашу команду на втором месте в мире.

Готовясь к нынешнему первенству Европы, участники сборной команды СССР много и упорно тренировались. Недавно они обыграли венгров — чемпионов Европы — со счетом 67 : 49. Затем сборная команда Советского Союза выезжала в Прагу и Бухарест.

Игры с командами Венгрии, Чехословакии и Румынии явились, по существу, генеральной репетицией перед приближающимся европейским чемпионатом.

Мы беседовали со старшим тренером советской команды Степаном Спандаряном. По его мнению, основная борьба на первенстве Европы должна развернуться между командами Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Франции и Советского Союза. У чехов прекрасно играют высокорослые баскетболисты Шкержик и Баумрук. В команде Венгрии выступают такие спортсмены международного класса, как Тибор Жирош, Янош Шимон и Янош Бенце. Очень большую угрозу для любой классной команды представляют болгары Мирчев, Радев и братья Пановы. Во французской команде, которая, кстати говоря, за последнее время стала играть очень сильно, отличаются защитник Антуан и нападающий Беньо. В нашей команде с положительной стороны зарекомендовали себя в последних играх Стасис Стонкус, Юрий Озеров, Михаил Семенов, Альгердас Лауритенас. Из молодых игроков следует назвать Михаила Студенецкого, Гурами Минашвили и Виктора Зубкова.

Ю. ЖИЛЯЕВ

СТО КАКТУСОВ

— Почему вы выращиваете именно кактусы? — спросили мы у москвички Ирины Александровны Залетаевой.— Чем плохи другие цветы?

— Дело не в том, что другие цветы «плохи», а в том, что кактусы удобны для комнатных условий.

В коллекции Залетаевой около ста видов кактусов. Умещаются они на одном подоконнике. Под колпаком из плексигласа растут кактусы рипсалисы. Хотя обычно представление о кактусах связывается с нестерпимым зноем пустынь, эти обитатели тропических лесов Бразилии любят полумрак и влагу. Цереусы (свечевики), наоборот, любят свет и солнце. Иногда, извиваясь, они принимают фантастические формы, и именуются эти изогнутые стебли «ночными принцессами». Такое название кактус получил за свои красивые золотистобелые цветы. Они распускаются в десять часов вечера и цветут до трех часов ночи. А утром на длинном колючем стебле остаются лишь засохшие лепестки. Рядом с горным, ореокактусом, маленьким, покрытым белыми шерстинками, словно одетым в кавказскую бурку, шариком, стоит похожий на ананас эхинопсис. На его ребрах из почек вырастают «детки». Еще не оторвавшись от «материнского тела», «детки» пускают корни, а потом, упав на землю, они закрепляются и начинают расти самостоятельно. Так в одном горшочке образуются целые «семейства» эхинопсисов.

Некоторые кактусы размножаются только семенами и потому очень редко встречаются в коллекциях. К таким кактусам принадлежит уроженец Мексики кактус лофофора вильямси. С виду это маленький темно-зеленый шарик без колючек, напоминающий недозревший помидор. В далекие времена он не раз являлся причиной страданий и смерти многих людей. В соке лофофоры содержатся алкалоиды, которые, попадая в кровь человека, вызывают опьянение. У человека, который съел высушенные верхушки лофофоры, начинаются галлюцинации. Собирать и употреблять в пищу лофофору было строжайше запрещено.

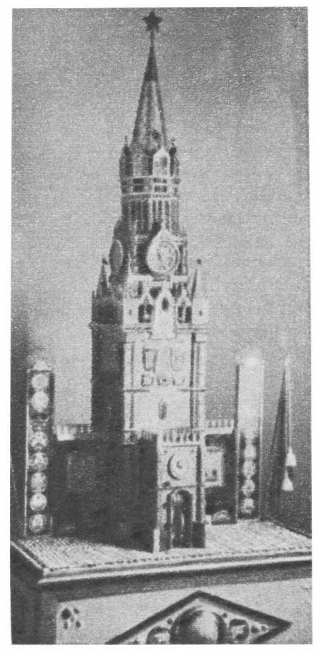
В коллекции И. А. Залетаевой есть такие «редкости», как замечательный «звездчатый кактус», кактусы «голова старика», «золотой шар». Правда, это еще не настоящие кактусы, а только «кактусята», и сидят они в общем ящике под лампой дневного света. Но будущей весной они повзрослеют и переселятся в горшочки.

М. КАФАНОВА



— Прошу вас, присаживайтесь, пожалуйста.

Изошутка И. Оффенгендена.



Часы-башня

Стрелки приближаются к двенадцати. Раздается мелодичный перезвон курантов. Двенадцать раз бьет колокол. Вслед за тем загорается красная звезда и включается радиоприемник, скрытый в башне.

Часы в форме Спасской башни мы увидели в доме Станислава Тимофеевича Крутоголовенко, который живет в хуторе Адагум на Кубани. Он сделал их в подарок VI Всемирному фестивалю. Работа была трудной. Вся башня отделана инкрустацией из никеля, латуни, хромоникеля, фарфора; только на боковых стенах укреплено более шести тысяч чешуек из никеля, и это оформление заняло более пяти месяцев.

Часы приводятся в действие тремя механизмами. Один двигает стрелки, другой производит бой, третий связан с механизмом курантов. Заводятся часы раз в месяц, стрелки переводятся сразу на четырех циферблатах.

Часы украшены гербами советских республик. На подставке укреплен ромб с макетом земного шара. Каждую минуту вокруг шара обращаются два серебристых самолета.

Ю. НОВИКОВ, А. ДАШКЕВИЧ

«Отказать»

Недавно в Центральном доме работников искусств проходила выставка картин художников. На выставке были представлены работы И. Репина, В. Сурикова, И. Левитана, В. Поленова, К. Коровина, К. Юона, П. Кончаловского и других художников. Работы эти находятся в частных собраниях и недоступны широкому кругу зрителей.

«Огонек» постоянно знакомит своих читателей с произведениями искусства, находящимися в различных музеях нашей страны. Вполне естественным было желание редакции напечатать репродукции нескольких картин с этой выставки.

Но неожиданно «Огонек» встретил сопротивление директора ЦДРИ тов. Филиппова. На наше письмо с просьбой разрешить репродуцировать картины он наложил грозную резолюцию: «Отказать». В наивности своей мы полагали, что это просто недоразумение, и, так как нам никто не мог объяснить причину отказа, обратились к тов. Филиппову.

— Нет, я не могу разрешить вам репродуцировать картины с нашей выставки,— сказал он.

— Но почему же? Если возражают владельцы картин, дайте их адреса, и мы договоримся сами.

— Мне надо подумать. Позвоните завтра.

Четыре дня Филиппов «думал» и, наконец, на пятый, когда до закрытия выставки оставалось два дня, «придумал»:

— Пусть редакция даст письменное обязательство указать, что выставка организована нами.

Нам показалось странным это требование. Обращение редакции к председателю ЦК профсоюза работников культуры Б. С. Ржанову ничего не изменило.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин В. В. Верещагина и четыре страницы цветных фотографий.

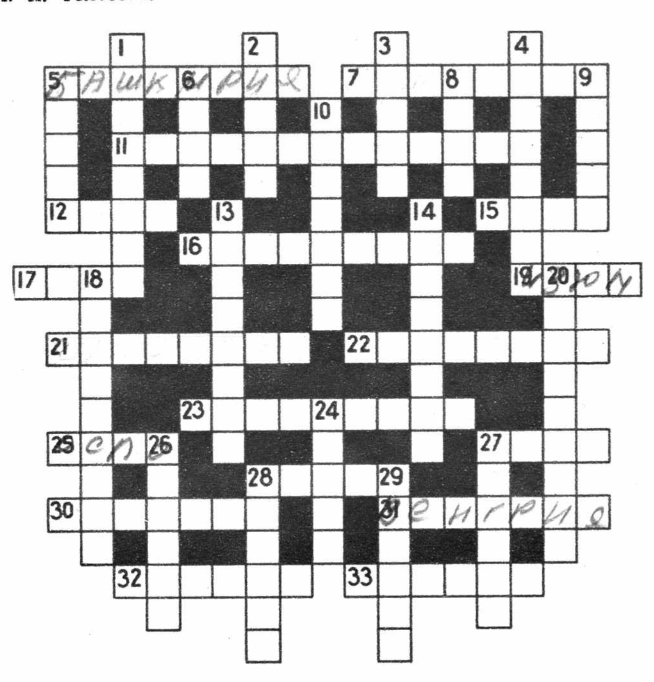
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автономная советская республика. 7. Цветок. 11. Непредвиденное обстоятельство. 12. Белорусская народная плясовая песня. 15. Драматическое представление. 16. Точка пересечения высот треугольника. 17. Жара. 19. Сушеные ягоды винограда. 21. Промышленный центр Кузбасса. 22. Комсомолец, Герой Советского Союза. 23. Часть педагогики. 25. Столица одной из скандинавских стран. 27. Провинция в Северо-Восточном Китае. 28. Украинский национальный танец. 30. Порода сторожевых собак. 31. Государство в Европе. 32. Резвая лошадь. 33. Кожа высокого качества.

По вертикали:

1. Русский педагог. 2. Наука. 3. Музыкальный инструмент. 4. Разновидность капусты. 5. Приток Камы. 6. Общая сумма. 8. Порт на Азовском море. 9. Очертание предмета. 10. Известковый шпат. 13. Музыкальное произведение. 14. Спортивные упражнения. 18. Родина. 20. Специалист в сельском хозяйстве. 24. Остров в Тирренском море. 26. Персонаж оперы С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 27. Многолетний кустовой злак, кормовое растение. 28. Башкирский народный поэт и писатель. 29. Повесть Л. Н. Толстого.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

7. Навигация. 8. Приоритет. 10. Передвижник. 13. Проспект. 15. Расточка. 16. Пиано. 17. Настурция. 18. Агора. 19. Тициан. 20. Яньань. 24. «Шторм». 25. Хронометр. 27. Октод. 28. Одинцова. 29. Телетайп. 30. Каракалпаки. 33. Боровинка. 34. Тимишоара.

По вертикали:

1. Клише. 2. Фураж. 3. Пастернак. 4. «Хамелеон». 5. Комиссия. 6. Рефрактор. 9. Автобус. 11. Ассортимент. 12. Тональность. 14. Тускарора. 15. Рецензент. 21. Кондуктор. 22. Нордкап. 23. Штейнберг. 25. Хлорамин. 26. Реликвия. 31. Аккра. 32. Поиск.







Поговорили...

Изошутка Ю. и Л. Черепановых.

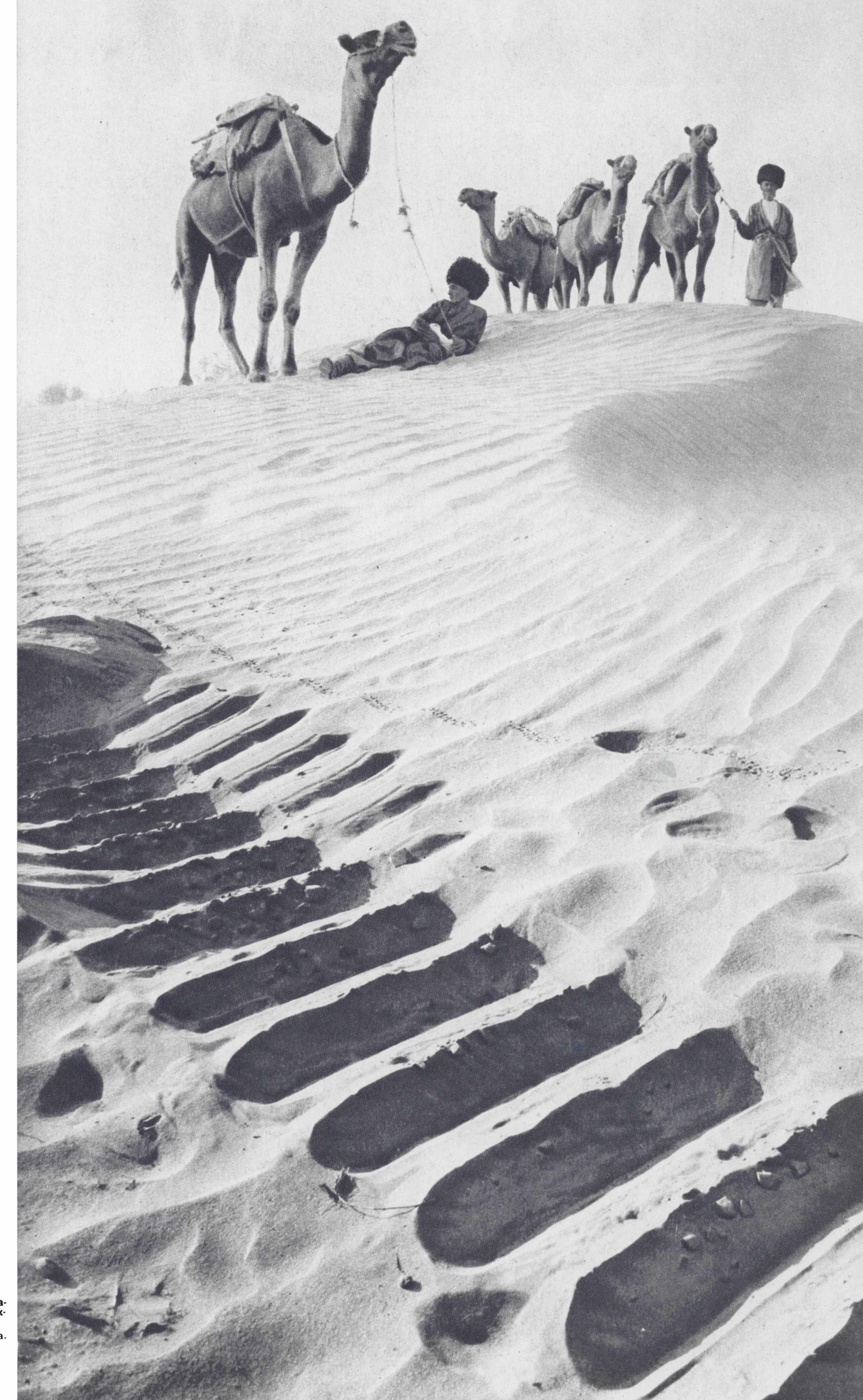
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05253. Подписано к печати 12/VI 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 599. Заказ № 1462.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.



В песках пустыни Кара-Кумы. Здесь прошел трактор.
Фото В. Тарасевича.

Цена номера 3 руб.

